

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (РГГУ)**

На правах рукописи

Шишков Андрей Владимирович

**«Объектно-ориентированная онтология» как философская школа
кон. XX – нач. XXI вв.**

Специальность 5.7.2. История философии
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Коначева Светлана Александровна

Москва — 2026

Оглавление

Введение	4
Глава 1. История становления объектно-ориентированной онтологии	21
§ 1.1. У истоков объектно-ориентированной философии	21
1.1.1. Грэм Харман: начало академической карьеры	21
1.1.2. Великое прозрение и великая ошибка Хайдеггера	24
1.1.3. Первые элементы объектно-ориентированной философии	34
1.1.4. Возвращение к метафизике	40
1.1.5. Формирование словаря объектно-ориентированной философии	45
1.1.6. Интерпретация Четверицы Хайдеггера	49
Выводы из § 1.1	56
§ 1.2. Формирование классической четверки объектно-ориентированных философов	59
1.2.1. Объектно-ориентированная философия в контексте спекулятивного реализма	59
1.2.2. Дискуссия Г. Хармана с Б. Латуром, К. Мейясу и М. Деландой.....	67
1.2.3. Формирование четверки объектно-ориентированных философов	82
Выводы из § 1.2	90
§ 1.3. Становление школы объектно-ориентированной философии	93
1.3.1. Формирование теоретического ядра ООО	93
1.3.2. Институциональное развитие ООО	102
1.3.3. Влияние академической критики на становление ООО	109
Выводы из § 1.3	118
Глава 2. Теоретические принципы объектно-ориентированной онтологии	122
§ 2.1. Метафизика объектов	122
2.1.1. Критика философии человеческого доступа	123
2.1.2. Эпистемологическая теория срывов	129

2.1.3. Плоская онтология	133
Выводы из § 2.1	138
§ 2.2. Теория объектов	142
2.2.1. Воспринимаемый объект, эфир качеств и чёрный шум	142
2.2.2. Реальный объект, нулевое лицо, ноумен	153
2.2.3. Онтография четвероякого объекта	158
2.2.4. Концепция гиперобъектов	165
2.2.5. Проблема времени в объектно-ориентированной онтологии	177
2.2.6. Трудности с категорией пространства	187
2.2.7. Интерпретация напряжения RO–SQ как энергии	194
Выводы из § 2.2	202
§ 2.3. Теория причинности и познание	209
2.3.1. Замещающая причинность Грэма Хармана	209
2.3.2. Магическая причинность Тимоти Мортонa	214
2.3.3. Метафора, театральность, игра	219
2.3.4. Проблема антропоморфизма	223
Выводы из § 2.3	226
 Глава 3. Применение объектно-ориентированной онтологии	229
§ 3.1. Искусство	230
3.1.1. Эстетическая теория ООО	230
3.1.2. Теория и критика искусства в ООО	240
3.1.3. Влияние объектно-ориентированной онтологии на искусство	249
Выводы из § 3.1	253
3.2. Архитектура и дизайн	256
3.2.1. Теория архитектуры Грэма Хармана	256
3.2.2. Дискуссия об объектно-ориентированной архитектуре	263
Выводы из § 3.2	270
Заключение	272
Список литературы	285

Введение

Общая характеристика работы

Актуальность. Объектно-ориентированная философия (ООФ), в другом варианте – онтология (ООО) появилась без малого тридцать лет назад (1997). Ее основателем стал американский философ Грэм Харман (р. 1968). В 2009–2010 гг. к нему присоединились еще три философа – Леви Брайант (р. 1974), Иен Богост (р. 1976) и Тимоти Мортон (р. 1968), сформировав основу для появления интеллектуального движения. К настоящему времени ООО стала полноценной школой систематической философской мысли, имеющей общий набор фундаментальных принципов, специфический объектно-ориентированный метод исследования, корпус текстов, последователей и инфраструктуру деятельности. ООО остается актуальным направлением в контексте современных философских дискуссий о формировании новой парадигмы, пришедшей на смену постмодерну. Ее относят к целому ряду т. н. “поворотов” в философии и социо-гуманитарных исследованиях: спекулятивному, онтологическому, метафизическому, тёмному и повороту к нечеловеческому. Помимо прочего, ООО оказывает влияние на такие сферы как искусство, архитектура и дизайн, экология, археология, социальная и политическая теория, религия и т. д.

Вместе с тем, ни в отечественной, ни в зарубежной науке до сих пор нет исследований, в которых бы проводился подробный историко-философский анализ ООО как школы философской мысли. Как правило, исследователи рассматривают ее отдельные теоретические положения или возможность применения объектно-ориентированной методологии к различным предметам и дисциплинам. Однако, историческая сторона анализа ООО, включающая генезис теоретических оснований и особенности формирования школы мысли, как правило, остается за рамками таких исследований. Точно так же, отсутствуют работы с критической реконструкцией теории ООО,

обобщающей наработки объектно-ориентированных философов за последние тридцать лет. Претендующие на такую реконструкцию работы П. Вульфиндейла, П. Граттона, Т. Спэрроу, С. Шавиро вышли еще в 2014 г. – в период активного формирования теоретической системы ООО, на которое влияла в числе прочего дискуссия с упомянутыми авторами. Актуальность данного исследования заключается в устранении этих пробелов в историко-философском знании.

Объектом исследования выступает корпус текстов философов, относящих себя к направлению объектно-ориентированной онтологии (Г. Харман, Т. Мортон, Л. Брайант, И. Богост и др.), опубликованный в период с 2002 по 2025 гг. **Предметом исследования** является объектно-ориентированная онтология как направление и школа философской мысли конца XX – первой четверти XXI вв.

Целью работы – историко-философская реконструкция генезиса и исторического развития, а также теоретических оснований объектно-ориентированной онтологии и ее применения к различным сферам теоретической и практической деятельности (искусство, архитектура, экология, религии и др.). Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи и подзадачи**:

1. Выявить генезис и развитие основных понятий и концепций объектно-ориентированной онтологии:

- определить источники философских и нефилософских (искусство, арт-критика и т. д.) влияний на представителей ООО;

- предложить авторскую интерпретацию соотношения оригинальности основных понятий и концепций ООО и степени влияния других философских источников на их появление;

- проанализировать стереотипы о некоторых влияниях в качестве существенных (например, о существенном влиянии И. Канта или Г. Ф. Лавкрафта на философию Г. Хармана);

- реконструировать историю формирования понятийного словаря ООО.

2. Реконструировать историко-философский контекст появления и развития объектно-ориентированной онтологии через основные дискуссии со смежными направлениями (пост)континентальной философской мысли (спекулятивным реализмом, акторно-сетевой теорией Б. Латура, реализмом М. Деланды и др.):

- проанализировать основные линии демаркации со смежными подходами;
- проанализировать взаимоотношения ООО со спекулятивным реализмом.

3. Проанализировать развитие ООО от индивидуального подхода Г. Хармана до школы философской мысли:

- предложить периодизацию исторического развития ООО;
- реконструировать историю формирования классической четверки объектно-ориентированных философов;
- проанализировать идейное и институциональное влияние ООО в контексте современной философии и междисциплинарных исследований (искусство, архитектура, экология и т. д.);
- проанализировать состав основных последователей ООО, помимо классической четверки; идейно близких философов смежных направлений; оппонентов;
- обосновать статус ООО как философской школы.

4. Предложить реконструкцию и критический анализ теоретических оснований ООО:

- реконструировать основные теоретические положения ООО;
- выявить теоретические положения, определяющие принадлежность к ООО;
- проанализировать главные линии критики ООО (теория времени и пространства и т. д.);
- предложить собственную интерпретацию дискуссионных элементов теории ООО.

Степень разработанности темы. Объектно-ориентированная онтология часто рассматривается исследователями в контексте более общих явлений философской и шире – социо-гуманитарной мысли: упомянутых выше “поворотов”, (пост)континентальной философии и спекулятивного реализма. Эти работы можно поделить на две части. Первая – это тематические сборники текстов, цель которых – либо нейтральное описание основных положений ООО, либо дискуссия с ними. Среди них следует упомянуть: “Спекулятивный поворот” (под ред. Л. Брайанта, Н. Срничека и Г. Хармана, 2010)¹, “Поворот к нечеловеческому” (под ред. Р. Грасина, 2015)², “Онтологический поворот” (под ред. М. Холбраада и М. А. Педерсена, 2017)³, “Континентальный реализм и его разногласия” (под ред. М.-Е. Морин, 2017)⁴, “После спекулятивного реализма” (под ред. Ч. Джонса и Х. Бенсусана, 2025)⁵. Из отечественных работ – тематические номера журнала “Логос” (“Новые онтологии” № 3 2017, “Тёмный Логос” № 4 и 5 2019), обзорные работы С. В. Соколовского, помещающие ООО в контекст онтологического поворота в антропологии и социальных науках (2016, 2017)⁶.

Вторая часть работ, помещающих ООО в более широкий контекст, представлена авторскими исследованиями. П. Эннис рассматривает ее в контексте континентального реализма (2011)⁷. С. Шавиро⁸ и П. Граттон⁹ – как часть спекулятивного реализма (2014), как и И. А. Девайкин в своем диссертационном исследовании о преодолении корреляционизма (2023)¹⁰. Т.

¹ The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / ed. by L. Briant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne : Re.Press, 2011.

² The Nonhuman Turn / ed. by R. Grusin. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2015.

³ The Ontological Turn: An Anthropological Exposition / ed. by M. Holbraad, M. A. Pedersen. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

⁴ Continental Realism and Its Discontents / ed. by M.-E. Morin. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2017.

⁵ After Speculative Realism / eds. Johns C., Bensusan H. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2025.

⁶ Соколовский С. В. К самим вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.21 / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2016. С.9–35; Соколовский С. В. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и “онтологический поворот”. / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2017. С. 3–30.

⁷ Ennis P. Continental Realism. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011 (e-Book).

⁸ Shaviro S. The Universe of Things: On Speculative Realism. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2014.

⁹ Gratton P. Speculative Realism: Problems and Prospects. London ; New York: Bloomsbury, 2014.

¹⁰ Девайкин И.А. Преодоление корреляционизма в современной онтологии (на материале работ Г. Хармана, К. Мейясу и Р. Брассье): специальность 5.7.1 “Онтология и теория познания”: диссертация на соискание

Спэрроу касается лишь “феноменологической части” теории Г. Хармана в работе, посвященной современным проблемам феноменологии (2014)¹¹. Т. Нейл – в своем исследовании по теории объектов (2021)¹². Д. Хаустов – как часть т. н. “тёмных теорий” (2026)¹³. Однако, во всей перечисленных работах исследование и критика ООО не только не занимает центрального места, но и

Отдельные аспекты теории ООО освещены в зарубежной науке – Р. Джексон, А. Кляйнхеренбринк, Н. Янгом, Ф. Ферро, С. Дэвисом, С. Уиром, Дж. Вивальди и др., в отечественной – А. А. Писаревым, А. Морозовым, Д. Вяткиным, Д. Кралечкиным, А. Вилейкисом, П. Хановой, О. В. Головашиной и др. Исследованиям ООО посвящены четыре тематических блока журнала *Open Philosophy* (2019, 2020, 2021, 2024).

Единственной монографией, целиком посвященной критическому анализу основных теоретических положений ООО, остается полемическая П. Вульфиндейла “Объектно-ориентированная философия: новое платье ноумена” (2014)¹⁴. Однако, на данный момент ее следует признать в достаточной мере устаревшей, а подход самого автора полемически ангажированным (см. подробнее §1.3.3).

Научная новизна исследования. В представленной работе впервые в зарубежной и отечественной науке представлена полноценная историко-философская реконструкция ООО, учитывающая ее исторические и теоретические аспекты, а также междисциплинарное влияние. Новизна подхода в данном диссертационном исследовании также заключается в том, что концепции авторов ООО (Г. Хармана, Т. Мортон и др.) рассматриваются не по отдельности, а как составляющие единой школы мысли, объединенной общими фундаментальными принципами и историей становления.

ученой степени кандидата философских наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2023.

¹¹ Sparrow T. The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014.

¹² Nail T. Theory of the Object. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021.

¹³ Хаустов Д. Тёмные теории: философия после постмодерна. М. : Издательство Лёд, 2026.

¹⁴ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Falmouth : Urbanomic, 2019.

Работа претендует на существенный вклад в историографию объектно-ориентированной онтологии. По сравнению с существующими реконструкциями корпус исследуемых текстов значительно расширен и охватывает период 1997–2025 гг. Все основные и второстепенные источники философской мысли ООО описаны и помещены в общую историческую канву динамики ее развития. Некоторые из последних работ Г. Хармана и Т. Мортонa вводятся в отечественный научный оборот впервые.

В исследовании предлагается существенная модификация модели четвероякого объекта Г. Хармана, с одной стороны – значительно ее корректирующая и оказывающая влияние на другие части ООО, с другой – полностью соответствующая ее фундаментальным принципам.

Методология исследования. В диссертации применяются классические методы историко-философского анализа, позволяющие анализировать выявляемые на основе работы с текстами проблемы, утверждения и понятия, выявлять их генезис, устанавливать внутреннюю логику авторской мысли, сопоставлять отдельные места текстов между собой. В реконструкции и анализе теоретических основ ООО использовались синхронический метод, описывающий основные элементы ее философской системы как целого, и диахронический метод, показывающий динамику ее развития и внешних влияний на формирование понятийного аппарата.

Важным инструментом реконструкции ООО стал историко-биографический метод, позволяющий оценить соответствие существующих интерпретаций биографическому контексту философов. В частности, он позволил опровергнуть утверждения о решающем влиянии И. Канта и Г. Ф. Лавкрафта на философию Г. Хармана, а также показать значимость буддийского бэкграунда и влияния понятий буддийской философии на мысль Т. Мортонa. В части теоретической реконструкции также использовались методы логического анализа, позволившие найти несоответствия во внутренней логике модели четвероякого объекта Г. Хармана. Также был

использован метод сравнительного анализа философских концепций авторов ООО.

Ключевым моментом для методологии диссертационного исследования стал выбор философской перспективы, из которой осуществляется критический анализ его предмета. На наш взгляд, в критическом исследовании философского направления или школы невозможно занять мета-позицию, она всегда будет обусловлена основными принципами и методологией того или иного направления мысли. Критика ООО может осуществляться из перспективы феноменологии (Т. Спэрроу, Д. Захави), гегельянской (С. Жижек) или марксистской мысли (У. Филлипс), дерридианской деконструкции (П. Граттон, К. Малабу), философии процесса (С. Шавиро, Дж. Беннетт), спекулятивного материализма (К. Мейясу), неорационализма (П. Вульфиндейл, Р. Брасье) и т. д. Во всех перечисленных случаях речь идет, как правило, не о критике консистентности и когерентности идей и методов ООО ее же фундаментальным принципам, а об их несоответствии принципам тех философских направлений, из которых эта критика осуществляется. Вопрос о том, насколько такой подход можно считать адекватным, остается открытым. В связи с этим можно вспомнить слова А. Н. Уайтхеда: “Замечено, что философская система никогда не опровергается: от нее только отказываются”¹⁵.

Мы рассматриваем объектно-ориентированную онтологию как собственную перспективу философских исследований, поэтому наша критика является имманентной или внутренней по отношению к этому направлению. Такую ситуацию можно назвать вполне традиционной для истории философской мысли: подход младогегельянцев к философии Г. В. Ф. Гегеля или критика М. Хайдеггера в адрес своего учителя Э. Гуссерля. Как и в приведенных примерах, мы не ставим перед диссертационным исследованием цели создания апологии ООО, в которой она, на наш взгляд, не нуждается.

¹⁵ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / сост. И. Т. Касавин; общ. ред. М.А. Кисселя; пер. А. Ф. Грязнов и др. М. : Прогресс, 1990. С. 276.

Наш научный и философский интерес заключается в критическом осмыслении и развитии тех идей, которые предложило первое поколение объектно-ориентированных философов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первый этап становления объектно-ориентированной философии (1997–2006) представляет собой период индивидуальной разработки Грэмом Харманом ее основных принципов и понятийного аппарата. Харман сформировался как философ в начале 1990-х гг. в контексте американской ветви феноменологии, ориентирующейся на французскую феноменологию и хайдеггерианский экзистенциализм. Появление ООФ связано с его интеллектуальным переворотом под влиянием философии А. Н. Уайтхеда и теории сущности Х. Субли (1997), принявшим форму возвращения к метафизике, что запустило процесс сепарации Хармана с материнской философской традицией и обусловило идейную оригинальность его подхода. Метафизическое переосмысление хайдеггеровского различия подручного (*Zuhandenheit*) и наличного (*Vorhandenheit*) позволило ему сформулировать ключевой для ООФ принцип онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым. Предложенная Харманом партизанская метафизика, учла хайдеггерианскую критику онтотеологии, но разошлась с антиметафизической феноменологией (Д. Жанико) и пост-метафизикой (Э. Левинас, М. Анри, Ж.-Л. Марион). Помимо упомянутых авторов на формирование понятийного аппарата теории также повлияло переосмысление идей Э. Левинаса (*il y a*), Э. Гуссерля (интенциональный объект, феноменологическая и эйдетическая редукция), А. Лингиса (императив), Г. В. Лейбница (монадология), Б. Латура (ирредукция, актор, перевод). *Das Geviert* Хайдеггера стала референсом для создания модели четвероякого объекта. Напротив, утверждаемое некоторыми исследователями решающее влияние И. Канта и Г. Ф. Лавкрафта на формирование ООФ не подтвердилось.

2. Второй этап становления объектно-ориентированной философии (2007–2010) характеризуется ее концептуальным самоопределением в

контексте спекулятивного реализма и размежеванием со близкими философскими направлениями. Его начало связано с семинаром “Спекулятивный реализм”, прошедшем в Голдсмитском колледже Лондонского университета (2007) при участии Грэма Хармана, Рэя Брасье, Квентина Мейясу и Иена Хэмилтона Гранта. Объединяющей основой их проектов стала критика корреляционизма, понимаемая как сведение бытия к его корреляции с человеческим мышлением (в терминологии Хармана – философия человеческого доступа). Спустя короткое время Брасье и Мейясу покинули движение, в оставшемся альянсе Хармана–Гранта ООФ заняла лидирующие позиции в спекулятивном реализме, что нашло свое выражение в продолжении серии семинаров спекулятивных реалистов под патронажем представителей объектно-ориентированной философии. В этот период Харман уточнил специфику объектно-ориентированной философии в дискуссиях с Бруно Латуром (акторно-сетевая теория), Квентином Мейясу (спекулятивный материализм) и Мануэлем Деландой (реалистическая онтология). Этап завершился формированием классической четверки объектно-ориентированных философов – Грэма Хармана Леви Брайанта, Иена Богоста и Тимоти Мортонa, ставшей ядром зарождающейся школы философской мысли. На этом этапе она получает свое популярное название “объектно-ориентированная онтология” (ООО).

3. Третий этап в истории объектно-ориентированной онтологии (2011–н. в.) характеризуется ее оформлением в философскую школу. В качестве критериев школы выделяются следующие: лидерство и наличие последователей, общее теоретическое ядро, институциональное оформление и устойчивость к академической критике. Лидерство в школе принадлежит ее основателю Г. Харману, сформулировавшему ее фундаментальные теоретические принципы и понятийный аппарат и выступающему ее главным публичным лицом, организатором и наставником. К настоящему времени можно выделить два поколения объектно-ориентированных философов: первое – представлено классической четверкой, чье формирование

закончилось в 2010 г., второе – новыми участниками ООО, присоединившимися к ней во второй половине 2010–начале 2020-х гг. (Дж. Когбёрн, Н. Янг, А. Кляйнхеренбринк, Дж. Вивальди, Т. Уискомб и др.). Одной из главных особенностей институционального формирования школы является ее сетевой характер: ООО с самого начала не была привязана к какому-либо учебному или научному заведению, а формировала круг своих последователей вокруг блогов, интеллектуальных журналов, книжных серий, междисциплинарных проектов на стыке философии, искусства и прикладной деятельности. В качестве общего теоретического ядра ООО можно выделить следующие фундаментальные принципы: 1) онтологическая первичность объектов; 2) наличие онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым; 3) наличие онтологического “разлома” между объектом и его качествами. На этом этапе представители ООО применили ее фундаментальные принципы к решению проблем в разных областях теории и практики – искусстве, архитектуре и дизайне, экологии, социальной и политической теории, истории и археологии, антропологии, теологии и религии и т. д.

4. Метафизика объектов в ООО выстраивается вокруг фундаментального принципа онтологической первичности объектов, результатом применения которого становятся критика философий человеческого доступа (ФЧД) и критика стратегий эпистемологических срывов. Главной проблемой философий доступа становится онто-таксономическая ошибка – заблуждение относительно привилегированного онтологического статуса человека по отношению к другим объектам и неверное проведение онтологического “разлома” по линии человек/мир, а не реальное/воспринимаемое. Критика ФЧД совпадает с позицией других философов, давших начало движению спекулятивного реализма, в частности – с критикой корреляционизма Квентина Мейясу. Однако, между ними существуют существенные отличия, которые заключаются в разном ответе на вопрос: какой должна быть основа спекулятивной философии – эпистемологической (Мейясу) или

онтологической (Харман). Принципу онтологической первичности объектов также противостоят стратегии эпистемологических срывов, редуцирующих объекты либо к некой глубинной реальности, первооснове, элементам (стратегия подрыва), либо к сумме их отношений, качеств (стратегия надрыва), либо и к тому, и к другому одновременно (стратегия двойного срыва). Еще одна концепция, вытекающая из этого фундаментального принципа – плоская онтология: онтологическое равенство всех сущих. Она получает наибольшее развитие в работах Л. Брайанта, однако Г. Харман отмечает неполноту плоской онтологии, поскольку она не учитывает такой класс объектов как воспринимаемые объекты. Исходя из этого, плоская онтология не является одним из фундаментальных принципов ООО и может рассматриваться как второстепенная концепция.

5. Центральным элементом объектно-ориентированной онтологии является модель четвероякого объекта Грэма Хармана. Она представляет собой аналитическую схему, выстроенную на основании двух фундаментальных принципов ООО: “разломом” между реальным и воспринимаемым, а также объектом и качествами. Четвероякий объект состоит из четырех полюсов – реального объекта (RO), реальных качеств (RQ), воспринимаемого объекта (SO) и воспринимаемых качеств (SQ) – и трех типов их связи – напряжений, юнкций и излучений. Анализ любого объекта по четвероякой схеме Харман называет онтографией. При разработке теории воспринимаемых объектов и их качеств Харман обратился к идеям феноменологии Эдмунда Гуссерля, а также теории восприятия Эммануэля Левинаса и Альфонсо Лингиса. Теория реальных объектов и их качеств восходит к понятию подручного (*Zuhandenheit*) Мартина Хайдеггера, теории сущности Хавьера Субири и монадологии Г. В. Лейбница. Онтография Хармана выстраивается вокруг анализа трех типов связей между полюсами четвероякого объекта. Он называет напряжением связь между объектом и качествами, их насчитывается четыре: SO–SQ – время, SO–RQ – эйдос, RO–SQ – пространство, RO–RQ – сущность. Мы оспариваем корректность

именования напряжения RO–SQ пространством и настаиваем на понятии энергии. Второй тип связей относится к сочетаниям объектов и называется юнкция. Харман выделяет три юнкции: RO–RO – изытость, SO–SO – смежность, RO–SO – искренность. Последнюю предлагается дополнить понятием уверенность. Третий тип связей – излучения – представляют собой сочетания качеств, мы находим искусственной попыткой полностью заполнить аналитическую схему четвероякого объекта, поскольку качества неотделимы от объектов.

6. Концепция гиперобъектов Тимоти Мортон вносит значительный вклад в теорию объектов ООО. Она описывает особый тип объектов, которые широко распространены во времени и пространстве и не поддаются целостному восприятию. Концепция Мортон удовлетворяет фундаментальным принципам ООО, выраженным моделью четвероякого объекта. Гиперобъекты относятся к классу воспринимаемых объектов, за которыми скрываются реальные объекты. Описываемые Мортоном свойства гиперобъектов также относятся к особенностям их восприятия. С помощью своей концепции он критикует феноменологическое понятие мира как возможности места позиции и “пустого пространства”, населенного объектами. С точки зрения Мортон, феноменология мира не замечает обусловленность восприятия средой гиперобъекта, в которую неизбежно погружен наблюдатель. Мортон вводит в свою теорию термины буддийской философии бардо и карма, переосмысляя их в применении к ООО.

7. Проблема пространства и времени является одним из наиболее уязвимых для критики аспектов объектно-ориентированной онтологии. В онтографии Хармана время соответствует напряжению SO–SQ, а пространство –RO–SQ. Основная трудность с теорией времени связана с объяснением изменений в реальных объектах, если время относится к сфере восприятия. П. Граттон усматривает в этом превращение реальных объектов в вечные платоновские идеи, а П. Вульфиндейл и А. Кляйнхеренбринк предлагают ввести “глубинное” или “внутреннее время”, описывающее

изменения в реальности. Харман отвергает оба тезиса и утверждает, что время порождается объектами. Изменения в реальных объектах, с точки зрения ООО, происходят благодаря механизму замещающей причинности, т. е. посредством воспринимаемого объекта и его качеств. Теория пространства теоретически разработана в ООО в меньшей степени. С точки зрения Хармана, отношения двух объектов разворачиваются в пространстве третьего. Однако, это пространство следует считать метафорическим, поскольку к реальности внутреннего пространства третьего объекта нет прямого доступа. Пространство как напряжение RO–SQ совпадает со структурой метафоры в ООО. Мы предлагаем понимать категорию пространства в онтографии ООО как разновидность напряжения SO–SQ, в котором объект и качества будут относиться ко всей совокупности воспринимаемых объектов. Также мы предлагаем интерпретировать напряжение RO–SQ как категорию *энергии*, обратившись к интерпретации этого понятия у Аристотеля. Энергия указывает на отношения сокрытого и проявленного – реализацию способности к восприятию. Добавляя к этому идею Лингиса о многоуровневости эфира чувственных качеств, мы формулируем концепцию энергетического спектра восприятия.

8. Теория непрямой причинности ООО отвечает на вопрос о том, как реальные объекты взаимодействуют друг с другом, если они изъяты из всех отношений между собой. Грэм Харман называет ее замещающей причинностью, а Тимоти Мортон – магической. Она осуществляется через посредника, которым в ООО становится воспринимаемый объект, замещающий – реальный в восприятии другого реального объекта. В подходе Хармана замещающая причинность носит также буферизированный и асимметричный характер. Тимоти Мортон рассматривает причинность как эстетический феномен. Он переосмысляет понятие кармы, принадлежащее к индо-буддийской теории причинности. В его интерпретации карма представляет собой устойчивые паттерны, циклы или петли формирования воспринимаемых объектов, возникающие из обобщения накопленного опыта,

ставшего привычным. Будучи объектами в сфере восприятия, они не обладают собственной реальностью, т. е. иллюзорны. Непрямая причинность действует через иллюзию, основанную на кармическом паттерне или привычке. Переплетение иллюзии и причинности Мортон называет словом “магия”. Одним из ключевых элементов не прямой причинности является напряжение RO–SQ. На примере работы метафоры Харман показывает, что соединение воспринимаемых качеств с изъятым из прямого доступа реальным объектом происходит путем его подмены единственно доступным реальным объектом – воспринимающим. Он называет этот эффект театральностью. Для объяснения его механизма мы обращаемся к понятию игры Брайана Массуми. Игра становится одним из основных способов познания скрытой реальности.

9. Объектно-ориентированная онтология придает важное значение эстетике, рассматривая ее как способ непрямого доступа к реальным объектам. Грэм Харман называет ее “корнем всякой философии”. Развитие эстетической теории ООО можно поделить на два этапа. Первый связан с разработкой понятия аллюр и ранних версий теории метафоры, второй – с обращением к понятию театральности. Разделяющей два этапа чертой стало знакомство Хармана с работами арт-критиков К. Гринберга и М. Фрида. Эстетическая теория Хармана строится на трех столпах: антибуквализм, формализм и театральность. Антибуквализм связан с невозможностью парафразирования произведения искусства, формализм – с его автономией от контекста, театральность – со способом восприятия, в котором возникает симбиоз арт-объекта и зрителя. В критике искусства к ним добавляется модернизм, который понимается Харманом как следование онто-таксономической ошибке философии человеческого доступа. Обсуждается возможность концептуального искусства как сложного феномена, включающего в себя эйдетическое и эстетическое созерцание.

10. Объектно-ориентированная архитектура на сегодняшний день является одной из самых динамичных областей применения ООО. Интерес среди архитекторов к объектно-ориентированной онтологии появился почти

сразу после семинара спекулятивных реалистов в Голдсмитсе (2007) и породил целый ряд дискуссий, оказывающих влияние на архитектурную теорию. Объектно-ориентированный подход к архитектуре во много совпадает с аналогичным подходом к искусству, однако его специфика связана с прикладным характером архитектуры и дизайна для человека. В отличие от произведений искусства, у архитектурных объектов есть ярко выраженная функция, что сильно затрудняет разговор об их автономии. Харман решает эту проблему через подход к занулению (*zeroing*) функции, который опирается на его понятие перспектива от нулевого лица (*zero-person*), использовавшееся им в отношении реальных объектов, изъятых из прямых отношений с другими реальными объектами. Зануление архитектурной функции он понимает как человеческое присутствие без наблюдения и описывает как ее эстетизацию, т. е. применение к функции эстетических принципов антибуквализма и театральности. Однако, основной проблемой применения ООО к конкретным архитектурным проектам остается буквальный перенос философских идей и метафор в архитектурную форму.

Теоретическая и практическая значимость. В контекст отечественной науки полноценно вводится одно из значимых направлений современной философской мысли, чья методология может быть востребована не только в контексте философских исследований, но и – современных гуманитарных и общественных наук, искусства, архитектуры и дизайна, экологии, религии и деятельности креативных индустрий. Данная работа может повлиять на осмысление истоков разнообразных “поворотов” в философской и социо-гуманитарной мысли конца XX – первой четверти XXI вв. Предложенная в исследовании критика и модификации теоретических положений ООО могут как способствовать уточнению и углублению отдельных его подходов и концепций, так и существенно повлиять на развитие этого направления в целом.

Результаты исследования могут быть востребованы в подготовке учебных курсов, образовательных и исследовательских программ,

методологических концепций и стратегий развития не только в академической сфере, но и за ее пределами – в прикладных дисциплинах, государственном управлении и планировании, общественной деятельности, бизнесе и т. д.

Апробация. Промежуточные результаты исследования обсуждались в ряде выступлений на конференциях и научных школах:

- доклад “Зачем нужна не-антропоцентрическая перспектива: этика и эстетика объектно-ориентированной онтологии” (Алешинские чтения – 2024 “Этическое, эстетическое, визуальное: пути осмысления ценностей”. Москва: РГГУ, 12–14 декабря 2024);
- доклад “Субъект как феномен опыта: дзен-феноменология Нисиды Китаро” (“Альтернативы новоевропейскому субъекту”. Москва: РГГУ, 3 апреля 2025);
- доклад “Объекты и пустота: Сутра Сердца как источник для тёмной теологии” (“Философия религии на Востоке и Западе”. Ташкент: Ташкентская православная духовная семинария, 31 апреля – 2 мая 2025);
- доклад “Как мы познаем нечеловеческих других? ООО, антропоморфизм и система Станиславского” (“Чужеземец как мыслитель и как праведник: осмысление Другого в философии и теологии”. Волгоград: ВолГУ, 15–16 мая 2025);
- доклад “Гадание в объектно-ориентированной перспективе” (VIII Конгресс Русского религиоведческого общества. Владимир: ВлГУ, 10–11 октября 2025);
- доклад “От наивного реализма – к спекулятивному: тёмная ночь души в перспективе ООО” (Алешинские чтения – 2025 “Пространство, время, событие: различие философских традиций”. Москва: РГГУ, 11–12 декабря 2025);
- доклад “Энергия реальности: критический анализ модели четвероякого объекта Грэма Хармана” (“История систем мысли сегодня”. Москва: РГГУ, 9 апреля 2026);

- лекция “Мы – Астероид: эстетика космоса в концепции гиперобъектов Тимоти Мортонa (“Векторы”. Москва: НИУ ВШЭ, 16–19 апреля 2026);
- лекция “Трудные вопросы объектно-ориентированной онтологии” (II Летняя школа “Современная философия: вторжение будущего”. Казань: КФУ, 6–10 июля 2026).

Основные результаты исследования были представлены в четырех статьях в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

- *Шушков А. В.* Кто скрывается в тени: контуры темной экклезиологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. – Т. 39, № 2. – С. 61–89. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-61-89>
- *Shishkov A.* Dark Theology as an Approach to Reassembling the Church // Religions. – 2022. – Vol. 13, № 4. – P. 324. – DOI: <https://doi.org/10.3390/rel13040324>
- *Шушков А. В.* Как мы познаём нечеловеческих других? ООО, антропоморфизм и система Станиславского // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 75–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.9>
- *Shishkov A.* The Short History of Development of Object-Oriented Ontology // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9, № 4. – P. 169–193. – DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-4-169-193>

Диссертационное исследование разбито на три главы, которые отражают историю, теорию и применение ООО к другим сферам теоретической и практической деятельности (искусству, архитектуре и дизайну).

Глава 1. История становления объектно-ориентированной онтологии

§ 1.1. У истоков объектно-ориентированной философии

1.1.1. Грэм Харман: начало академической карьеры

Основатель ООО, американский философ Грэм Харман родился 9 мая 1968 г. и вырос на Среднем Западе, в небольшом городке Маунт-Вернон, штат Айова. Интерес маленького Грэма к философии привила мать, которая записывала 13–14-летнего мальчика в кружки по изучению философии. К 16 годам этот интерес стал более осознанным, и Харман почувствовал, что “в душе он метафизик”¹⁶.

В 1990 г. он получил степень бакалавра искусств в Колледже Св. Иоанна в Аннаполисе, штат Мэриленд и поступил в философскую магистратуру в Университет штата Пенсильвания (Филадельфия), где основной специализацией Хармана стала феноменология. В 1991 г. он защитил магистерскую диссертацию под руководством известного американского феноменолога Альфонса Лингиса (1933–2025), переводчика работ Эммануэля Левинаса и Мориса Мерло-Понти на английский язык. Все трое оказали на его формирование как философа большое влияние. Харман вспоминал, что именно Лингис “первым указал мне на проблемы с холизмом хайдеггеровского инструмент-анализа (для этого он привёл мне несколько интересных аргументов из Левинаса)”¹⁷.

Харман с неизменной теплотой отзывался о Лингисе, который был для него примером и источником вдохновения¹⁸. Чего не скажешь о Уильяме

¹⁶ Harman G., Pinho T. Interview // Philosophy Now. 2020. No. 139. URL: https://philosophynow.org/issues/139/Graham_Harman (дата обращения 11.07.2025).

¹⁷ Harman G. Alphonso Lingis, in memoriam // Blog Object-Oriented Philosophy. 2025. May 9. URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2025/05/09/alphonso-lingis-in-memorial/> (дата обращения 03.10.2025).

¹⁸ “С 1990 года именно Альфонсо Лингис своим примером и поддержкой удерживал меня на правильном пути. Его поразительно реалистическая версия феноменологии, а также его захватывающая проза, необычный образ жизни и наше общее происхождение как американцев из маленьких городков Среднего Запада, которые

МакНилле (род. 1961), молодом профессоре (на семь лет старше), специалисте по философии Мартина Хайдеггера, под чьим руководством он писал свою докторскую диссертацию в католическом Университете ДеПола (Чикаго, штат Иллинойс). По словам Хармана, консервативный в философском отношении МакНилл не слишком приветствовал его неортодоксальную интерпретацию Хайдеггера: “Даже в более поздние годы он не мог представить меня аудитории без язвительных замечаний”¹⁹.

В предисловии к русскоязычному изданию книги “Четвероякий объект” Харман пишет, что уже в 1991–1992 гг. у него сформировалась идея, что “вся философия Хайдеггера может быть понята из инструмент-анализа «Бытия и времени»”²⁰. Однако, вплоть до 1997 г., когда произошел переломный момент в его мышлении, в работах Хармана не было и намека на реалистическую философию или объектно-ориентированный подход. Он уже поступил в докторантуру, но находился в идейном тупике и зарабатывал себе на жизнь обзорами спортивных мероприятий.

Летом 1997 г. Харман познакомился с двумя книгами, которые избавили его “от длинной тени Хайдеггера”²¹: “Процесс и реальность” знаменитого британского философа Альфреда Норта Уайтхеда (1861–1947) и “О сущности” гораздо менее известного баскского католического философа Хавьера Субири (1898–1983). “Процесс и реальность” Альфреда Норта Уайтхеда освободила меня от кантовского бремени мышления Хайдеггера, когда отношения между человеком и миром мыслятся более важными, чем отношения между двумя неодушевленными объектами... После Субири я уверился в том, что любая сущность должна быть истолкована в радикально нереляционном смысле”²², — писал он.

хотели увидеть мир, были большим вдохновением во время моих в основном разочаровывающих лет обучения в докторантуре”: Harman G. Preface // *Towards Speculative Realism*. Winchester, UK; Washington, USA : Zero Books, 2010 (e-Book). P. 8.

¹⁹ Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь : Гиле Пресс, 2015. С. 13.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же. С. 13–14.

Прочитав обе книги за лето, он сделал несколько подходов, к тому, чтобы оформить свои идеи в текст. Одной из таких попыток стала лекция о теории объектов у Хайдеггера и Уайтхеда, которую он прочел в вечер Хэллоуина (31 октября) перед аспирантами и несколькими профессорами в своем университете²³. Как и положено для мифа о происхождении большой философской системы, не обошлось без *fairy-tale*: на Рождество 1997 г. (25 декабря) Харман сумел впервые сформулировать основной принцип объектно-ориентированной философии: “Отнюдь не являясь целостной системой, как полагает Хайдеггер, мир отчасти связан цепочкой автономных индивидуальных существ, каждое из которых частично скрыто от остальных”²⁴.

Позже Харман объяснял, как столь противоположные по своим философским установкам мыслители – Уайтхед и Субири – уживались в его собственном подходе: “В ретроспективе напряженность между этими двумя авторами становится очевидной. Но я был больше заинтригован тем, как они дополняют друг друга. Хотя неприятие Хавьером Субири реляционного подхода явно противоречило метафизике Уайтхеда, именно Уайтхед освободил меня от антропоцентрического дефекта в философии Хайдеггера. Конечным результатом этого совместного влияния стала ранняя форма того, что сейчас известно как объектно-ориентированная философия: космологическая философия, которая имеет дело с объектно-ориентированными отношениями, включая человека в качестве объекта, а также философия, в которой объекты – это темные излишки, никогда полностью не выражающиеся в каких-либо отношениях”²⁵. Помимо Уайтхеда и Субири, “великолепным лекарством от пост-Хайдеггерианского похмелья”²⁶ для Хармана стало чтение Бруно Латура, с чьими работами он впервые познакомился в 1998 г.

²³ Harman G. The Theory of Objects in Heidegger and Whitehead // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 36–68.

²⁴ Харман Г. Четвероякий объект. С. 14.

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Harman G. Preface // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 8.

Интеллектуальный поворот Хармана можно проследить по выступлениям 1997–1999 гг., которые позже были опубликованы в сборнике “На пути к спекулятивному реализму: эссе и лекции” (2010). Завершающим событием этого процесса стала успешная защита 17 марта 1999 г. докторской диссертации под названием “Инструмент-сущее: элементы теории объектов”²⁷.

После защиты диссертации Харман вышел на рынок академических вакансий и разослал свое резюме в пять десятков учебных заведений²⁸. В США не нашлось для него ни одной вакансии, и он поехал на Ближний Восток, где действовали два Американских университета – в Бейруте (Ливан) и Каире (Египет). Он подал заявки в оба, и отправился сначала в Бейрут²⁹, где получил отказ, а затем в Каир, где ему одобрили позицию ассоциированного профессора философии.

В 2000 г. он переехал египетскую столицу и поселился в престижном районе Замáлек – на острове в дельте Нила. Позже под ником “Доктор Замалек” он будет вести свой философский блог³⁰. Помимо преподавания и исследовательской работы, Харман получил в АУК административную должность вице-просто по научной работе. Он проработал в Каире вплоть до 2016 г.

1.1.2. Великое прозрение и великая ошибка Хайдеггера

Немного переработав текст диссертации, Харман опубликовал его в 2002 г. в виде монографии “Инструмент-сущее: Хайдеггер и метафизика

²⁷ В предисловии к русскоязычному изданию “Четверякого объекта” говорится, что Харман защитил диссертацию в 1995 году, но это явная ошибка.

²⁸ Эту историю Харман рассказал на презентации второго русскоязычного издания своей книги “Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего” в московском филиале книжного магазина “Пиотровский” 22 февраля 2024 года, на которой присутствовал автор этого текста.

²⁹ Харман вернулся в Бейрут второй раз в 2002 г., где выступил с лекцией о возвращении метафизики. А затем посоветовал своему коллеге по спекулятивному реализму Рэю Брасье принять предложение Американского университета Бейрута, где тот продолжил свою работу, покинув Великобританию.

³⁰ В 2014 доктор Замалек появляется как персонаж комикса “Godzilla Awakening” – там он учёный из 1950-х, работающий на тайную организацию “Монарх”, которая изучает титанов – Годзиллу, Кинг Конга и др. Комикс появился как сопутствующий материал к запуску *MonsterVerse* от компании *Warner Bros*.

объектов”³¹. Первые две части книги представляют собой тот самый неортодоксальный комментарий к инструмент-анализу и основным понятиям хайдеггеровской философии (*Dasein*, *Ereignis*, бытие, время, истина, язык, технология и т. д.), суть которого заключается в том, чтобы сместить фокус с *Dasein* и увидеть в инструмент-анализе немецкого философа “онтологию объектов самих по себе”³². В третьей части Харман предложил первый развернутый набросок объектно-ориентированной философии, обращаясь к идеям Уайтхеда, Субири и Левинаса. Наша задача в этой главе проследить истоки формирования понятийного аппарата объектно-ориентированной философии, поэтому второстепенные темы докторского исследования Хармана мы оставим без внимания.

Прежде чем приступить к анализу этой работы, необходимо разобраться с термином “tool” в философии Хармана, которое появляется в ключевых для него понятиях *tool-analysis* и *tool-being*. В выборе слова “tool” Харман следует за классическим переводом “Бытия и времени” на английский язык, выполненном Джоном Маккуори и Эдвардом Робинсоном (1962) по седьмому изданию 1953 г., где это понятие появляется в контексте сложностей перевода *das Zeug*³³. В. В. Бибихин перевел *das Zeug* на русский язык как “средства”³⁴. Однако, в русскоязычных изданиях Хармана *tools* переводятся как “инструменты”, поэтому мы оставим эту, уже вошедшую в употребление, терминологию.

³¹ Harman G. Tool-being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Chicago and La Salle, IL : Open Court, 2002.

³² Ibid. P. 1.

³³ В примечании переводчиков читаем: “У слова “Zeug” нет точного английского эквивалента. Хотя оно может означать любое “implement”, “instrument”, или “tool”, Хайдеггер использует его преимущественно как собирательное имя существительное, аналогичное нашему относительно конкретному слову “gear” (например, “gear for fishing”), более замысловатому “paraphernalia” или ещё более общему “equipment”, которое мы будем использовать в этом переводе. В этом собирательном значении слово “Zeug” иногда может использоваться подобно слову “stuff” ... По большей части Хайдеггер использует этот термин как собирательное существительное, так что он мог бы сказать, что не существует такого понятия, как “equipment”; но он все же иногда использует его с неопределенным артиклем, чтобы обозначить какой-то конкретный инструмент или приспособление (tool or instrument) – какой-то предмет или часть оборудования (item or bit of equipment)”: Heidegger M. Being and Time / trans. by J. Macquarrie and E. Robinson. Oxford : Blackwell, 1962. P. 97 (ft. 1).

³⁴ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М. : Ад Маргинем, 1997. С. 68.

Словосочетания “tool-analysis” и “tool-being” можно считать изобретениями самого Хармана, поскольку до него они не встречаются в англоязычной литературе, посвященной Хайдеггеру. Первое – представляет собой американизированный вариант “analysis of tools”³⁵. В своем хэллоуинском докладе 1997 г. он еще использует вариант “analysis of tools”.

Придавая словосочетанию “tool-analysis” новое звучание, Харман одновременно выдвигает его на первый план, как основной метод хайдеггеровской философии, которая, по его мнению, не всегда осознает значение именно этой части хайдеггеровского анализа: “Инструмент-анализ трактуется либо как триумф практической деятельности над теоретической абстракцией, либо сеть языковых знаков над вечно непопулярными “вещами-в-себе”. Такие интерпретации Хайдеггера преобладают как среди аналитических, так и среди континентальных философов. В противовес этим стандартным интерпретациям я утверждаю, что инструмент-анализ не является ни теорией языка и человеческого праксиса, ни феноменологией небольшого числа полезных устройств (*devices*), именуемых “инструменты” (*tools*). Вместо этого хайдеггеровское описание средств (*equipment*) порождает онтологию объектов самих по себе”³⁶. Таким образом, *tool-analysis* становится синонимом онтологической теории объектов.

Другое ключевое понятие Хармана, *tool-being*³⁷, соответствует хайдеггеровскому *Zuhandenheit*³⁸, что в переводе Маккуори–Робинсона именуется “readiness-to-hand”³⁹, а у Бибихина – “подручность”⁴⁰. Харман сам отмечает новизну этого понятия по отношению к Хайдеггеру и предшествующим интерпретаторам: “Термин “инструмент-сущее” не

³⁵ Ранее встречалось в литературе – например в: Schmitt R. Heidegger’s Analysis of ‘Tool’ // The Monist. 1965. No 49 (1). P. 70–86.

³⁶ Harman G. Tool-being. P. 1.

³⁷ Существует определенная трудность в переводе слова “being” на русский язык, оно может быть равно переведено и как “бытие”, и как “сущее”. В контексте философии Хармана *tool-being* означает единичное сущее, а не бытие; в более поздних работах оно превратилось в реальный объект. Именно поэтому мы переводим *tool-being* как инструмент-сущее. К тому же варианту приходят и переводчики “Четвероякого объекта” А. Морозов и О. Мышкин.

³⁸ Harman G. Tool-being. P. 4.

³⁹ Heidegger M. Being and Time. P. 98.

⁴⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 69.

встречается в трудах самого Хайдеггера. Его предложил почти десять лет назад мой близкий друг, шутливо намекая на доминирующее положение темы *Zuhandenheit* в моем прочтении Хайдеггера. Шутка оказалась более уместной, чем он предполагал, поскольку я утверждаю, что инструмент-анализ действительно дает нам предварительный ответ на вопрос о смысле бытия. *Смысл бытия – инструмент-сущее* [курсив – в оригинале – прим. А.Ш.], и ближайшее будущее философии может сильно измениться от дальнейшего изучения этого хайдеггеровского прозрения”⁴¹.

Вместе с тем, упомянув об отсутствии этого понятия в лексиконе Хайдеггера, Харман в достаточно свободной манере приписывает его хайдеггеровской философии, например, в таких пассажах: “Для Хайдеггера инструмент-сущее значимо одновременно с двух сторон...”⁴². Подобное вольное обращение с авторитетами достаточно характерно для американского философа, однако за этим кроется не пренебрежение и не интеллектуальный волюнтаризм. Можно сказать, что эта черта определяет стиль его философской работы. Фактически, идеи авторитетных предшественников (впрочем, как и современников) служат для него в основном источниками вдохновения или пробными камнями, с помощью которых он оттачивает собственные оригинальные идеи. Поэтому книга “Инструмент-сущее” посвящена не столько анализу философии Хайдеггера, сколько его собственной оригинальной концепции инструмент-сущего, вдохновленной некоторыми ходами мысли немецкого философа. Харман и сам признает это: “Моя цель не в том, чтобы реконструировать то, как Хайдеггер сам понимал инструмент-анализ. Я также не утверждаю, что предыдущие интерпретаторы ошибочно истолковали его авторские намерения... Эта книга – попытка более глубокого понимания не Хайдеггера, а концепции инструмент-сущего, которую он первым с такой точностью обнаружил”⁴³.

⁴¹ Harman G. Tool-being. P. 15–16.

⁴² Ibid. P. 24.

⁴³ Ibid. P. 15.

Возможно, именно такое вольное обращение с источниками сыграло ключевую роль в том, что научный руководитель, У. МакНилл, остался недоволен результатами его диссертационной работы. Эта особенность делает Хармана, с одной стороны, уязвимым для критики (неверно понял философа). Например, Питер Вульфиндейл отмечает, как минимум, пять пунктов, в которых Харман чересчур вольно толкует Хайдеггера⁴⁴. С другой стороны, эта особенность защищает его от критики (он не реконструирует мысль философа, а развивает свою).

В любом случае без осознания этой особенности философского стиля Хармана будет трудно понять логику его рассуждения. Не найдя еще на тот момент собственного философского языка, который окончательно выкристаллизуется у него в модели четвероякого объекта (2011), он был вынужден использовать понятия из лексикона известных ему философов, которые были у него под рукой, превращая их по некоторой иронии в подручные. При желании можно легко поймать Хармана на неверном прочтении своих предшественников и современников, но в то же время можно отнестись к этим терминологическим заимствованиям, как к временному поиску языка для собственной мысли.

Извлекая из чужой философской системы или концепции одну-две мысли, подтверждающие собственные интуиции, Харман охотно критикует всё, что не совпадает с его собственным подходом невзирая на авторитет. “Каждое великое прозрение в истории философии омрачено великой ошибкой”⁴⁵, – пишет он про Хайдеггера, но в более поздних работах применяет тот же подход к Уайтхеду, Гуссерлю, Левинасу, Латуру, Мейясу, Деланде и др. По сути, объектно-ориентированная философия началась с

⁴⁴ “Существует пять основных аспектов в прочтении Харманом [Хайдеггера], с которыми я не согласен: (i) он интерпретирует критику присутствия Хайдеггера как защиту дополнительного понятия осуществления [Vollzug]; (ii) он считает различие между онтологическим и онтическим эквивалентным различию между подручным и наличным; (iii) он утверждает, что «мир» не следует понимать как феноменологический горизонт; (iv) он считает, что Dasein не является центральным элементом онтологии Хайдеггера; и (v) он отождествляет встречу со сломанным инструментом в качестве как-структуры”: Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon’s New Clothes. Falmouth : Urbanomic, 2019. P. 40.

⁴⁵ Harman G. Tool-being. P. 16.

объемного комментария Хармана к “одному великому прозрению” и “одной великой ошибке” немецкого философа.

К главному прозрению Хайдеггера и ключевому моменту приписываемого ему инструмент-анализа Харман относит различие подручности (*Zuhandenheit; readiness-to-hand*) и наличности вещи (*Vorhandenheit; presence-to-hand*). Именно из этого различия затем появился главный принцип ООО: восприятие реального не тождественно реальному. В интерпретации Хармана “подручное”, или иначе – инструмент-сущее (*tool-being*), означает, что “по большей части, объекты – это принимаемые как данность орудия (*implements*), обширный фоновый контекст, поддерживающий тонкий и изменчивый слой наших явленных (*explicit*) действий”⁴⁶. Первичное взаимодействие с сущими происходит через их “использование” – простое, нетематизированное полагание на них. И в этом смысле они выступают подручными, а не наличными (*vorhanden*). Последнее появляется при специальном тематизированном интересе к тому или иному объекту, либо в ситуации, когда объект выходит из строя, ломается, и мы вынуждены обратить на него внимание: “Самые тонкие дискуссии в лаборатории зависят от безмолвной основы из досок пола, болтов, вентиляторов, гравитации и атмосферного кислорода. Лишь в редких случаях, чаще всего при неисправности, мы начинаем замечать какие-либо из этих подспудных элементов нашей жизни. Наше внимание вместо этого сосредоточено на той освещенной плоскости, где разворачиваются наши явные надежды и борьба”⁴⁷.

В контексте исследования подручных средств, или инструмент-сущих (*tool-beings*), появляются ключевые для объектно-ориентированной философии термины “изъятие” (*withdraw*) и “изъятость” (*withdrawn*). Этими понятиями Харман описывает одну из главных отличительных черт подручности инструментов – устраниваться из восприятия, скрываться в тень –

⁴⁶ Ibid. P. 18.

⁴⁷ Ibid. P. 18.

в некую “подземную реальность” (*subterranean reality*). *Withdraw* в переводе Маккуори-Робинсона соответствует понятию Хайдеггера *zurückziehen*; в русском переводе В.В. Бибихина – “прятаться”⁴⁸. Таким образом, великое прозрение Хайдеггера, по мнению Хармана, заключается в том, что он обнаружил, что инструмент-сущие (позже – реальные объекты) изъяты из прямого доступа, а значит и из любых прямых отношений.

Однако, утилитарность подручных средств, их готовность к использованию, – это не онтологическая характеристика, а скорее человеческое отношение к ним. Именно поэтому Харман будет продолжать поиски более подходящего понятия, способного стать онтологической характеристикой. Он пишет: “Орудия эффективны не “потому, что люди их используют”; наоборот, их можно использовать лишь потому, что они *способны к эффекту* (курсив здесь и далее – оригинальный – *прим. А. Ш.*), то есть – к нанесению некоего удара по реальности. Короче говоря, инструмент не “используют” – он есть.

В каждый момент сущие (*entities*) формируют определенный ландшафт, предлагающий конкретный спектр возможностей и затруднений. *Сущие как таковые* являются подручными не в производном смысле “доступного для манипулирования” (*manipulable*), но в изначальном смысле “действующего” (*in action*). Инструмент – это реальная функция или эффект, невидимое солнце, излучающее свою энергию в мир, прежде чем стать видимым. Таким образом, мир – это инфраструктура уже действующего оборудования, инструмент-сущие (*tool-beings*), навязывающих нам себя (*force upon us*) столь же неистово или кокетливо, как и в своих поединках друг с другом.

Поскольку подавляющее большинство этих инструментов остается неизвестным для нас и уж конечно не было нами *изобретено* (например, наш мозг или клетки крови), вряд ли можно сказать, что мы “используем” их в

⁴⁸ “Подручное ни вообще не схватывается теоретически, ни даже усмотрение ближайшим образом не усматривает в нем темы. Ближайше подручному свойственно как бы прятаться в своей подручности, именно чтобы быть собственно подручным”: Хайдеггер М. Бытие и время. С. 69.

строгом смысле этого слова. Более точным было бы сказать, что мы безмолвно *полагаемся* на них, принимая их как данность”⁴⁹.

Изъятое из прямого доступа подручное становится наличным (*vorhanden*), когда инструмент ломается. Этот частный случай наличности Харман использует в качестве общего технического термина для этого типа сущих, “независимо от того, действительно ли рассматриваемое сущее (*entity*) является «инструментом» (*tool*) и действительно ли оно сломано”⁵⁰. Как “*tool-being*” становится у Хармана синонимом подручного, так “*broken tool*” (сломанный инструмент)⁵¹ становится синонимом наличного, которое позже превратится в чувственный объект. Следует признать, что “сломанный инструмент” оказался довольно неудачным термином. Обыденная смысловая нагруженность этого термина заставляет Хармана всё время оговариваться, что это не значит, что мы не можем обнаруживать как наличные исправно работающие видимые инструменты и машины⁵². В конце концов, эти оговорки способны, если не запутать, то дать усомниться в адекватности выбора этого понятия.

Как пишет Харман, каждый инструмент живет как бы двойной жизнью, или имеет два плана: он может быть исправным и сломанным. Эти, казалось бы, непересекающиеся планы (ведь сломанный инструмент сразу же перестает быть исправным) на самом деле связаны через хайдеггеровское понятие “как-структура” (*Als-Struktur, as-structure*): “Через это «как», два мира в действительности оказываются существующими (*turn out to exist*) только во взаимодействии, в постоянном пересечении друг с другом”⁵³. “Как-структура” позволяет нам воспринимать *нечто как нечто* – стол как стол, дверь как дверь, собаку как собаку и т. д. Приведем цитату из “Бытия и времени”: “Подручное входит *выраженно* (курсив здесь и далее – оригинальный – *прим. А.Ш.*) в

⁴⁹ Harman G. Tool-being. P. 20.

⁵⁰ Ibid. P. 45.

⁵¹ Сломанный молоток на долгие годы станет одним из главных примеров, иллюстрирующих подход Хармана, и даже попадет в заголовок одной из его книг – “Сломанный молоток Данте” (2016).

⁵² Harman G. Tool-being. P. 45.

⁵³ Ibid. P. 45.

понимающее смотрение. Всякая подготовка, отладка, настройка, подправка, комплектровка выполняется таким образом, что усмотренное подручное растолковывается в своем с-тем-чтобы, и им сообразно его вошедшей в смотрение растолкованности озабочиваются. Все усматривающее растолкованное в своем с-тем-чтобы как таковое, выраженно понятое, имеет структуру *нечто как нечто*. На усматривающий вопрос, что есть это определенное подручное, усматривающее толкующий ответ гласит: это для... Задание для-чего не просто именует нечто, но именуемое понято *как то, как* что надо принимать стоящее под вопросом. Разомкнутое в понимании, понятое, всегда уже доступно так, что по нему можно выраженно выявить его “как что”. “Как” образует структуру выраженности понятого; оно конституирует толкование. Усматривающе-толкующее обращение с мироокружно подручным, “видящее” это *как* стол, дверь, машину, мост, не обязательно должно укладывать это усматривающее растолкованное сразу уже и в определяющее высказывание. Всякое допредикативное простое видение подручного само по себе уже понимающе-толкующее”⁵⁴.

Харман обращается к понятию как-структура, чтобы заявить нетождественность подручного и наличного, или в более поздней версии – реального и чувственного/воспринимаемого⁵⁵ объектов: “вещь «как» вещь – не то же самое, что вещь сама по себе, с которой *никогда* нельзя открыто столкнуться”⁵⁶. Эта нетождественность реального и воспринимаемого, непреодолимый “разлом” (*fissure*) между ними – один из фундаментальных принципов объектно-ориентированной философии.

Великая ошибка Хайдеггера, по мнению Хармана, кроется в его сосредоточенности на концепции *Dasein* как уникальной человеческой способности понимать бытие – перспективе привилегированного доступа к бытию, которым обладает *Dasein*. В философии Хармана эта ошибка получила название “философия человеческого доступа” (*philosophy of human access*),

⁵⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 148–149.

⁵⁵ См. ниже про выбранную терминологию для перевода понятия “sensual object”.

⁵⁶ Harman G. Tool-being. P. 69.

или коротко – “философия доступа”. Он пишет: “Только анализ инструмент-сущего полностью выводит нас за пределы человеческой сферы, указывая на онтологический разлом в самом сердце всех сущих мира, которые – не просто галька, которую можно попить ногами в тонких двусмысленностях *Dasein*. Драма философии разворачивается во всех объектах, а не только в человеческом существе. Если мы интерпретируем Хайдеггера через призму анализа *Dasein*, мы приходим к выводу, что только человеческий доступ к миру разрушает господство наличного. Если мы ищем освобождения в какой-то «поздней» фазе творческого пути Хайдеггера, в каком-то предполагаемом перевороте, где само бытие становится приоритетным над человеческим бытием, то мы по-прежнему сосредоточены лишь на нашем собственном окрестном дуализме – расколе между человеком и миром. Только тема инструмент-сущего способна переломить это и изнутри саботировать этот упор на *Dasein*”⁵⁷.

Появление этой ошибки – не заслуга одного лишь Хайдеггера, скорее, с точки зрения Хармана, – это особенность всей пост-кантианской⁵⁸ континентальной философии⁵⁹, равно как и – аналитической, “чей основной интерес заключается не в объектах, а в человеческом доступе к ним”⁶⁰. Революционно-партизанскую⁶¹ задачу своей философии Харман видит в том, чтобы отдать должное самим объектам и “освободить” человека от ошибки философии человеческого доступа, сделав его взгляд на мир более реалистичным.

Здесь следует отметить, что недовольство столь вольным обращением Хармана с философией Хайдеггера, которое, в частности, высказывал его научный руководитель, а затем и критики, вполне обоснованно. Ведь

⁵⁷ Ibid. P. 135.

⁵⁸ “За исключением Шеллинга, Шопенгауэра, Уайтхеда, частично – Ницше, Пирса и Дьюи”: Ibid. P. 242.

⁵⁹ В этой своей позиции он совпадает с Квентином Мейясу и Рэем Брассье, которые предложили свои термины для описания философии человеческого доступа – корреляционизм и аргумент Перла, соответственно, и на этом общем основании появится движение спекулятивного реализма (см. § 1.2.1).

⁶⁰ Harman G. *Guerrilla metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago and La Salle, IL : Open Court, 2005. P. 1.

⁶¹ Мотив революции и партизанской борьбы – довольно характерный рефрен первых работ Хармана.

интерпретация Харманом подручного противоречит всему хайдеггеровскому проекту. Онтология объектов самих по себе, которую Харман выводит из хайдеггеровского анализа подручного, была как раз одной из главных критических мишеней немецкого философа⁶². И в этом смысле связь между философскими проектами Хармана и Хайдеггера носит не содержательный, а историко-генетический характер.

1.1.3. Первые элементы объектно-ориентированной философии

Как уже было сказано выше, третья часть “Инструмент-сущего” представляет собой краткое изложение элементов объектно-ориентированной философии, которые сформировались под влиянием Альфреда Норта Уайтхеда, Эммануэля Левинаса и Хавьера Субири. Ставшие основными принципами ООФ, онтологический “разлом” между инструмент-сущим и сломанным инструментом и критика философии человеческого доступа, получили свое развитие благодаря идеям и понятиям этих философов.

Философия А. Н. Уайтхеда позволила Харману преодолеть “гравитацию” хайдеггеровского *Dasein* и выйти на подлинно космические просторы, где объекты обладают самостоятельным бытием без надзора человека: “Главное достоинство Уайтхеда, которого нет у Хайдеггера, заключается в признании того, что как-структура обладает космическим измерением. Из всех великих философов прошлого века именно Уайтхед сделал больше всего для того, чтобы освободить нас от ограничений философии человеческого *доступа* к миру”⁶³.

Харман обращается к понятию Уайтхеда *prehension*, которое на русский язык переводится как “схватывание”, а иногда – “прегензия”⁶⁴. Для него оно,

⁶² Этой мысли мы обязаны коллеге по философскому факультету РГГУ и исследователю-хайдеггероведу М. А. Белоусову.

⁶³ Harman G. Tool-being. P. 232.

⁶⁴ М.А. Киссель во вступительной статье к изданию 1990 г. пишет: “Это слово «prehension», в нашей книге оно переводится – «схватывание», не самый, по-видимому удачный вариант, потому что слово это звучит как-то неуклюже и тяжеловесно, но единственная альтернатива, которую можно сейчас предложить состоит в том, чтобы сохранить в переводе английское слово, придав ему латинское в соответствии с нашей научной

прежде всего, “обозначает взаимную объективизацию, с которой сталкиваются между собой *все* актуальные сущие (*actual entities*), и тем самым подкрепляет философские притязания за пределами ограниченной области *Dasein*”⁶⁵. Уайтхедовская прегензия становится расширением хайдеггеровской как-структуры за пределы *Dasein*⁶⁶. Она указывает на возможность объектов воспринимать друг друга без посредства человеческого мышления о них. Однако, этот разрыв с философией человеческого доступа через всеобщность прегензии в качестве как-структуры – единственное, что Харман на данном этапе берет у Уайтхеда. В остальном теория британского философа не удовлетворяет его, поскольку он совершает то, что в более поздних работах Харман назвал надрывом объектов (см. подробнее § 2.1.2): “Настоящим бенефициаром Уайтхедовского переворота (*coup d’etat*) против трансцендентальной философии оказываются не объекты, а – *империя объектов*, сеть, которая соединяет их воедино как взаимно схватывающих (*prehending*) друг друга актуальных сущих”⁶⁷.

Отмечая вклад Э. Левинаса в свою теорию Харман, прежде всего, называет две его работы 1940-х гг.: “От существования к существующему” (1947) и “Время и Другой” (1948). Он обращается к одному из ключевых понятий французского философа – *il y a*, которое дословно означает “имеется”, “есть”, “наличествует”, у Хармана – “there is”. *Il y a* переводится на русский язык в издании 2000 года как “безличное наличие”⁶⁸. Оно означает анонимное чистое бытие, безликий *Dasein*. Левинас так определяет его: “При помощи термина *il y a* мы фиксируем такое безличное, анонимное, но неотделимое от

традицией окончание – «прегензия»”: Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. С. 37. В издании “Приключений идей” 2009 г. используется только перевод “схватывание”: Уайтхед А. Н. Приключения идей / пер. Л. Б. Тумановой. М. : ИФРАН, 2009. С. 220–221.

⁶⁵ Harman G. Tool-being. P. 232.

⁶⁶ Ibid. P. 232.

⁶⁷ Ibid. P. 233.

⁶⁸ Комментарий переводчика: “Безличный оборот «*il y a*» — одно из ключевых понятий Э.Левинаса. В дословном переводе: «имеется» (абсолютно идентично ему «*es gibt*» в нем. языке), «есть», «наличествует» ... В русском переводе возможно, на наш взгляд, употребить термин «безличное наличие» — так же, впрочем, как и другие определения, обозначенные самим Левинасом; в большинстве же случаев целесообразнее, по-видимому, оставлять французское *il y a*”: Левинас Э. От существования к существующему / пер. Н. Б. Маньковской // Избранное: Тотальность и бесконечное. М. ; СПб : Университетская книга, 2000. С. 64.

бытия «истребление», бормочущее в глубине самого небытия. Отказывающееся от личной формы. *Il y a* – это «бытие вообще»⁶⁹.

Как и в случае с Хайдеггером, Харман отмечает два великих философских прозрения Левинаса, к одному из которых он прибегает для развития своей теории: “*Il y a* – атомизировано”⁷⁰. Это прозрение привело его к следующему размышлению: “Бытие больше не является всеобъемлющим понятием, видимым лишь в исключительных случаях, как это склонны представлять себе Хайдеггер и Левинас. Напротив, оно рассеяно по всему множеству сущих (*entities*), населяющих мир, определяя каждую вещь как то, что она есть, *чем бы она ни была*. Оно определяет изначальную целостность, посредством которой *каждая* вещь взаимодействует с нами. Мир уже закристаллизовался в виде единичностей (*units*), и мы не сталкиваемся с ним как с разрозненным набором точек, сплетенных воедино постфактум. Но если *il y a* таким образом преобразуется в единство бесчисленных конкретных объектов, то бытие всегда является бытием сущих (*being of beings*) в еще более фундаментальном смысле, чем тот, который иногда признает Хайдеггер. Предварительный вывод должен быть ясен: сущее (*entity*) не только напряженно занято тем, чтобы быть тем, чем оно является, но и в равной мере действенно в том, что вытягивает меня в свою орбиту *как индивидуальную вещь*”⁷².

Атомизированность *il y a* для Хармана – это основание онтологической автономии объектов, их первичность – гарантия того, что они не могут быть сведены к какой-либо лежащей в глубине единой сущности (позже он назовет это стратегией подрыва объектов). Однако, как и Хайдеггер, Левинас, по мнению Хармана, попадает в ловушку философии человеческого доступа, сводя потенциал своей теории инаковости к бесконечному вызову человеческого Другого⁷³.

⁶⁹ Там же. С. 34.

⁷⁰ Harman G. Tool-being. P. 241.

⁷¹ Второе прозрение Левинаса, по словам Хармана, – это связь времени и Другого. Он не уточняет, что конкретно имеет в виду, потому что “оно лежит за рамками этой книги”: Ibid. P. 241.

⁷² Ibid. P. 241–242.

⁷³ Ibid. P. 242.

Наконец, третьему философу, Хавьеру Субири, Харман обязан возвращением в философский лексикон понятия сущности. Субири подходит к нему не через традиционное различие сущности/существования, которое, по его словам, исторически появилось в контексте обсуждения христианского учения о творении мира из ничего⁷⁴. По словам Хармана, “Субири прекрасно осознает хайдеггеровское различие между сущностью (*essence*) «в себе и самой по себе» (инструмент) и сущностью «по отношению к нам» (сломанный инструмент). Действительно, это краеугольный камень его философии. Однако вместо того, чтобы ограничиваться разработкой этой более удобной темы, Субири также сталкивается с дуэлью, разворачивающейся как *внутри* как-структуры, так и *внутри* инструмент-сущего. Нередко он делает это лишь имплицитно и по большей части – не в состоянии оценить предвидение Хайдеггера в отношении данной темы. Тем не менее необыкновенные (*uncanny*) проблески интуиции Субири начинают открывать возможности для онтологии, которые едва улавливаются самим Хайдеггером – и ещё в меньшей степени теми его последователями, которые остаются заикленными на антропоцентричной модели реальности”⁷⁵.

Как видим, в отношении Субири Харман говорит не о великих прозрениях, а о необыкновенных, почти сверхъестественных (*uncanny*) проблесках интуиции. Субири определяет сущность как “физический структурный момент вещи, взятой в себе самой, как таковой”⁷⁶. Харман подчеркивает, что для Субири “физический” означает “реальный”⁷⁷, и это один из тех самых проблесков интуиции баскского философа⁷⁸. Физическая сущность вещи у Субири – это сущность чего-либо (*essence of*), инструмент-сущее Хармана, “ее [вещи] грубая актуальность без какого-либо проявления этой реальности по отношению к человеческой мысли или любому *другому*

⁷⁴ Субири Х. О сущности / пер. Г. В. Вдовиной. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 10.

⁷⁵ Harman G. Tool-being. P. 245.

⁷⁶ Субири Х. О сущности. С. 85.

⁷⁷ Субири действительно пишет: “Взятые в узком смысле, «физическое» и «реальное» – синонимы”: Там же. С. 14.

⁷⁸ Harman G. Tool-being. P. 245.

сущему”⁷⁹. Она изъята из всех отношений и находится в своеобразном вакууме (*in vacuo*). Физическая или реальная сущность всегда индивидуальна, например, у каждой собаки – приводит пример Харман – своя собственная реальная сущность⁸⁰.

Второй тип сущности – сущность-для (*essence for*), или концептивная (*conceptive*) сущность, соответствует наличному и сломанному инструменту Хармана. Она отличается от физической сущности и оказывается разной в зависимости от воспринимающего ее объекта: “ [Физическая] сущность яблони отличается от ее [концептивной] сущности для человека или для разрядов молнии”⁸¹. Такая сущность – нереальна, она возникает только как отношение.

Проблема в том, что для Субири реальная сущность – это соединение реальных мет (*notes*), то есть своего рода роящаяся композиция, а не единство как таковое⁸². Харман настаивает на единстве объекта и в то же время соглашается с множественностью мет или качеств, его характеризующих. Именно в этом заключается, по его мнению, “второе напряжение в сердцевине вещей”⁸³, с которым не справляется философия Субири. Решение он находит в монадологии Лейбница. В качестве аргумента Харман приводит следующую его цитату: “Однако монады необходимо должны обладать какими-нибудь свойствами, иначе они не были бы существами. И если бы простые субстанции нисколько не различались друг от друга по своим свойствам, то не было бы средств заметить какое бы то ни было изменение в вещах, потому что все, что заключается в сложном, может исходить лишь из его простых составных частей... Это многообразие должно обнимать многое в едином или простом. Ибо так как естественное изменение совершается постепенно, то кое-что при этом изменяется, а кое-что остается в прежнем положении; и, следовательно,

⁷⁹ Ibid. P. 247.

⁸⁰ Ibid. P. 247.

⁸¹ Ibid. P. 248.

⁸² Ibid. P. 254.

⁸³ Ibid. P. 262.

в простой субстанции необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет”⁸⁴.

Харман считает подходы Субири и Лейбница к сущности разнонаправленными. Если для Субири единство сущности находится “наверху” как результат объединения мет в систему, то для Лейбница – “внизу” как основа для проявления свойств или качеств⁸⁵. В конце концов, в этом вопросе Харман встает на сторону Лейбница. В позднее сформулированной модели четвероякого объекта он будет определять сущность как напряжение между реальным объектом и его реальными качествами с отсылкой к монадологии.

В заключение этого параграфа рассмотрим еще одно понятие, которое не стало одним из основных в лексиконе объектно-ориентированной философии, однако, имело далеко идущие последствия в развитии теории, в частности, – ошибочной интерпретации категории пространства в модели четвероякого объекта (см. Глава 5). Речь идет о понятии *частного вакуума* (*private vacuum*), в котором скрываются изъяты из всех отношений инструмент-сущие (позже – реальные объекты). Но где же находится это внемирное (*extrawordly*) убежище? Ответ Хармана: “С одной стороны, инструмент-сущее обязано существовать в вакууме (*in a vacuum*)⁸⁶. С другой стороны, я утверждал, что в космосе нет пробелов, что мир абсолютно набит сущими. Но это, по-видимому, предполагает, что, хотя инструмент-сущее молотка изымается в вакуум из каких-либо отношений, этот вакуум может быть только телом другой сущности, поскольку других видов мест не существует”⁸⁷.

Он имеет в виду, что встреча человека с молотком создает новый объект – человека с молотком, обладающим своей собственной сущностью. Таким образом, можно предположить, что молоток изымается в вакуум от человека в

⁸⁴ Цит. по: Лейбниц Г. В. Монадология / пер. с франц. Е. Н. Боброва // Сочинения в четырех томах. Т. 1. М. : Издательство “Мысль”, 1982. С. 414.

⁸⁵ Harman G. Tool-being. P. 264.

⁸⁶ Использование артикля в этой фразе указывает на то, что речь идет о частном вакууме, своем для каждого сущего, а не о вакууме как обобщающем понятии.

⁸⁷ Harman G. Tool-being. P. 294.

“пространстве” этого нового объекта, однако “механизмы этого процесса остаются неясными”⁸⁸. Это место остается по-настоящему одним из наиболее тёмных и трудных в теории Хармана. С одной стороны, частные вакуумы следовало бы понимать метафорически как условные состояния объектов, находящихся вне любых отношений. С другой – Харман постоянно описывает вакуумы, используя пространственные характеристики, что, на наш взгляд, впоследствии приводит к ошибочному отождествлению пространственной метафоры непосредственно с пространством (см. подробнее: § 2.2.6).

Из трех рассмотренных в этом параграфе философов Харман вернется в следующей книге только к Левинасу. А Уайтхед и Субири так и останутся первоначальными вдохновителями, сдвинувшими парадигму его мышления в направлении объектно-ориентированной философии. Впоследствии Стивен Шавиро раскритикует Хармана за недостаточно пристальный разбор процесс-философии Уайтхеда⁸⁹, но для самого объектно-ориентированного философа полученного инсайта о способе преодоления философии человеческого доступа с помощью *прегензии* будет достаточно, чтобы двигаться дальше.

1.1.4. Возвращение к метафизике

В 2005 г. свет увидела вторая книга “Партизанская метафизика: феноменология и мастерская вещей”⁹⁰, которую Харман назвал сиквелом “Инструмент-сущего”. Первоначально эта книга представляла собой две разные рукописи: одна была посвящена проблеме восприятия объектов в контексте плотской феноменологии (*carnal phenomenology*), к которой Харман относит Э. Левинаса, М. Мерло-Понти и А. Лингиса. В одной из глав первой части обсуждается теория интенциональных объектов Э. Гуссерля и намечается разработка темы различения объектов и качеств. Вторая –

⁸⁸ Ibid. P. 295.

⁸⁹ См. Главы 2 и 3 в: Shaviri S. The Universe of Things: On Speculative Realism. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2014.

⁹⁰ Harman G. Guerrilla metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago and La Salle, IL : Open Court, 2005.

развивает основные темы объектно-ориентированной философии, такие как типы объектов, вопрос о непрямой причинности и т. д. Именно здесь, наконец, терминология ООФ постепенно обретает привычные черты. В итоге Харман решил объединить обе рукописи под одной обложкой: “В “Инструмент-сущем” я сосредоточился на объектах как на сокрытых единствах, которые никогда не становятся присутствующими. В настоящей книге меня интересует облако данных в присутствии газообразных качеств, в которых объекты принимают форму и становятся явленными”⁹¹.

Термин *guerilla metaphysics* (партизанская метафизика) появился уже в предисловии к “Инструмент-сущему”, где Харман пишет о смертельной ране нанесенной Хайдеггером старомодной метафизике, которую в еще большей степени потрепали Витгенштейн и Деррида, но в то же время “тем же самым ударом он [Хайдеггер] сам не зная того дает основание для кампании партизанской метафизики”⁹². Речь, конечно, идет о понятии инструмент-сущего, которое “становится странным вариантом традиционных сущностей (*substances*)”⁹³. В конце Главы 2 “Инструмент-сущего” он говорит даже про “партизанский реализм”⁹⁴. В сиквеле Харман выносит это понятие в заголовок книги и, фактически, отождествляет объектно-ориентированную философию с партизанской метафизикой⁹⁵. Он пишет: “Цель этого названия – показать, что многочисленные современные возражения против метафизики мне знакомы, но также и то, что я не нахожу их особенно убедительными”⁹⁶.

Как мы уже упоминали раньше, Харман с юношества чувствовал себя в душе метафизиком, поэтому ее возвращение в континентальную мысль стало для него своеобразной дорогой домой. В апреле 2002 г. он прочел лекцию о возрождении метафизики в континентальной философии перед аудиторией, состоящей по преимуществу из аналитических философов в Американском

⁹¹ Ibid. P. 44.

⁹² Harman G. Tool-being. P. 2.

⁹³ Ibid. P. 2.

⁹⁴ Ibid. P. 216.

⁹⁵ Harman G. Guerrilla metaphysics. P. 1.

⁹⁶ Ibid. P. 1.

университете Бейрута⁹⁷. На тот момент “Инструмент-сущее” еще не вышло в печать (это произошло в августе того же года), и несмотря на то, что его имя как автора опубликованных текстов на тот момент ассоциировалось только со спортивными обзорами в одном из чикагских изданий, он все же рискнул публично занять непопулярную для континентальной философии позицию. Впрочем, в среде аналитиков, которым была адресована эта лекция, это звучало уже не настолько смело.

Партизанская деятельность Хармана разворачивается в пространстве континентальной философской мысли, где “старый режим” традиционной метафизики, которую Хайдеггер обозначил понятием онтотеологии, уже пал, а ему на смену пришел “новый” – состоящий из двух фракций: радикалов (отрицавших любую метафизику феноменологов) и умеренных (постметафизиков, которых радикалы презрительно называли теологами⁹⁸). Первая фракция была представлена французским философом Домиником Жанико (1937–2002), вторая – Эмманюэлем Левинасом, Жаном-Люком Марионом (р. 1948) и Мишелем Анри (1922–2002). Принимая критику традиционной метафизики как онтотеологии, Харман стремился к созданию третьей фракции, которая ратовала бы за полноценное возвращение метафизики, но не в форме онтотеологии. Однако, ее партизанский характер говорил о том, что свою фракцию он рассматривал как “подпольную”. В качестве философской цели партизанской метафизики американский философ ставил освобождение объектов – возвращение им автономии.

По словам Хармана, он представил первоначальный вариант своей позиции на конференции в Роттердаме (Нидерланды) в присутствии Жанико, но, к сожалению, тот не дожил до выхода “Партизанской метафизики”, чтобы принять участие в полемике с гораздо более проработанными аргументами.

⁹⁷ Harman G. The Revival of Metaphysics in Continental Philosophy (2002) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 159–183.

⁹⁸ Термин “теологи” в отношении французских феноменологов, занявших постметафизические позиции, полемически ввел Доминик Жанико в работе “Теологический поворот во французской феноменологии” (1991). Со временем этот изначально пейоративное именование приобрело противоположное значение. Харман вслед за Жанико называет постметафизиков Ж.-Л. Мариона и М. Анри – теологами.

Анри, как и Жанико, тоже ушел из жизни в 2002 г., а Марион не проявил интереса к дискуссии с Харманом. Вместо него на объектно-ориентированную философию позже обрушился другой постметафизик – теолог Джон Капуто (р. 1940), однако никакой содержательной дискуссии из этого не вышло⁹⁹.

Для Хармана возвращение метафизики обусловлено обращением к реализму. Ведь реализм в той форме, как он его понимает, может быть только метафизическим. Если к инструмент-сущим (позже – реальным объектам) нет прямого доступа, и они изъяты из всех отношений в свои частные вакуумы, то рассуждать о них можно только метафизически и спекулятивно. Именно поэтому антиметафизическая феноменология Жанико выглядит для Хармана неприемлемой, потому что не позволяет говорить о скрытой реальности объектов, довольствуясь лишь данностью феноменов как наличных.

“Теологи” в отличие от Жанико как будто бы стремятся указать на некую трансцендентность за пределами феноменальной сферы (бесконечный Другой Левинаса, насыщенный феномен Мариона), но в конечном счете, по мнению Хармана, отказываются от трансцендирования: “Мишель Анри открыто признает это, заявляя о своей теологии радикальной имманентности. Подобным образом Левинас нередко предполагает, что бесконечное существует лишь через свое вторжение в сознание, тогда как Марион склонен искать чистую данность во внутреннем насыщении феноменов, а не в трансцендентном пространстве за их пределами... Даже когда они приближаются к чему-то вроде трансцендентности, это не трансцендентность самих вещей, а скорее невразумительная глыба бесконечности – мрачный,

⁹⁹ Дж. Капуто попытался защитить Бруно Латура от критики со стороны спекулятивных реалистов Г. Хармана и К. Мейясу, которых он назвал “воинствующими реалистами” и представил почти что инквизиторами: Caputo J. *The Insistence of God: A Theology of Perhaps*. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 2013. Р. 256. Харман в своем блоге отметил агрессивный тон Капуто и дал следующий ответ: “Капуто, кажется, просто одержим идеей, что мы называем Латура «корреляционистом». Но это не так... Я считаю, что Латур – реляционист, но ни в коем случае не корреляционист. Мейясу считает, что Латур – метафизик-виталист *а-ля* Уайтхед (и *а-ля* Харман, если уж на то пошло). Можно не соглашаться с каждым из нас или с обоими, но я не понимаю, почему философское несогласие с Латуром по тому или иному пункту равносильно суждению о том, что он является или не является «еретиком»”: Harman G. *A strange passage in John Caputo’s new book* // Blog Object-Oriented Ontology. 2013. Oct. 16. URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2013/10/16/a-strange-passage-in-john-caputos-new-book/> (дата обращения 28.01.2026).

сокрытый монолит, задавливающий ничтожества, именуемые отдельными сущими (*specific entities*)”¹⁰⁰.

Другими словами, “теологи”, несмотря на критику Жанико, остаются для Хармана феноменологами, чей подход не покидает сферы феноменального, а значит остается антиреалистским по своей сути.

Однако, не любая форма метафизики оказывается приемлемой, чтобы удовлетворять условиям объектно-ориентированной философии. Защита автономии инструмент-сущих требует противостояния любой *метафизике присутствия* (онтотеологии), согласно которой существует некая привилегированная сущность, которая становится основанием для всех остальных вещей, “будь то вода, воздух, атомы или безграничный апейрон у досократиков, платоновские формы, первичные сущности Аристотеля, Бог средневековой философии, материя Джордано Бруно, картезианские субстанции, лейбницеvские монады, ощущения и идеи эмпиризма, кантовские категории, идеалистический субъект или дух, следовавший за Кантом, шопенгауэровская воля, ницшеанская сила, гуссерлевские феномены или бергсоновский жизненный порыв”¹⁰¹.

В своей борьбе за возвращение метафизики в континентальную философию Харман обрел союзника в лице Бруно Латура. И хотя в своих ранних текстах он говорил о Латуре как инфрафизике, а не метафизике¹⁰², позже он описал акторно-сетевую теорию как экспериментальную метафизику (см. подробнее о дискуссии Хармана с Латуром в § 1.2.1).

¹⁰⁰ Harman G. Guerrilla metaphysics. P. 15.

¹⁰¹ Harman G. The Return to Metaphysics (2011) // Bells and Whistles: More Speculative Realism. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2013 (e-Book). P. 23–24.

¹⁰² Harman G. Bruno Latour, King of Networks (1999) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 140.

1.1.5. Формирование словаря объектно-ориентированной философии

Именно в “Партизанской метафизике” неудачная терминология предыдущей книги постепенно обретает более привычные, можно сказать, канонические черты, которые затем войдут в модель четвероякого объекта. Подробнее основные понятия объектно-ориентированной философии будут описаны в Главе 3. В этом параграфе нас интересует, как, в каком контексте и под чьим влиянием, они впервые появляются у Хармана, и какие неудачные понятия они заменяют.

Наряду с “разломом” между подручным и наличным или сущностью и отношением, постулированным в предыдущей книге, в “Партизанской метафизике” четко артикулируется ещё один онтологический разлом – “между единством вещи и множественностью ее отличительных черт (*features*), между ее существованием и сущностью, или аналогично между ее *tode ti* и *ti esti*”¹⁰³: в новой терминологии – между объектом и его качествами. К этому различию Харман приходит через теорию интенциональных объектов Э. Гуссерля, изложенную в “Логических исследованиях” (V. Об интенциональных переживаниях и их “содержаниях”), подчеркивая “*фундаментальное напряжение внутри феноменов Гуссерля* [курсив в оригинале – прим. А.Ш.]”¹⁰⁴.

Интенциональный объект, которому в “Инструмент-сущем” соответствует сломанный инструмент, становится *sensual object* через обращение к теории восприятия Э. Левинаса. Здесь необходимо остановиться на переводе прилагательного *sensual* в контексте терминологии ООФ на русский язык. Во всех русскоязычных изданиях Хармана слово *sensual* переводится как *чувственный*. И, возможно, в контексте феноменологических исследований, из которых он берет это понятие, такой перевод вполне

¹⁰³ Harman G. Guerrilla metaphysics. P. 78.

¹⁰⁴ Ibid. P. 28.

уместен. Однако, учитывая антикорреляционистскую установку Хармана, он выглядит как выражение привилегированного человеческого доступа, в то время как должен быть справедлив не только для людей и высших животных, обладающих органами чувств, но и для любых объектов, включая кометы, молекулы бензола, кристаллы кварца, атмосферный воздух и т. д. Учитывая спектр возможных значений прилагательного *sensual* в переводе на русский язык, более уместным будет использовать слово *воспринимаемый*. Ведь мы спекулятивно можем полагать своеобразную способность к восприятию информации у любых объектов. А слово “информация” в одной из статей Хармана выступает в качестве синонима *sensual object*¹⁰⁵.

К тому же даже в отношении человеческого восприятия Харман использует термин *sensual* гораздо шире, чем сфера чувственного восприятия. В своей поздней работе он пишет: “«*Sensual*» отсылает не к чувствам, а к наслаждению (*pleasures*) от непосредственного контакта: например, с гладкой тканью или освежающей жидкостью. *Sensual* – это не только то, что мы узнаем посредством пяти чувств: любая форма человеческого познания, включая самые абстрактные формы логического мышления, сталкивается с чувственными объектами, а не с реальными”¹⁰⁶. Далее мы будем стараться использовать *sensual* как *воспринимаемый*, однако иногда будем возвращаться к переводу *чувственный*, там, где это будет уместно (например, в цитатах из русскоязычных изданий).

На смену ключевому для первой книги понятию *инструмент-сущее* приходит – *реальный объект (real object)*¹⁰⁷. Харман сразу же устанавливает самые широкие границы понимания того, что может быть реальным объектом. Он отрицает любой привилегированный набор качеств, отличающих реальные объекты от нереальных. Так, природные или физические объекты не имеют никаких преимуществ перед неприродными. Составные объекты не менее

¹⁰⁵ Harman G. Zero-person and the psyche // Mind that Abides: Panpsychism in the New Millennium / ed. by D. Skrbina. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 274–275.

¹⁰⁶ Harman G. Waves and Stones: On the Ultimate Nature of Reality. London : Allen Lane, 2025. P. 6.

¹⁰⁷ Harman G. Guerrilla metaphysics. P. 76.

реальны, чем те, из которых они состоят. Харман пишет: “Важно то, что любой объект, на любом уровне мира, обладает реальностью, которую можно бесконечно исследовать и рассматривать с бесчисленных точек зрения, никогда не исчерпав сумму этих точек зрения”¹⁰⁸. “Любой уровень мира” означает не только уровни организации материи, но и выход за пределы материальности вообще. Нематериальные объекты, с точки зрения Хармана, оказываются столь же реальными, что и материальные. Математические объекты, литературные персонажи, фантастические твари – все они могут быть названы реальными объектами, потому что способны восприниматься интерсубъективно, то есть существуют независимо от индивидуального сознания. Можно ли считать феномены, не выходящие за пределы единичного опыта, обладающими скрытой реальностью, остается дискуссионным вопросом в рамках ООО.

Еще одно ключевое для ООО понятие, которое обрело в “Партизанской метафизике” свой каноничный вид, – замещающая причинность (*vicarious causality*). В “Инструмент-сущем” Харман предпринял попытку описать этот элемент своей теории термином окказиональная причина (*occasional cause*)¹⁰⁹. На его появление оказала влияние окказионалистская теология, которая также утверждает непрямой характер причинности при взаимодействии реальных сущих между собой. Посредником в окказионализме оказывается Бог, который творит следствие при каждом причинном действии: “Окказионализм – лучший исторический пример такой философии [непрямой причинности], хотя его поспешное обращение к Богу как вездесущей окказиональной причине (*occasional cause*) уводит от любого подробного описания механизмов такой причинности и ответственно за ту плохую репутацию, от которой сегодня страдает окказионализм. Но за пределами всех убийственных богословских заявлений остается великое прозрение окказионализма:

¹⁰⁸ Ibid. P. 76.

¹⁰⁹ Учитывая прямую связь термина *occasional cause* с окказионализмом, на наш взгляд, нет необходимости искать для этого технического термина какой-либо иной перевод, кроме как *окказиональная причина*. Другие значения слова “occasional”, такие как “случающийся время от времени”, “нерегулярный”, “случающийся иногда”, не отражают подразумеваемого Харманом значения.

невозможность соприкосновения двух сущностей между собой, если под сущностью мы понимаем объект, находящийся за пределами всех отношений”¹¹⁰. Здесь мы снова встречаемся с характерным для Хармана подходом: одно великое прозрение окказионализма (две сущности не могут взаимодействовать напрямую) и одна великая ошибка (посредник между сущностями – Бог) подталкивают его к разработке собственной теории, в которой от самого окказионализма уже ничего не останется.

Харман вводит понятие *occasional cause* как “возрождение некоторой формы”¹¹¹, воскрешая тем самым интерес современной философии к, казалось бы, навсегда отвергнутым аутсайдерам (как и в случае с Субири и Уайтхедом для континентальной мысли). В “Инструмент-сущем” есть скромная отсылка к раннемодерному христианскому окказионалисту Николя Мальбраншу (1638–1715). Позже Харман к нему добавляет средневековых арабских теологов-окказионалистов, с взглядами которых он познакомился, по всей видимости, уже в Египте. Их имена так и не названы в “Партизанской метафизике”, но в последующих статьях они фигурируют как Ашариты¹¹². Помимо окказионалистов Харман называет в качестве источника влияния Дэвида Юма (1711–1776), которого противопоставляет Мальбраншу. Учитывая влияние Лейбница на становление ООФ, к этому списку следовало бы добавить монадологию, в которой Бог также оказывается посредником между не имеющими “окон” монадами, однако Харман не упоминает ее в этом контексте. Также на формирование теории замещающей причинности сильно повлияла концепция перевода (*translation*) Бруно Латура, которую объектно-ориентированный философ назвал “секулярным окказионализмом” (см. подробнее в § 1.2.2).

¹¹⁰ Harman G. *Guerrilla Metaphysics*. P. 149.

¹¹¹ Harman G. *Tool-Being*. P. 295.

¹¹² Ашариты, или ал-Ашарийя – средневековая мусульманская школа калама, основанная Абу аль-Хасаном Али аль-Ашари (873–936). Среди известных ашаритов – аль-Бакиллани (ум. в 1013), Ибн Фурак (ум. в 1015), Абу Исхак ал-Исфара’ини (ум. в 1027), Абд ал-Кахир ал-Багдади (ум. в 1037), аль-Джувайни (ум. в 1085), аш-Шахрастанй (ум. в 1153 г.) и Фахр ад-дин ар-Рази (ум. в 1209) и др. Харман упоминает их в следующих работах: Harman G. *Physical Nature and the Paradox of Qualities* (2006) // *Towards Speculative Realism* (e-Book). P. 195; Harman G. *On Vicarious Causation* // *Collapse*. 2007. Vol. II. P. 202.

Харман, конечно же, не считал, что именно Бог должен обеспечивать непрямую причинность, и в “Партизанской метафизике” отказывается от термина *occasional cause*, как слишком сильно ассоциирующегося с теологией окказионалистов, в пользу понятия замещающая причинность (*vicarious causality*)¹¹³. Образцовое описание своей теории причинности он представляет в статье “О замещающей причинности”¹¹⁴ (2007), которая легла в основу доклада Хармана на первом семинаре спекулятивных реалистов в Голдсмитсе. В его теории не Бог окказионалистов выполняет роль посредника в непрямых причинно-следственных отношениях, а воспринимаемый объект (подробнее см. в Главе 6).

Отсылку к Ашаритам и Мальбраншу следует рассматривать в контексте общего стиля Хармана: он привлекает их к своей теории, чтобы показать исторические аналогии и сразу раскритиковать их позиции как несостоятельные с точки зрения объектно-ориентированной философии. Обсуждая не прямой характер причинности в ООО, другой философ этого направления, Тимоти Мортон, упоминает как исторический аналог совсем иного арабского философа – перипатетика аль-Кинди (801–873; в Европе известен как Алкиндус), а также – индийского буддийского философа Нагарджуну (II–III вв.), основателя школы Мадхьямика (также см. в Главе 6).

1.1.6. Интерпретация Четверицы Хайдеггера

В завершении главы о первом этапе становления ООО и формировании ее словаря, необходимо рассмотреть вопрос о хайдеггеровской четверице (*das Geviert, fourfold*) “земля и небо, божества и смертные”, оригинальная интерпретация которой легла в основу модели четвероякого объекта Хармана.

¹¹³ Несмотря на это, *vicarious causation* не вытеснила полностью *occasional cause*. В ряде докладов и статей 2006–2008 гг. Харман продолжает использовать этот не слишком удачный термин: “Physical Nature and the Paradox of Qualities (2006)” и “Space, Time, and Essence: An Object-Oriented Approach (2008)”, см. в: Harman G. *Towards Speculative Realism* (e-Book).

¹¹⁴ Harman G. *On Vicarious Causality*. P. 187–221. Русскоязычное издание – Харман Г. О замещающей причинности / пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения 04.05.2026).

Обе ранние монографии Хармана – “Инструмент-сущее” и “Партизанская метафизика” – были опубликованы чикагским издательством *Open Court*. В 2007 г. там же вышла третья его книга “Хайдеггер в разъяснениях: от феномена к вещи”¹¹⁵, в которой он предпринял попытку развернутого историко-философского анализа работ Мартина Хайдеггера. Философ обращается к теме четверицы во всех трех монографиях этого периода.

Четверица “земля и небо, божества и смертные” появляется в курсе лекций Хайдеггера “Прозрение в то, что есть” (1949) и докладах “Вещь” (1950)¹¹⁶ и “Земля и небо Гёльдерлина” (1960) в контексте аналитики вещи и способа ее существования: “В подношении чаши для питья пребывают по-своему смертные. В подношении чаши для возлияния пребывают по-своему божества, принимающие дар подношения как дар жертвоприношения. В подношении чаши всякий раз по-своему пребывают смертные и божества. В подношении чаши пребывают земля и небо. В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные. Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы... Существо чаши есть чистое дарящее собрание одно-сложной четверицы в едином пребывании. Чаша существует как Ding, вещь. Чаша есть чаша в качестве вещи. А каким способом существует вещь? Вещь веществует. Веществование собирает. Давая сбыться четверице, оно собирает ее пребывание в то или иное пребывающее: в эту, в ту вещь”¹¹⁷.

Харман отмечает, что большинство комментаторов Хайдеггера обходят четверицу, либо считая ее благочестивой тарабарщиной, либо просто игнорируя ее существование¹¹⁸. Очевидно, на тот момент Харман не читал достаточно развернутых немецкоязычных интерпретаций четверицы, например, О. Пеггелера, а опирался исключительно на англоязычные тексты –

¹¹⁵ Harman G. Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing. Chicago and La Salle, IL : Open Court, 2007.

¹¹⁶ Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 316–326.

¹¹⁷ Там же. С. 321.

¹¹⁸ Harman G. Tool-Being. P. 190.

в основном на версию Уильяма Ричардсона (1920–2016), которую находил не слишком удовлетворительной.

Сам Харман придавал этой, в целом довольно эзотеричной, концепции первостепенное значение для своего проекта: “[Четверица –] это не просто благочестивое бессмысленное кликушество, скомпонованное из произвольно взятого поэтического жаргона, а наиболее тщательная попытка Хайдеггера разработать философию объектов”¹¹⁹. Тем самым четверица для него становится аналитической схемой объекта, отражающей основные онтологические “разломы”, которые он обнаруживает в своем инструмент-анализе: 1) “разлом” между воспринимаемым и реальным (в первой версии – инструмент-сущим и сломанным инструментом) и 2) “разлом” между объектом и его качествами. Земля, смертные, боги и небо занимают место реального и воспринимаемого объекта, а также реальных и воспринимаемых качеств, соответственно. Харман пишет: “Эта четвероякая реальность относится к четырем измерениям, обнаруживаемым в каждом сущем, а не к четырем типам сущих таких как божества, смертные, земля и небо в буквальном смысле”¹²⁰.

Небо у Хайдеггера – это “путь Солнца, бег Луны, блеск звезд, времена года, свет и сумерки дня, тьма и ясность ночи, милость и неприютность погоды, череда облаков и синеющая глубь эфира”¹²¹. Харман отмечает: “Не будем забывать, что Хайдеггерово небо не имеет ни малейшего отношения к Солнцу или Луне, противопоставленным кукурузным полям. Небо включает в себя все опознаваемые сущие (*entities*), охватывает все возможные проявленные качества”¹²². Действительно, в загадочном определении Хайдеггера небо связано скорее не с объектами, а с их специфическими наблюдаемыми качествами: не с Солнцем, Луной, звездами, днем и ночью и т. д., а с их – путем, бегом, блеском, светом и сумерками или тьмой и ясностью.

¹¹⁹ Ibid. P. 200.

¹²⁰ Harman G. Guerrilla metaphysics. P. 226.

¹²¹ Хайдеггер М. Вещь. С. 323.

¹²² Harman G. Tool-Being. P. 200.

Таким образом Харман связывает небо с воспринимаемыми качествами объекта.

Хайдеггеровские божества – это “намекающие посланцы божественности. Из нее, потаенно правящей, является Бог в своем существе, которое изымает его из всякого сравнения с присутствующим”¹²³. Харман обращает внимание, что божества указывают на множественность и скрытость или изъятость, что отсылает к его концепции реальных качеств.

Земля, по Хайдеггеру, “растит и носит, питая, плодит, хранит воды и камни, растения и животных”¹²⁴. Для Хармана земля становится аналогом инструмент-сущего, он усматривает между ними немало параллелей: “Термин «земля» приобретает знакомые характеристики отстаиваемого мной инструмент-сущего в широком смысле: скрытость и целостность”¹²⁵. Земля оказывается основанием для всего сущего – “это наименование для бытия”¹²⁶. В онтографии Хармана – реальный объект.

Наиболее сложная интерпретация касается смертных. У Хайдеггера смертные – “это люди. Они зовутся смертными, потому что в силах умирать. Умереть значит: быть способным к смерти как таковой. Только человек умирает. Животное околевает. У него нет смерти ни впереди, ни позади него. Смерть есть ковчег Ничто – т. е. того, что ни в каком отношении никогда не есть нечто всего лишь сущее, но что тем не менее имеет место, и даже – в качестве тайны самого бытия. Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия. Смерть как ковчег Ничто есть хран бытия. И будем теперь называть смертных смертными не потому, что их земная жизнь кончается, а потому, что они осиливают смерть как смерть. Смертные суть то, что они суть, как смертные, сохраняя свое существо в хране бытия. Они – осуществляющееся отношение к бытию как бытию”¹²⁷.

¹²³ Хайдеггер М. Вещь. С. 324.

¹²⁴ Там же. С. 323.

¹²⁵ Harman G. Tool-Being. P. 202.

¹²⁶ Ibid. P. 202.

¹²⁷ Хайдеггер М. Вещь. С. 324.

В своей интерпретации Харман также стремится избежать буквализма: “термин «смертные» относится не к людям как отдельным типам сущих, а к этому исключительному моменту бытия *как бытия*”¹²⁸. В более поздней работе “Четвероякий объект” (2011) он пишет, что смертные “смертны не по переживанию многих различных вещей, но по столкновению с сущими как целым, а именно, в форме смерти «как» смерти”¹²⁹. Ключом для него становится определение смертных как “отношения к бытию как бытию”, что отсылает к хайдеггеровской как-структуре, и в интерпретации Хармана помещается в область наличного или воспринимаемого. Однако, воспринимаемое может быть целостным (объект) или множественным (качества). Здесь Харман просто постулирует, что термин “смертные” становится обозначением “чего-то вообще”, в то время как небо – “чего-то конкретно”¹³⁰. Иными словами, ранее заявив, что небо связано с качествами, он просто заполняет оставшуюся ячейку четвероякой схемы, в которой смертные становятся воспринимаемым объектом.

Харману стоило бы больше обратить внимание на фразу “смерть есть ковчег Ничто”. Ведь тема смерти для интерпретации смертных, на наш взгляд, имеет ключевое значение. И хотя он упоминает в своей интерпретации хайдеггеровский экзистенциал *бытие к смерти* как указание на то, что настройки термина “смертные” не связаны с “чем-то конкретным”¹³¹, далее он оставляет эту тему не раскрытой.

Таким образом, четверица Хайдеггера становится для Хармана фундаментальным принципом философии объектов, в которой он аналитически обозначает два онтологических разлома: между реальным и воспринимаемым (подручным и наличным, скрытым и явленным) и между целостным и множественным (объектом и его качествами). Но, прежде чем

¹²⁸ Harman G. Tool-Being. P. 201.

¹²⁹ Харман Г. Четвероякий объект. С. 90.

¹³⁰ Harman G. Tool-Being. P. 201.

¹³¹ Ibid. P. 201.

предложить собственную модель четвероякого объекта, он применяет эту четвероякую схему к теории сущности Хавьера Субири.

Четвероякая модель сущности баскского философа, представленная в “Инструмент-сущем”, – это, как и в случае с инструмент-анализом Хайдеггера, оригинальная интерпретация Хармана философии Субири. У самого Субири мы не находим никакой эксплицитной четвероякой модели. И точно так же, как с Хайдеггером, Харман в последующих работах приписывает эту модель непосредственно Субири.

“Четверица Субири” раскладывается по двум осям: 1) физическая сущность (*essence of*) – концептивная сущность (*essence for*); 2) трансцендентальное – талитативное¹³². В интерпретации Хармана трансцендентальное отвечает за единичность (*singularity*) вещи как единство, заключающее в себе качества. Тогда как талитативное – за ее консистентность (*consistency*) в том же смысле, в каком мы говорим о консистентности жидкости¹³³, т. е. совокупность “вязких” качеств, оформляющих единство. Соответственно, четыре ячейки, по которым распределяются отложенные на осях сочетания, выглядят следующим образом¹³⁴:

- 1) сочетание физической сущности и трансцендентального указывает на цельность (*solidity*): единая сущность-в-себе (у Хайдеггера – земля; у Хармана – инструмент-сущее или реальный объект);
- 2) сочетание физической сущности и талитативного – изобилие (*richness*): изобилие мет сущности-в-себе (божества; реальные качества);
- 3) сочетание концептивной сущности и трансцендентального – логическое единство (*logical unity*): единство сущности, схваченной как концепт (смертные; сломанный инструмент или воспринимаемый объект);

¹³² Талитативное от исп. *talidad* – таковость. В русском переводе – *таковое*; в английском – *suchness*.

¹³³ Harman G. Tool-Being. P. 244.

¹³⁴ Схема приведена в: Ibid. P. 267.

4) сочетание концептивной сущности и талитативного – чтойность (*quiddity* – от лат. *quidditas*): множество видимых извне мет (небо; воспринимаемые качества).

Вновь следует сказать, что “четверица Субири” – это философский конструкт самого Хармана. Вряд ли она в полной мере отражает подход баскского философа, хотя бы потому, что для него, как уже отмечалось выше, сущность – это не единство, а скорее композиция мет, а значит пункты 1 и 3 находятся под вопросом. Однако, для нашего исследования она имеет значение в контексте развития мысли самого Хармана. “Четверица Субири” – это один из предварительных вариантов модели четвероякого объекта. Ее атрибуция баскскому философу связана с заимствованием у него терминологии, но не самой четвероякой схемы. В “Партизанской метафизике” эта схема становится “четверицей Хайдеггера/Субири”. Однако, в центральной для формирования модели Хармана работе “Четвероякий объект” “четверица Субири” уже не упоминается.

В завершении этого параграфа мы можем предположить, что модель четвероякого объекта Хармана не следует напрямую из *das Geviert* Хайдеггера. Скорее последняя выступает своеобразным авторитетным подтверждением инсайтам Хармана постфактум. “Четверица Субири” конструируется им в процессе поиска языка для описания обнаруженных в ходе философского исследования “онтологических разломов”. Но по мере того, как терминология Хармана более или менее приходит к окончательным вариантам, необходимость в ней отпадает. Отсылка к четверице Хайдеггера в более поздних работах остается как дань уважения той философии, в контексте которой формировался сам Харман, никакой другой функции, кроме историко-декоративной, она в модели четвероякого объекта уже не имеет.

Выводы из § 1.1

Первый этап в истории объектно-ориентированной философии (1997–2006) можно описать метафорой одинокого волка. Он связан с деятельностью основателя ООФ, американского философа Грэма Хармана по разработке основных принципов и философского словаря новой теории. Этот образ позже будет обыгран через противостояние Государя и Волка в одноименной книге (“The Prince and the Wolf”, 2011)¹³⁵, посвященной публичной дискуссии Хармана с Бруно Латуром о новой метафизике в Лондонской школе экономики¹³⁶. В этот период Харман еще не обзавелся своей “стаей”, он жил в достаточно маргинальном для западной континентальной философии месте – в Египте, и разрабатывал свою теорию в одиночестве.

Харман сформировался как философ в начале 1990-х гг. под руководством Альфонсо Лингиса в контексте той ветви американской феноменологии, которая ориентировалась по большей части на французскую феноменологию и хайдеггерианский экзистенциализм, чем на гуссерлианскую традицию и немецкоязычных авторов. С таким бэкграундом он вполне мог в дальнейшем заняться философией Жака Деррида, и пойти по пути критики метафизики, которому внутренне сопротивлялся. Избавившие его от “длинной тени Хайдеггера” Альфред Норт Уайтхед и Хавьер Сублири принадлежали к другим философским традициям, каждую из которых можно назвать метафизической. Этот интеллектуальный переворот, случившийся с Харманом летом 1997 г. дал импульс к появлению объектно-ориентированной философии.

Существует достаточно распространенное представление о том, что ООФ представляет собой своеобразный извод кантианства, а реальный объект Грэма Хармана – это ни что иное как вещь-в-себе Иммануила Канта. Оно

¹³⁵ Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011 (e-Book).

¹³⁶ Еще в 1999 г., в одной из своих ранних работ, Харман назвал Латура королем сетей (*king of networks*), в новой итерации король превратился в государя (*prince of networks*). В свою очередь, французский философ иронично сравнивал преследующих его критиков с волками.

поддерживается во многом благодаря издевательскому подзаголовку книги одного из наиболее ярких критиков Хармана, британского философа Питера Вульфендейла, “Объектно-ориентированная философия: новое платье ноумена” (2014), отсылающему к сказке Г. Х. Андерсена о голом короле. В этой главе нам удалось показать, что появлению своей теории объектов Харман обязан не кантовскому различению ноумена и феномена, а хайдеггеровскому различию между подручным (*Zuhandenheit*) и наличным (*Vorhandenheit*). Именно эти понятия стали прототипами реального и воспринимаемого, непреодолимый онтологический “разлом” между которыми постулирует объектно-ориентированная философия. Однако, это влияние следует признать скорее историко-генетическим, чем содержательным, ведь вольная интерпретация подручного Харманом прямо противоречит хайдеггеровскому проекту.

Теория сущности Субири утвердила Хармана в правильности изначальной интуиции фундаментального онтологического “разлома”, опиравшейся на хайдеггеровское различие подручного и наличного. Сочетая ее с монадологией Г. В. Лейбница, он переосмыслил изъятое из прямого доступа подручное в категориях сущности, что было бы не мыслимо, оставаясь он в рамках феноменологии. Понятие Эммануэля Левинаса *il y a* подтолкнуло Хармана к формулировке другого фундаментального принципа – онтологической первичности объектов, но без влияния Уайтхеда, позволившего ему разорвать связь между объектами и человеческим мышлением о них (критика философии человеческого доступа), это вряд ли стало бы возможным.

Заявленное Харманом возвращение метафизики стало своего рода сепарацией от своей материнской философской традиции, одной из главных тем которой была критика метафизики онтотеологии. Свой философский проект он выстроил как метафизическую альтернативу онтотеологии, опирающуюся на иные онтологические принципы. Эта задача потребовала четкой демаркации ООФ с существующими внутри материнской традиции

подходами – антиметафизической феноменологией (Д. Жанико) и пост-метафизикой (Э. Левинас, М. Анри, Ж.-Л. Марион).

В ранних работах Харман выступает как самостоятельный философ, уже имеющий собственное представление о философской теории объектов, но не разработавший еще языка ее описания. С этим связано его стремление опереться на заимствованную, но творчески переработанную терминологию. Иногда – на грани и даже за гранью академической корректности. Так, в подтверждение своих идей, он изобретает и приписывает Хайдеггеру понятия “инструмент-анализ” и “инструмент-сущее”. В этом плане Хармана не следует рассматривать как хайдеггерианца или хайдеггероведа.

Первые попытки Хармана предложить понятийный аппарат ООФ нельзя признать удачными, но уже в “Партизанской метафизике” (2005) он начинает вырабатывать собственную оригинальную терминологию, которая, впрочем, до публикации “Четвероякого объекта” (2011) остается еще в достаточной степени подвижной. На смену неудачным терминам “инструмент-сущее” и “сломанный инструмент” приходят уже ставшие каноном “реальный объект” и “воспринимаемый объект”, “окказиональная причинность” меняется – на “замещающую”.

Чего практически нет в основных работах первого этапа становления ООФ, так это эксплицитного обращения к идеям Бруно Латура. Однако, влияние акторно-сетевой теории, как мы убедимся в следующей главе, сыграло в ее формировании не меньшую роль, чем философия Хайдеггера, Уайтхеда и Субири. Однако ни в “Инструмент-сущем”, ни в “Партизанской метафизике” Харман не выводит Латура на первый план.

§ 1.2. Формирование классической четверки объектно-ориентированных философов

1.2.1. Объектно-ориентированная философия в контексте спекулятивного реализма

В 2006 г. Рэй Брасье, который годом ранее приглашал Хармана выступить в Мидлсекском университете в Лондоне, обратил его внимание на книгу “После конечности” (2006)¹³⁷ Квентина Мейясу. Практически сразу у обоих возникла идея провести семинар, об обстоятельствах организации которого Харман писал: “С 15 по 17 апреля [2006 года], находясь в Акюрейри на северном побережье Исландии, я обменивался с Брасье многочисленными электронными письмами о своем положительном впечатлении от книги Мейясу, и именно в ходе этих обсуждений он предложил провести групповое мероприятие с участием нас троих и Иэна Хэмилтона Гранта. Я немедленно отправил сообщения с запросом и Гранту, и Мейясу, и так родилось “движение”, которое только в следующем году получило название «Спекулятивный реализм»¹³⁸. В той же поездке в Исландию на ежегодный конгресс *Nordic Society for Phenomenology* у Хармана, по его словам, “произошла большая драка с «гуссерлианской мафией»¹³⁹ об интерпретации философии Хайдеггера, и поиск единомышленников в противостоянии с консервативно настроенным континентальным философским истеблишментом стал для него актуальной задачей.

Первый семинар под названием “Спекулятивный реализм” состоялся 27 апреля 2007 г. в Голдсмитском колледже Лондонского университета. Одним из спонсоров семинара стал философский журнал *Collapse*, в третьем томе которого за 2007 г. вышла полная его стенограмма¹⁴⁰. В нем приняли участие

¹³⁷ Meillassoux Q. *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris : Seuil, 2006. Англоязычное издание в переводе Р. Брасье вышло в 2008 году, а русскоязычное в переводе Л. Медведевой – в 2018 году.

¹³⁸ Harman G. *Physical Nature and the Paradox of Qualities // Towards Speculative Realism* (e-Book). P. 184.

¹³⁹ Об этом Харман рассказал на семинаре в Голдсмитсе.

¹⁴⁰ Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. *Speculative Realism // Collapse*. 2007. Vol. 3. P. 307–449.

(в порядке выступления) Р. Брасье, И.Х. Грант, Г. Харман и К. Мейясу, модератором стал итальянский философ Альберто Тоскано (род. 1977), представлявший сторону организаторов – Голдсмитский колледж. По словам Хармана, название семинара как компромисс между позициями участников предложил Брасье. Более ранней версией был “спекулятивный материализм”, но это название не отвечало анти-материалистической позиции самого Хармана¹⁴¹.

Второй семинар группы, состоявшийся 24 апреля 2009 г. в Университете Западной Англии (Бристоль, Великобритания), где работал Грант, уже в названии содержал указание на некий раскол “Спекулятивный реализм /спекулятивный материализм”. Во встрече принимали участие те же философы за исключением Мейясу, чью статью представил А. Тоскано. Больше группа в таком составе не собиралась.

Исследователи и сами участники движения сходятся, что содержательно спекулятивных реалистов объединяет общая критическая позиция в отношении методов предшествующих им направлений континентальной философии, которую Харман назвал философией человеческого доступа, Мейясу – корреляционизмом, а Брасье – аргументом Перла. В итоге именно термин Мейясу стал наиболее употребительным среди спекулятивных реалистов¹⁴². Помимо антикорреляционизма Харман называет ещё одно объединяющее спекулятивных реалистов основание: любовь к произведениям Говарда Лавкрафта¹⁴³, однако вряд ли его можно считать убедительным. В конце концов, по словам Т. Мортонa, “Лавкрафт Грэма Хармана сильно отличался от одержимости [другими спекулятивными реалистами] Ктулху в духе «Чужого: Воскрешение»”¹⁴⁴. Тем более, сам Харман признавался, что впервые прочел произведения американского писателя в возрасте 37 лет, т. е.

¹⁴¹ Харман. Г. Спекулятивный реализм: введение. М. : РИПОЛ классик, 2020. С. 39–40.

¹⁴² Вместе с тем, между корреляционизмом Мейясу и философией человеческого доступа Хармана есть существенные различия. Подробнее см. в § 2.1.1.

¹⁴³ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 34.

¹⁴⁴ Morton T. Preface to the Second Edition // *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality* / 2nd ed. London : Open Humanity Press, 2025. P. 21.

– в 2005 г., когда основные принципы объектно-ориентированной философии уже были сформулированы¹⁴⁵. Скорее всего, говоря об общей любви к Лавкрафту как объединяющем факторе, Харман имел в виду нечто более конкретное – событие, посвященное американскому мастеру ужасов, в котором поучаствовали все спекулятивные реалисты. Дело в том, что за день до семинара в Голдсмитсе в той же локации прошла однодневная конференция “Weird-реализм: Лавкрафт и теория”, на которой Харман выступил с докладом. Также в конференции принимали участие писатель Чайна Мьельвиль, философ Марк Фишер (K-Punk) и др. Это выступление легло в основу вышедшей несколько лет спустя книги Хармана об американском писателе “Weird-реализм: Лавкрафт и философия” (2012)¹⁴⁶. Больше к теме Лавкрафта он не возвращался.

Существует дискуссия о состоятельности спекулятивного реализма как интеллектуального движения и направления философской мысли. Дело в том, что, не успев объединиться, четверка философов сразу же обозначила расхождения между собой и движение распалось на четыре самостоятельных направления:

- объектно-ориентированная онтология (Грэм Харман);
- спекулятивный материализм (Квентин Мейясу);
- трансцендентальный материализм, или неовитализм (Иэн Хэмилтон Грант);
- радикальный нигилизм (Рэй Брасье)¹⁴⁷.

Славой Жижек усмотрел в этом разделении ограниченность спекулятивного реализма¹⁴⁸. Он предложил свою классификацию направлений внутри движения, поместив их в систему координат, по осям которой

¹⁴⁵ Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. Г. Коломийца и П. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. С. 9.

¹⁴⁶ Harman G. Weird realism: Lovecraft and Philosophy. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2012.

¹⁴⁷ Грэм Харман назвал направление Гранта виталистическим идеализмом, а Брасье – прометеанством: Харман Г. Спекулятивный реализм.

¹⁴⁸ Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London : Verso, 2012. P. 640.

отложены соотношения священное/секулярное и научное/метафизическое: “Хотя и Мейясу, и Брасье отстаивают научный взгляд на реальность как радикально контингентную и постигаемую с помощью формализованной науки, Брасье одобряет научный редукционизм, в то время как Мейясу оставляет открытым пространство для несуществующего божественного, которое искупит все ошибки прошлого. С другой стороны, и Харман, и Грант выступают за ненаучный метафизический подход, причем Харман выбирает прямо религиозный (или, по крайней мере, спиритуалистический) панпсихизм... в то время как Грант, в делёзианской манере, помещает метафизическое измерение в саму природу, представляя мир объектов как результат более изначального процесса становления”¹⁴⁹.

Харман подверг критике эту классификацию, отметив, что представлять его “религиозным философом” совершенно некорректно¹⁵⁰. Он, в свою очередь, предложил другой тип деления направлений спекулятивного реализма по оси эпистемическое/анти-эпистемическое. К первому он отнес Брасье и Мейясу, ко второму – себя и Гранта. Те же альянсы, но на других основаниях выделили Мейясу¹⁵¹ и Брасье (см. ниже). В дальнейшем именно альянс Хармана–Гранта продолжит свое существование под названием спекулятивного реализма. Анализируя подходы Мейясу и Брасье, Харман заметил, что они предлагают “удивительно слабые модели реальности как таковой”¹⁵², и написал, что они с Грантом находятся на правильной стороне в борьбе за наследие спекулятивного реализма¹⁵³. Анализируя последующий путь развития спекулятивного реализма, можно сказать, что эту борьбу альянс Хармана–Гранта выиграл, но только потому, что Мейясу занял амбивалентную позицию, принимающую “спекулятивность”, но отвергающую “реализм”, а Брасье публично отрекся от движения.

¹⁴⁹ Ibid. P. 640.

¹⁵⁰ Harman G. The Current State of Speculative Realism // Speculations IV. Brooklyn, NY : Punctum Books, 2013. P. 23.

¹⁵¹ Классификации Г. Хармана и К. Мейясу описаны в: Ibid. P. 23–26.

¹⁵² Ibid. P. 25.

¹⁵³ Ibid. P. 26.

В интервью польскому журналу *Kronos* в 2011 г. Брасье довольно резко и недвусмысленно выразил свою точку зрения: “Движение спекулятивных реалистов” существует только в воображении группы блогеров, продвигающих повестку, к которой я не испытываю ни малейшей симпатии: акторно-сетевая теория, приправленная панпсихистской метафизикой и кусочками философии процесса¹⁵⁴ <...> Я согласен с замечанием Делёза, что, в конечном счете, самая главная задача философии – препятствовать глупости, поэтому я не вижу особой философской пользы в “движении”, чье самое значительное достижение на данный момент заключается в том, что оно породило оргию глупости в Интернете”¹⁵⁵.

Он имел в виду сеть философских блогов, в которых обсуждались идеи, объединенные рамкой спекулятивного реализма и шире – провозглашенного спекулятивного поворота в континентальной философии¹⁵⁶. Самыми известными из них были: *Larval Subjects* Леви Брайанта; *Speculative Heresy* Ника Срничека, *Object Oriented Philosophy* Грэма Хармана; *Ecology without Nature* Тимоти Мортон; *K-Punk* Марка Фишера; *The Pinocchio Theory* Стивена Шавиро и др. По мнению Александра Писарева и Артема Морозова, именно благодаря сети блогов “спекулятивный реализм приобрел влияние и перерос в движение”, причем, “из изначальной четверки [спекулятивных реалистов] только Харман вел активную жизнь в этом сообществе, во многом влиял на темы и ход дискуссий в нем”¹⁵⁷.

Сами участники этой философской блогосферы считали ее хорошей коммуникационной площадкой, которая позволяла презентовать идеи на начальной стадии разработки, давала возможность получать более быструю реакцию от коллег, чем в случае с журнальными публикациями и нивелировала академические иерархии¹⁵⁸. Однако, у этой площадки были и

¹⁵⁴ Карикатурное описание содержания повестки этой группы блогеров указывает на направления, связанные с Г. Харманом и И. Х. Грантом.

¹⁵⁵ Цит по: Gratton P. *Speculative Realism*. P. 3.

¹⁵⁶ *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* / ed. by Briant L., Srnicek N., Harman G. Melbourne : Re.Press, 2011.

¹⁵⁷ Писарев А., Морозов А. *Speculative Realism: Exit* // Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 27.

¹⁵⁸ Briant L., Srnicek N., Harman G. *Towards a Speculative Philosophy* // *The Speculative Turn*. P. 6–7.

свои изъяны. Один из первых исследователей спекулятивного реализма, Питер Граттон, отмечает, что скепсис Брасье можно понять: дискуссии в интернет-блогах часто не соответствовали идиллической картине обмена философскими идеями и конструктивной критикой и представляли собой троллинг, склоки и взаимные оскорбления¹⁵⁹. В интервью Граттону Харман признался, что ведение блога может быть эмоционально истощающим, именно поэтому он закрыл в своем – возможность комментировать¹⁶⁰. Ко второй половине 2010-х гг. активность и влияние блогов заметно упали. Спустя много лет Тимоти Мортон скорее негативно охарактеризовал роль философской блогосферы¹⁶¹.

Однако, было бы неправильно сводить спекулятивный реализм исключительно к сети философских блогов. Постепенно он стал получать более традиционные формы академической институционализации. Подводя итоги 2012 г., Харман перечислил некоторые из них: “Спекулятивный реализм сейчас является темой процветающей серии книг в крупном университетском издательстве и предметом, как минимум, одной готовящейся к изданию монографии¹⁶². Он включен в редакционную политику нескольких философских журналов. Он стал специализированным понятием (*terme d’art*) в архитектуре, археологии, географии, изобразительном искусстве и даже истории. Он с легкостью пересекает национальные границы и стал центральной темой обсуждения в растущей блогосфере континентальной философии. Спекулятивный реализм – тема нескольких постдокторских стипендий, предложенных в США в этом году. Он стал предметом семестровых занятий в университетах, а также – диссертаций аспирантов в Париже. Несмотря на то,

¹⁵⁹ Gratton P. *Speculative Realism*. P. 3.

¹⁶⁰ Gratton P. *Interviews: Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis // Speculations I / 2nd ed.* Brooklyn, NY : Punctum Books, 2020. P. 86.

¹⁶¹ “Щупальцеобразная тьма промозглого, маскулинного мира онлайн-философских блогов примерно в 2010 году уступила место тому, что лишь казалось не имеющим к ней никакого отношения: инцелам, 4Chan и образу Трампа... То, что тогда казалось абсолютным разрывом между реальностями – временем [президента Барака] Обамы и временем [президента Дональда] Трампа, если выразиться иначе, – теперь, похоже, сгладилось: грубоватый зверь, медленно приближающийся к Белому дому, начал свой неуклюжий путь примерно в 2010 году в форме философской блогосферы, в которую я внезапно попал благодаря посту Леви Брайанта”: Morton T. *Preface to the Second Edition*. P. 20–21.

¹⁶² Харман имеет в виду монографию Gratton P. *Speculative Realism*.

что широту и долговечность спекулятивного реализма еще предстоит проверить на прочность, он уже давно прошел тест на “существование” в гораздо большей степени, чем большинство его критиков”¹⁶³.

В 2010 г. стал выходить альманах *Speculations*, который его главный редактор Пол Эннис назвал “первым журналом, посвященным спекулятивному реализму <...> способным объединить weird-реалистов, континентальных метафизиков, объектно-ориентированных онтологов, трансцендентальных реалистов, виталистов и лавкрафтианцев”¹⁶⁴. В первом номере альманаха вышла серия интервью Питера Граттона с некоторыми ключевыми фигурами движения: Грэмом Харманом, Джейн Беннетт, Тимом Мортоном, Йеном Богостом и Леви Брайантом¹⁶⁵.

В январе 2011 г. увидел свет сборник под названием “Спекулятивный поворот: континентальный материализм и реализм” под редакцией Л. Брайанта, Н. Срничека и Г. Хармана, большая часть которого была посвящена дискуссии вокруг идей четверки спекулятивных реалистов. Польский журнал *Kronos* выпустил тематический номер (№1 2012) о спекулятивном реализме со статьями и дискуссией Г. Хармана и К. Мейясу. Российский философский журнал *Логос* опубликовал тематический блок текстов, озаглавленный “Спекулятивный реализм” (№2 2013).

В феврале 2011 г. Издательство Эдинбургского университета запустило серию “Спекулятивный реализм”, главным редактором которой стал Г. Харман. Первой в серии стала его собственная книга о философии Квентина Мейясу¹⁶⁶. В серии также вышли работы Л. Брайанта, Т. Гарсии (три публикации), А. Джонстона, Т. Спэрроу, М. Деланды, Дж. Когбёрна, А. Кляйнхеренбринка, Х. Бенсусана, М. Феррариса и др. Последняя публикация в серии датируется 2024 г. (см. § 1.3.2).

¹⁶³ Harman G. The Current State of Speculative Realism. P. 22.

¹⁶⁴ Ennis P. Editorial // *Speculations* I / 2nd ed. P. 5.

¹⁶⁵ Стоит отметить, что четверо интервьюируемых – Харман, Мортон, Брайант и Богост – относятся к объектно-ориентированной онтологии, а Джейн Беннетт считается близкой к ООО.

¹⁶⁶ Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011.

Спекулятивный реализм стал предметом исследования ряда монографий. В 2011 г. Пол Эннис опубликовал книгу “Континентальный реализм”¹⁶⁷, посвященную в основном философии К. Мейясу. В 2014 г. вышли сразу две монографии – “Спекулятивный реализм: проблемы и перспективы” Питера Граттона и “Вселенная вещей: о спекулятивном реализме” Стивена Шавиро¹⁶⁸. Граттон в своем анализе добавил к голдсмитской четверке еще несколько имен: Джейн Беннетт, Элизабет Гроц, Адриана Джонстона, Катрин Малабу. В 2016 году вышел сборник “После «спекулятивного поворота»: реализм, философия и феминизм” под редакцией Катерины Колозовой и Айлин Джой.

Грэм Харман трижды подступался к истории спекулятивного реализма¹⁶⁹, прежде чем выпустил собственную обстоятельную интерпретацию этого феномена в отдельной монографии “Спекулятивный реализм: введение” (2018)¹⁷⁰. На своеобразное подведение итогов более чем 15-летней истории спекулятивного реализма претендуют два сборника под редакцией Чарли Джонса и Хилана Бенсусана “15 лет спекулятивного реализма: 2007–2022” (2024)¹⁷¹ и “После спекулятивного реализма” (2025)¹⁷². Ключевым фигурам спекулятивного реализма посвящена монография Дмитрия Хаустова “Тёмные теории: философия после постмодерна” (2026)¹⁷³.

Ярко стартовав в конце 2000-х гг., к середине 2020-х гг. – спекулятивный реализм, по мнению Бенсусана, вошел в стадию стагнации: “Мы наблюдаем медленную смерть [спекулятивного реализма] не от распада, а от распространения. Именно в этом и состоит задача “после”: рассказать о жизни

¹⁶⁷ Ennis P. *Continental Realism*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011 (e-Book).

¹⁶⁸ Shaviro S. *The Universe of Things*.

¹⁶⁹ Harman, G. *The Quadruple Object*. Winchester : Zero Books, 2011; Harman, G. *The Current State of Speculative Realism*; Harman G. *Quentin Meillassoux*.

¹⁷⁰ Harman, G. *Speculative Realism: An Introduction*. Cambridge : Polity, 2018. Русский перевод: Харман Г. *Спекулятивный реализм*.

¹⁷¹ *15 Years of Speculative Realism: 2007–2022* / ed. by Johns C., Bensusan H. London ; Washington, DC : Zero Books, 2024.

¹⁷² *After Speculative Realism* / ed. by Johns C., Bensusan H. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2025.

¹⁷³ Хаустов Д. *Тёмные теории: философия после постмодерна*. М. : Издательство Лёд, 2026.

спекулятивного реализма после смерти, которая заключается в поиске способов сохранить и надлежащим образом использовать его наследие”¹⁷⁴.

Действительно, применение спекулятивного реализма к другим областям философии, литературы и науки значительно размыло его изначальный посыл. В немалой степени его угасание связано и с редкой публикационной активностью трех из четырех его основателей, а также – с утратой актуальности связанной с ним философской блогосферы. Однако, можно констатировать, что “медленная смерть спекулятивного реализма” никак не сказалась на ООО, которая продолжает свое развитие и влияние на другие сферы теории и практики.

1.2.2. Дискуссия Г. Хармана с Б. Латуром, К. Мейясу и М. Деландой

Постепенное оформление объектно-ориентированной философии в самостоятельное направление философской мысли поставило перед Грэмом Харманом задачу провести линии демаркации с философскими подходами, находящимися в том же теоретическом поле – акторно-сетевой теорией Бруно Латура, реалистической онтологией Мануэля Деланды и спекулятивным материализмом Квентина Мейясу. Все трое принадлежат к тем “поворотам” мысли, которыми сегодня обозначают динамику современной философской мысли “после постмодерна”.

Помимо традиционных форм философской критики, Харман применил к теориям этих трех философов ироничный подход, который назвал *гиперболическим методом*: “Метод заключается в том, чтобы больше не придирается к предполагаемым ошибкам философа, которые, как правило, относительно тривиальны. Вместо этого гиперболический метод представляет себе полный триумф философа, фокусируясь на достоинствах, а не на недостатках. Затем мы спрашиваем себя: чего бы ещё не хватало философии

¹⁷⁴ Bensusan H. Afterword. A Note on the contemporary history of the real: From process philosophy to post-Speculative Realism // After Speculative Realism. P. 290.

этого конкретного мыслителя для полной победы? Что мне мешает прекратить свои индивидуальные усилия и принять этого мыслителя как последнего героя всех философских усилий?”¹⁷⁵

В каждом из описанных случаев он занимал уже традиционную для себя партизанскую позицию “старого подпольщика”, несогласного с мейнстримом. Обратим внимание, что подобный игровой подход к критике можно считать яркой стилистической особенностью метода ООО, в котором эстетика, метафора и игра выходит на первый план по сравнению с аналитикой, парафразом и буквализмом (см. подробнее § 2.3.3).

Дискуссия с Бруно Латуром

В феврале 2008 г. в Лондонской школе экономики прошли однодневные публичные дебаты между Г. Харманом и Б. Латуром о новой метафизике под названием “Рецензия Хармана на эмпирическую метафизику Бруно Латура”. Французский философ сыграл важную, если не ключевую, роль в философском становлении Хармана, но исследователи ООО довольно редко называют Латура в качестве одного из главных источников влияния. При том, что сам Харман признавал, что “объектно-ориентированная философия стала возможна благодаря Латуру”¹⁷⁶.

Как мы уже отмечали выше, чтение Латура в годы интеллектуального переворота Хармана стало для него “великолепным лекарством от пост-Хайдеггерианского похмелья”¹⁷⁷. Однако, влияние самого французского философа и социального теоретика выходило далеко за пределы “снятия симптомов похмелья”. Если Альфонсо Лингис был своеобразным “философским отцом” Хармана, то в отношении Латура можно с уверенностью сказать, что он выполнял роль его “крестного отца”.

¹⁷⁵ Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. P. 126.

¹⁷⁶ Harman G. Prince of Network: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne : Re.Press, 2009. P. 228.

¹⁷⁷ Harman G. Preface // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 8.

Харман познакомился с работами Латура в 1998 г., благодаря рекомендации своего знакомого Феликса Сталдера, швейцарского философа, в то время – аспиранта Университета Торонто. В апреле 1999 г. коллеги в университете попросили Хармана сделать доклад о Латуре, который он послал, по рекомендации одного из профессоров, Билла Мартина, самому французскому мыслителю¹⁷⁸. С этого момента между ними завязалась переписка. В сентябре того же года они познакомились лично на конференции в Лондонском университете Брунеля, где Харман выступал с докладом. Именно здесь впервые публично прозвучало словосочетание “объектно-ориентированная философия”¹⁷⁹.

Харман неоднократно гостил в квартире Латура в Латинском квартале Парижа. Там, пока французский мэтр отлучался по делам, Харману в полусне пришла идея дремлющих объектов (*dormant objects*)¹⁸⁰. В свою очередь Латур приезжал по приглашению Хармана в Каир в 2003 г. От того визита в истории осталась фотография, на которой оба философа курят кальян. Одну из своих работ, статью “Почему критика выдохлась” (2004)¹⁸¹, Латур посвятил Харману. “Он стал важной фигурой в моей жизни и работе. Мне невероятно повезло наблюдать за развитием его философии на протяжении более двух десятилетий и видеть, как за это же время резко возросла его популярность”¹⁸², – написал Харман в своем блоге на смерть философа. Дружба и взаимное уважение Хармана с Латуром оказала сильное влияние на нехарактерно почтительный стиль критики американского философа в адрес французского мыслителя.

Харман рассматривал Бруно Латура как естественного союзника в деле возвращения метафизики. В то же время он был его интеллектуальным соперником, ведь поначалу объектно-ориентированная философия в силу

¹⁷⁸ Harman G. Bruno Latour, King of Networks (1999) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 103.

¹⁷⁹ Harman G. Object-Oriented Philosophy (1999) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 142.

¹⁸⁰ Harman G. Circus Philosophicus. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2010. P. 136–158.

¹⁸¹ Latour B. Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. Vol. 30. P. 225–248.

¹⁸² Harman G. Bruno Latour (1947-2022) // Blog Object-Oriented Philosophy. 2022. Oct. 9. URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2022/10/09/bruno-latour-1947-2022/> (дата обращения 16.06.2026).

сходства некоторых идей воспринималась как менее успешная версия акторно-сетевой теории¹⁸³. Именно поэтому Харману необходимо было размежеваться с АСТ, чтобы продемонстрировать самостоятельность своего подхода.

Дискуссию в Лондонской школе экономики (2008) инициировала исследовательская группа аспирантов *Actor-Network Theory-Heidegger Meeting* (ANTHEM). В ее фокусе находилась рукопись книги Хармана “Государь сетей: Бруно Латур и метафизика”, опубликованная уже через год после дебатов¹⁸⁴. Латур заранее ознакомился с ней, чтобы подготовить свой ответ на критику американского философа. В панельной дискуссии также приняли участие с докладами профессор технологии и этики Ланкастерского университета Лукас Интрона и старший преподаватель Голдсмитского колледжа Лондонского университета Нуртве Маррес. Стенограмма дебатов вышла отдельным изданием “Государь и Волк” (2011)¹⁸⁵.

В дискуссии и книге Харман выделяет три основных понятия французского теоретика, повлиявших на формирование ОО: актор, ирредукция, перевод (*translation*). “Наиболее характерной чертой философии Латура является достоинство, которое она дарует акторам любых масштабов и типов”¹⁸⁶, – пишет он. Латуров актор стал для него, наряду с сущими (*entities*) Уайтхеда, прототипом объекта. Главное преимущество этого термина заключается в конкретности акторов и их онтологическом равенстве. Существование акторов не ограничивают никакие требования к их статусу: они могут быть материальными и идеальными, природными и искусственными, макро- и микромасштабными, простыми и составными и т. д. Необходимая конкретность акторов для Хармана совпадает с его принципом первичности объектов, ведь она “исключает любую доиндивидуальную

¹⁸³ Хорошим примером такой путаницы можно назвать книгу американского мормонского теолога Адама Миллера “*Speculative Grace: Bruno Latour and Object-Oriented Theology*” (2013), где под объектно-ориентированным подходом понимается исключительно акторно-сетевая теория.

¹⁸⁴ Harman G. *Prince of Networks*.

¹⁸⁵ Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf* (e-Book).

¹⁸⁶ Harman G. *Prince of Networks*. P. 102.

реальность, которая пытается претендовать на более глубокий статус, чем конкретные сущие (*entities*)”¹⁸⁷.

Плоская онтология акторов нашла в работах Латура выражение в виде длинных рядов случайного перечисления совершенно разнородных вещей. Харман назвал этот прием “лучшим стилистическим противоядием от мрачного тупика [философии человеческого доступа]”¹⁸⁸. В конце концов, этот прием вошел в обиход многих спекулятивных философов под ироничным названием, которое ему дал Иен Богост, – “Латуровы литании”¹⁸⁹.

Два других понятия Харман обсуждает вместе: “Принцип ирредукции Латура научил нас тому, что ничто по своему существу ни сводится, ни не сводится к чему-либо другому: для установления связи между ними необходимо проделать работу, и это всегда рискованно”¹⁹⁰. Эту работу он называет “переводом” (*translation*). Принцип ирредукции Латура трансформировался в ООО в теорию эпистемологических срывов, согласно которым любое эксплицитное знание об объекте получается благодаря редукции – подрыву, надрыву или двойному срыву объекта (см. подробнее § 2.1.2). Термином *перевод* Харман объясняет отличие между реальным объектом и его воспринимаемой формой: “форма может существовать только в одном месте; она не может быть перемещена – в сознание или куда-то еще, – не будучи переведенной (*translated*) во что-то совершенно отличающееся от того, чем она была”¹⁹¹. В теории Латура перевод осуществляется через медиатор, который представляет собой актора. Например, известный физик Фредерик Жолио-Кюри устанавливает связь с нейтронами посредством оборудования, глаз, нервной системы, образовательных институций, представляющих научный бэкграунд ученого и т. д.¹⁹². Сам Жолио становится

¹⁸⁷ Ibid. P. 103.

¹⁸⁸ Ibid. P. 102.

¹⁸⁹ Иен Богост даже создал *Latour Litanizer* – алгоритм, создающий рандомные списки вещей на основе заголовков из Википедии, которые любой желающий мог вставлять в свои тексты. В настоящий момент алгоритм больше не поддерживается автором.

¹⁹⁰ Harman G. Prince of Networks. P. 116.

¹⁹¹ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 190.

¹⁹² Harman G. Prince of Networks. P. 145.

посредником между нейтронами и политическими институтами, которые хотят использовать или, наоборот, ограничить атомную энергию. Эта опосредованная медиатором связь позволяет Харману говорить о разновидности окказионализма у Латура, который, в отличие от теологических окказионализмов, оказывается целиком и полностью *секулярным*¹⁹³.

Наиболее дискуссионным оказался вопрос о метафизичности теории Бруно Латура. В своем выступлении в ЛШЭ французский философ пытался всячески оспорить приписываемый ему Харманом статус метафизика: “Я не уверен, что у меня есть метафизика... в вашей книге меня смущает именно задача создания метафизики”¹⁹⁴.

При этом сам Латур в своей работе “Политики природы” (1999) применил к своей теории понятие *экспериментальная метафизика*: “Мы называем экспериментальной метафизикой исследование того, что составляет общий мир, и оставляем это нарочито парадоксальное выражение *метафизика природы* для обозначения традиции, которая отводила природе политическую роль”¹⁹⁵. А в 2007 г. в Серизи прошел десятидневный colloquium под названием “Упражнения в эмпирической метафизике”, посвященный мысли Бруно Латура, в котором приняли участие Г. Харман, Л. Болтански, Ф. Дескола, И. Стенгерс и др. На этом colloquium Латур представил рукопись своей будущей книги “Исследование модусов существования” (2012).

В конце концов, Латур сдался под натиском Хармана, в ЛШЭ между ними состоялся такой диалог:

“Грэм Харман: Он работает над рукописью “Модусы существования”, которую нам посчастливилось прочитать тем летом в Серизи, и я надеюсь, что она скоро будет опубликована. Вы ведь собираетесь продолжить работу над ней? Да, хорошо. Где на самом деле

¹⁹³ Ibid. P. 228.

¹⁹⁴ Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf (e-Book). P. 97–98.

¹⁹⁵ Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию / пер. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 277.

существуют разные типы, четырнадцать различных способов существования... верно?

Бруно Латур: Да.

Грэм Харман: Четырнадцать различных способов, которыми вещи могут быть связаны друг с другом.

Бруно Латур: Теперь это метафизика, я согласен [*смеется*]¹⁹⁶.

Харману удалось убедить Латура, что разделяемый обоими философами принцип независимости существования вещей от человеческого доступа к ним можно считать метафизическим. Позже оба философа стали кураторами серии “Новая метафизика” от издательства *Open Humanity Press*, в которой в период 2011–2021 гг. публиковались книги Л. Брайанта, Т. Мортонa, С. Шавиро, Т. Спэрроу, Х. Бенсусана, Н. Родерика, Г. Йорана и др. После смерти Латура в 2022 г. серия перестала принимать новые работы.

Теперь обратимся к заявленному выше гиперболическому методу Хармана. В его не лишенном легкой иронии описании тотальной победы Латурианской школы к 2050 году над всеми другими подходами, он задается вопросом: “Размышляя о 2050 годе, когда Латур станет фигурой жесткой ортодоксии, я пытаюсь представить, что делало бы меня счастливым и несчастным. Чего бы не хватало в этом интеллектуальном мире? Если бы мне пришлось восстать против чего-то в таком относительном раю, то против чего?”

Для меня, пожалуй, есть пять вещей, которых бы не хватало в таком мире, и с которыми я был бы готов бороться даже ценой изгнания из Латурианской цитадели. Во-первых, существуют проблемы, связанные с реляционной моделью сущих. Во-вторых, тождественность вещи с ее качествами может вызывать подозрения в наличии дополнительных проблем. В-третьих, хотя материализм серьезно ранен, у него все еще есть последнее убежище. В-четвертых, остаются нерешенные вопросы, касающиеся взаимодействия

¹⁹⁶ Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf* (e-Book). P. 122–123.

между акторами. И в-пятых, многие вопросы космологии остались в стороне, неразвитыми”¹⁹⁷.

Несмотря на то, что акторы стали для Хармана прототипом объектов, между двумя понятиями есть существенное различие. Объект – четвероякий (*fourfold*), поделенный двумя онтологическими “разломами”, в то время как актор – одноякий (*onefold*)¹⁹⁸. По мнению Хармана, Латур не замечает этих “разломов” между объектом и его отношениями (реальное/воспринимаемое) и между объектом и его качествами, или другими словами – сводит актора/объект к отношениям, в которые он включен, и к своим качествам, совершая тем самым его надрыв. Для него предлагаемая Латуром онтология чересчур плоская (см. подробнее в § 2.1.3). Она не учитывает изъятой из прямого доступа сущности и деления всех объектов на два типа: реальные и воспринимаемые. Кроме того, включенные в альянсы акторы определяются этими союзами, а значит утрачивают свою автономию и стабильность. Например, Белый дом времен президентов Линкольна и Обамы оказываются двумя разными акторами. Тогда как в объектно-ориентированном подходе реальный Белый дом один, а Белый дом Линкольна и Обамы – это два воспринимаемых объекта.

Нерешенная проблема взаимодействия между акторами касается *секулярного окказионализма* Латура. Харман отмечает, что перевод посредством медиации, предлагаемый французским философом, становится бесконечной цепочкой медиаторов, в которой конечный актор никогда не будет иметь прямого доступа к опосредующему звену: “Нейтроны становятся видимыми лишь благодаря длинной цепочке посредников, кульминацией которой являются научные приборы, с помощью которых объявляется об их присутствии. Но как Жолио может вообще напрямую прикоснуться к этим последним приборам? Возможно, через свои глаза, нервную систему, образование или что-то другое, позволяющее ему осмыслить увиденное. И все

¹⁹⁷ Harman G. Prince of Networks. P. 121–122.

¹⁹⁸ Ibid. P. 134.

же этот вопрос можно повторять вновь и вновь, как бы далеко мы ни отступали. Он напоминает классическую критику промежуточных точек: гонку, устроенную Зеноном между Ахиллом и черепахой”¹⁹⁹.

Решение Хармана, которое он назвал *секулярным окказионализмом 2.0*, воплощается в теории замещающей причинности, где посредником между реальными объектами оказывается воспринимаемый объект (см. подробнее § 2.3.1). Этот подход также позволяет провести еще одну линию демаркации между Латуром и ООО: первый предполагает симметрию в отношениях между акторами, вторая настаивает на асимметричных отношениях.

Завершая описание этой дискуссии, стоит заметить, что она не только позволила провести линии демаркации между ООО и АСТ, но и повлияла на самого Латура, который позже предложил концепцию “объектно-ориентированной политики”²⁰⁰. Харман вернулся к спору с АСТ в аспекте социальной теории и политической философии в работах “Бруно Латур: пересобирая политическое” (2014)²⁰¹ и “Имматериализм: объекты и социальная теория” (2016)²⁰².

Дискуссия с Квентином Мейясу

Квентин Мейясу стал вторым по важности, после Латура, соперником-союзником Хармана. Первое столкновение их позиций произошло еще на семинаре в Голдсмитсе (2007). В 2011 г. увидела свет монография Хармана “Квентин Мейясу: философия в процессе становления”²⁰³, которая стала первой обстоятельной попыткой проанализировать теорию французского философа, а также первой книгой, вышедшей в серии “Спекулятивный реализм”. В фокусе внимания Хармана, помимо книги “После конечности” оказались статьи Мейясу, опубликованные в журнале *Collapse*, его

¹⁹⁹ Ibid. P. 145.

²⁰⁰ Latour B. An Inquiry into Modes of Existence / transl. by C. Porter. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2013.

²⁰¹ Harman G. Bruno Latour: Reassembling the Political. London : Pluto Press, 2014.

²⁰² Harman G. Immaterialism: Objects and Social Theory. Malden, MA : Polity, 2016. Харман Г. Имматериализм: объекты и социальная теория / пер. А. Писарева. М. : Издательство Института Гайдара, 2018.

²⁰³ Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making.

выступление на семинаре в Голдсмитсе, а также текст диссертации под заголовком “Божественное несуществование”²⁰⁴, защищенной французом в 1997 г. под руководством Алена Бадью. В монографии также было опубликовано интервью Хармана с Мейясу, взятое в августе 2010 г. по электронной почте.

Одно из основных расхождений между подходами Хармана и Мейясу заключается в их понимании корреляционизма. Еще в 2010 г. Харман опубликовал сначала пост в своем блоге, затем прочитал доклад и подготовил статью, в которых разграничил объектно-ориентированную онтологию и спекулятивный реализм²⁰⁵. Причиной для этого, по его словам, стала путаница в публичном восприятии двух философских движений, “которые частично пересекаются, но не совпадают”²⁰⁶. В статье он прямо указал, что даже в единственном объединяющем спекулятивных реалистов пункте – критике корреляционизма – существует расхождение. “Пожалуйста, обратите внимание, что спекулятивные реалисты *не пришли к согласию даже в том, что не так с корреляционизмом!* (курсив оригинальный – прим. А. Ш.)”²⁰⁷ – написал он.

Мейясу считал, что главная проблема корреляционизма заключается в идее конечности человеческого познания и невозможности достижения абсолютного знания. Но его, по словам Хармана, совершенно не смущала такая корреляционистская, по сути, точка зрения: “мы не можем мыслить X вне мышления, не думая об этом, и, следовательно, мы не можем выйти из круга мышления”. Тогда как для ООО проблема корреляционизма заключалась именно в этом круге, а конечность познания не имела большого значения²⁰⁸, что сам Мейясу квалифицировал как слабый корреляционизм (подробнее о разнице в понимании корреляционизма см. в § 2.1.1).

²⁰⁴ Отрывки из этого текста в переводе Г. Хармана были опубликованы в качестве приложения к: Harman G. Quentin Meillassoux. P. 175–238.

²⁰⁵ Harman G. Brief SR/ООО Tutorial // Bells and Whistles (e-Book). P. 12–19.

²⁰⁶ Ibid. P. 13.

²⁰⁷ Ibid. P. 15.

²⁰⁸ Ibid. P. 15.

Соглашаясь между собой в том, что стартовой точкой корреляционизма стала философия Канта, далее два философа далее расходятся разными путями: “Когда Мейясу считает, что Кант ошибается, он обращается к Фихте и Гегелю, которые восстанавливают абсолют. Когда я считаю, что Кант ошибается, я обращаюсь к Уайтхеду и Латуру, которые восстанавливают плоскую онтологию”²⁰⁹, – пишет Харман. Суть этого расхождения в том, что Мейясу рассматривает критику корреляционизма как эпистемологический проект, а Харман – как онтологический. Именно поэтому проект Мейясу, с точки зрения Хармана, оказывается не преодолением корреляционизма, а его продолжением, ведь тем самым он оказывается в зависимости от категорий человеческого познания, к таковым Харман относит ключевой тезис французского философа об абсолютной контингентности существования. Еще на семинаре в Голдсмитсе Харман указал его в качестве главного расхождения с позицией Мейясу: “Главное разногласие здесь также очевидно: для меня ключевым моментом является причинность, а у Мейясу причинность исчезает... он говорит, что все абсолютно контингентно, в чем он на самом деле сомневается, так это в том, что существует какая-либо реляционность вообще”²¹⁰.

Контингентность как свойство бытия представляет собой, с точки зрения Хармана, некорректное распространение человеческих категорий на нечеловеческих сущих. По его мнению, пытаясь преодолеть с помощью абсолютной контингентности бесконечный логический регресс к достаточному основанию в вопросах причинности, Мейясу впадает в противоположную крайность и отказывает взаимодействующим сущим в какой-либо причинности вообще. Абсолютная контингентность распространяется у Мейясу в том числе на законы природы, которые, с его точки зрения, могут в одночасье поменяться. Именно этот момент становится поводом для применения гиперболического метода Хармана к философии

²⁰⁹ Harman G. Quentin Meillassoux. P. 134.

²¹⁰ Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. Speculative Realism. P. 385–386.

Мейясу²¹¹: “Настоящая проблема этой модели заключается в том, что она допускает только два вида связи между вещами: полную причинно-следственную связи (закон) и полное отсутствие этой связи (контингентность). Но настоящая хитрость заключается в объяснении того факта, что вещи одновременно связаны и разъединены. Правильное название этой амбивалентной связи – «принцип достаточного основания»”²¹². Другими словами, тотализация контингентности, с точки зрения Хармана, не решает заявленную проблему достаточного основания, поскольку она сама становится достаточным основанием. Сам Харман считает, что объекты вступают в причинные отношения не полностью и не напрямую (замещающая причинность), а потому тему причинности нельзя свести ни к одной из тотальностей – гиперхаосу или полному каузальному детерминизму²¹³.

Еще одно важное различие между двумя подходами коренится в понимании реализма и материализма. Эти темы постоянно всплывали после семинаров в Лондоне (2007) и Бристоле (2009). Для Хармана спекулятивная философия Мейясу – недостаточно реалистическая и представляет собой слабо реалистический проект. А для Мейясу позиция Хармана – недостаточно материалистической, чего последний не стал оспаривать назвав свой подход *имматериализмом*.

Харман применил к философии Мейясу метафору “не-евклидовой”, сравнив ее с геометрией Лобачевского, которая довольно долго была всего лишь математическим упражнением, пока Эйнштейн не признал ее адекватным описанием физического пространства. Точно так же спекулятивный материализм Мейясу всё еще ждет своего Эйнштейна²¹⁴.

²¹¹ Стоит отметить, что в рамках своего гиперболического метода Харман очень подробно, красиво и остроумно описывает победу к 2050 г. философии Мейясу, этого “Великого Мудреца с улицы Ульм”: Harman G. Quentin Meillassoux. P. 152–154.

²¹² Ibid. P. 142.

²¹³ Ibid. P. 156–158.

²¹⁴ Ibid. P. 123.

Дискуссия с Мануэлем Деландой

Квентин Мейясу сам дистанцировался от реализма в проекте спекулятивной философии, отдав предпочтение материализму, но в области т. н. *новых реализмов* у Хармана остался еще один сильный соперник-союзник – американский философ и социальный теоретик мексиканского происхождения, Мануэль Деланда (р. 1952). В своих работах “Интенсивная наука и виртуальная философия” (2002) и “Новая философия общества” (2006) он предложил опирающуюся на идеи Ж. Делёза теорию ассамбляжа. Дискуссия Хармана с Деландой началась в 2008 г. с доклада о теории ассамбляжа²¹⁵ и статьи-рецензии на “Новую философию общества”²¹⁶. И затем продолжилась в очной форме, опубликованной позднее в издании “Подъем реализма” (2017)²¹⁷.

Харман находит в Деланде главного союзника по реабилитации реализма в континентальной философии: “Даже когда в середине 1990-х гг. в континентальной философии начался сдвиг от гегемонии Мартина Хайдеггера и Жака Деррида к новейшей авангардной смеси Делёза, Алена Бадью и Славоя Жижека, реализм оставался теорией, поддерживаемой горсткой изгоев... В случаях с Жижеком (явно) и Бадью (неявно) реализм даже становится главным врагом, подвергающимся нападкам. Если мы называем “реалистической” любую философию, в которой реальные вещи и отношения между ними существуют вне связи с их восприятием в мысли, реалисты остаются небольшим меньшинством на континентальной арене. Это ставит Деланду в странное положение модного автора с крайне немодной центральной доктриной”²¹⁸.

Деланда, с точки зрения Хармана, “действительно реалист”, то есть он утверждает реальность вещей вне зависимости от человека: “Описанные в его книге структуры мира не требуют присутствия человеческого субъекта: ни

²¹⁵ Harman G. The Assemblage Theory of Society (2008) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 256–298.

²¹⁶ Harman G. DeLanda’s Ontology: Assemblage and Realism // Continental Philosophy Review. 2008. Vol. 41 (3). P. 367–383.

²¹⁷ DeLanda M., Harman G. The Rise of Realism. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press, 2017 (e-Book).

²¹⁸ Harman G. DeLanda’s Ontology. P. 368.

голою картезианского *cogito*, ни более поверхностного пост-человека, выкристаллизовавшегося из языка и игр власти, ни даже бадьюанского субъекта истинностных событий (*truth-events*)”²¹⁹. В этом Деланда совпадает с критикой философии человеческого доступа самого Хармана и общей критикой корреляционизма со стороны спекулятивных реалистов. Деланда, по мнению Хармана, удачно избегает ловушки старых версий реализма, которые произвольным образом разграничивают природные субстанции и искусственные агрегаты, рассматривая их в одной онтологической плоскости²²⁰ с помощью понятия *ассамбляж*.

Ассамбляж – это не произвольная совокупность объектов или вещей. Его реальность определяется способностью ретроактивно влиять на свои части, наличием эмерджентных свойств и избыточной причинностью (*redundant causation*). Деланда считает, что плоская онтология образуется “уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом”²²¹. Эти “индивидуальные сущие” формируются в конкретном историческом процессе. Плоская онтология, по словам Деланды, “не содержит в себе тотальностей, всеобъемлющих целостностей, чье существование просто постулируется без прояснения их исторического происхождения”²²². Примерами таких реифицированных тотальностей он считает “общество” и “культуру”. Таким образом, реальность ассамбляжей определяется еще и процессом их исторической индивидуации. Деланда различает вид и род как категории актуального и виртуального.

Одно из главных отличий между подходами Деланды и Хармана к реальности ассамбляжей/объектов заключается в том, что первый не предполагает никакой собственной внутренней реальности ассамбляжа, который полностью определяется взаимоотношениями между его частями.

²¹⁹ Ibid. P. 371.

²²⁰ Позже Харман написал, что термин “плоская онтология” он позаимствовал именно у Деланды (см. § 2.1.3).

²²¹ Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27, №3. С. 39.

²²² Там же. С. 43.

Деланда – антиэссенциалист, а для Хармана сущность – одно из ключевых понятий в его философии реальных объектов. В этом смысле теория ассамбляжа, с точки зрения ООФ, оказывается стратегией надрыва объектов.

Но главное расхождение с философией Деланды, как и в случаях с Латуром и Мейясу, Харман обнаруживает в понимании причинности. Именно она становится предметом приложения его гиперболического метода: “Если бы мы стали повстанцами против будущей гегемонии Деланды, против чего конкретно мы могли бы восстать? Как я уже намекал ранее, одним из оставшихся пробелов в философии в 2030 году была бы причинность. Больше всего в мире Деланды мне бы не хватало адекватной теории причинных отношений”²²³.

Деланда выстраивает свою аналитику ассамбляжей в виде трехмерной схемы. Первое измерение представляет собой “вариативные роли, которые может исполнять составная часть [ассамбляжа], от чисто материальной роли до чисто экспрессивной”²²⁴. Второе – характеризует “процессы, в которые вовлечены эти составляющие: процессы, стабилизирующие или дестабилизирующие идентичность ассамбляжа (территоризация и детерриторизация)”²²⁵. Третье – “процессы, скрепляющие идентичность ассамбляжей, или, напротив, наделяющие ассамбляжи определенной свободой для более гибкого их функционирования и извлечения выгоды из генетических или лингвистических ресурсов (процессы кодирования и декодирования)”²²⁶. Процессы де-/территоризации и де-/кодирования запускаются различными механизмами, которые причинно-обусловлены. Деланда пишет, что “анализ в теории ассамбляжа – не концептуальный, а каузальный, связанный с обнаружением актуальных механизмов, действующих в данном пространственном масштабе”²²⁷. Или точнее –

²²³ Harman G. DeLanda's Ontology. P. 381–382.

²²⁴ Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. К. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 29.

²²⁵ Там же. С. 29.

²²⁶ Там же. С. 29.

²²⁷ DeLanda M. The New Theory of Society. P. 21.

квазикаузальный, поскольку под причинностью он имеет в виду *квазипричинность* Делёза²²⁸.

Для Хармана проблема подхода Деланды заключается в том, что он рассматривает первые две оси своей системы координат с точки зрения возможностей, а не свойств: “Каковы свойства дерева как такового, помимо его способности служить материалом для более крупных агрегатов, объединять и накладываться на более мелкие, или его двойственной склонности к изоляции от окружающей среды и одновременно к проникновению в нее? Неясно, где мы находим само дерево в модели Деланда... Дерево становится специфическим, реляционным состоянием дел, а не автономным объектом”²²⁹. Но события или состояния дел недостаточны, с точки зрения Хармана, для объяснения реальности объектов и их взаимодействия. Он пишет, что протест против теории Деланды должен был бы проходить под лозунгами: “Свойства без возможностей! Актуальное без реляционного!”²³⁰. Если дерево из примера Хармана, несводимо к своим возможностям, то оно должно иметь нереляционную структуру, причем актуальную, а не виртуальную, а как этого можно достичь, не обращаясь к понятию сущности, Деланда не объясняет.

1.2.3. Формирование четверки объектно-ориентированных философов

Леви Брайант

Постепенно вокруг идей Грэма Хармана стала собираться группа единомышленников. Вскоре после дискуссии в ЛШЭ с ним вышел на связь Леви Брайант, ставший одним из первых его последователей. В 2008 г. они вступили в переписку, поводом для которой стала подготовка сборника

²²⁸ См., например: “События никогда не являются причинами друг друга, они, скорее, вступают в отношения квазипричинности, некой нереальной, призрачной каузальности, которая бесконечно вновь и вновь проявляется в этих двух смыслах”: Делёз Ж. Логика смысла / пер. Я.И. Свирского. М. : Академический Проект, 2011. С. 50.

²²⁹ Harman G. DeLanda's Ontology. P. 382.

²³⁰ Ibid. P. 382.

“Спекулятивный поворот”, который Брайант с Ником Срничеком затеяли, вдохновившись книгой К. Мейясу и Голдсмитсом. Они предложили Харману стать третьим редактором проекта. Позже Брайант вспоминал: “В то время мне было очень мало известно об онтологии Хармана: я едва прочел немногие из его трудов (кроме всего прочего, он получил свою докторскую степень от конкурирующей школы) и по большому счету я находил его подозрительным – несомненно, в результате проективной идентификации. В течение следующих нескольких недель между нами вспыхнула весьма дружественная, но интенсивная дискуссия [по электронной почте – *указано в оригинале – А.Ш.*], в которой я проводил свою аргументацию, исходя из делёзовской реляционно-монистической перспективы, а Харман – с точки зрения своей объектно-ориентированной философии, отстаивая как существование субстанций, так и их автономность от отношений. Из заключительной части этой полемики я выбрался, будучи уже преобразенным: я понял, что должен переработать все свое мышление так, чтобы оставить место для субстанции, независимой от отношений”²³¹.

Брайант закончил католический Университет Лойолы в Чикаго²³² и в 2004 году защитил докторскую диссертацию по философии Жюль Делёза, опубликованную в виде монографии “Различие и данность: трансцендентальный эмпиризм Делёза и онтология имманентности” (2008). По его собственным словам, он стал интересоваться философией с 14-летнего возраста. Среди авторов, оказавших влияние на формирование его философских взглядов, помимо Спинозы, Хайдеггера, Уайтхеда и Делёза, он называет Бруно Латура, Никласа Лумана, а также Зигмунда Фрейда, Жака Лакана и Славоя Жижека. Брайант некоторое время даже вёл практику как лаканианский психоаналитик²³³. После защиты диссертации он занял позицию

²³¹ Брайант Л. Демократия объектов / пер. О. Мышкина. Пермь : Гиле Пресс, 2019. С. 10.

²³² Харман и Брайант защищали свои диссертации в католических университетах Чикаго, принадлежавших разным католическим организациям: Университет Де Пола – лазаристам, Университет Лойолы – иезуитам. Именно поэтому Брайант называет их “конкурирующими школами”.

²³³ Ennis P. J. Post-Continental Voices: Selected Interviews. Winchester, UK ; Washington, US : Zero Books, 2010. P. 64.

профессора на философском факультете Коллин колледжа в Далласе, Техас, где продолжает работать по сей день.

На момент заочной встречи с Харманом Брайант уже активно вел свой блог *Larval Subjects* и впоследствии сделал его площадкой по активному продвижению идей объектно-ориентированной философии. С большой долей вероятности можно утверждать, что пример Брайанта вовлек Хармана в философскую блогосферу, активно обсуждавшую идеи “спекулятивного поворота”. Харман завел свой блог в 2009 году.

В том же 2009 г. Брайант придумал новое название для объектно-ориентированной философии – “объектно-ориентированная онтология”. В январе 2010 года в своем блоге он опубликовал манифест “Онтикология – Манифест объектно-ориентированной онтологии”²³⁴. Брайант назвал онтикологию частью ООО, которая “утверждает, что подавляющее большинство объектов, актантов, существ или сущностей не зависят от людей и являются тем, чем они являются, независимо от того, имеют ли отношение к ним люди или их регистрируют”²³⁵. Онтикология “черпает вдохновение в трансцендентальном реализме Роя Бхаскара” (именно Бхаскар в 1975 г. ввёл в употребление термин “плоская онтология”). Ее задача состоит в том, чтобы “отличать бытие объектов от манифестации объектов”²³⁶.

Иен Богост

Другой член четверки объектно-ориентированных философов, Иен Богост, обратил внимание на ООФ гораздо раньше, чем Брайант, но включился в движение несколько позже его – под влиянием философских блогов. Богост пришёл к объектно-ориентированному подходу через исследования видеоигр.

²³⁴ Манифест опубликован в двух постах: Bryant L. Onticology – A Manifesto for Object-Oriented Ontology Part I // *Larval Subjects*. 2010. Jan. 12. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2010/01/12/object-oriented-ontology-a-manifesto-part-i/> (дата обращения 12.02.2025); Bryant L. Onticology – A Manifesto for Object-Oriented Ontology Part II // *Larval Subjects*. 2010. Jan. 19. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2010/01/19/onticology-a-manifesto-for-object-oriented-ontology-part-2/> (дата обращения 12.02.2025).

²³⁵ Bryant L. Onticology – A Manifesto for Object-Oriented Ontology Part II.

²³⁶ Ibid.

Первоначальной его специализацией было литературоведение: он защитил магистерскую (2001) и затем докторскую диссертацию (2004) в области сравнительного литературоведения в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе. В 2003 г. Богост вместе с Джерардом ЛаФондой основал компанию по разработке видеоигр *Persuasive Games LLC* и занялся критической теорией видеоигр, сочетая в ней философские и литературоведческие подходы с исследованиями медиа и технологий, программированием, гейм-дизайном и т. д. В первых двух книгах “Единичные операции: подход к критике видеоигр” (2006) и “Убеждающие игры: выразительная сила видеоигр” (2007) он предложил собственную теорию видеоигр, в которых помимо академических задач решались ещё и прикладные, связанные с гейм-дизайном. Обе работы сразу стали влиятельными в своей области.

По его словам, Богост обратил внимание на идеи Грэма Хармана примерно за полгода до публикации “Инструмент-бытия” (2002)²³⁷. Уже в “Единичных операциях” он использовал идеи Хармана для анализа видеоигр и назвал ООФ – “родственной концепцией”²³⁸. В качестве аналога Харманову термину “объект” Богост предложил понятие “единица” (*unit*). Такой выбор он объяснил тем, что такие понятия как “объект” и “объектно-ориентированный” в области программирования имеют совсем иной устоявшийся смысл²³⁹, нежели в объектно-ориентированной философии²⁴⁰.

В 2008 г. Богост занял позицию ассоциированного профессора в Школе литературы, коммуникаций и культуры Технологического университета Джорджии (ТУД, Атланта, США). Включившись в движение, он взял на себя роль организатора третьего семинара спекулятивных реалистов, который состоялся в его университете в Атланте в апреле 2010 г. под названием

²³⁷ Gratton P. Interviews. P. 111.

²³⁸ Bogost I. Unit Operations: An Approach to Videogame Criticism. Cambridge, MA ; London, UK : The MIT Press, 2006. P. 5.

²³⁹ Богост имеет в виду объектно-ориентированные языки программирования, такие как C++, Python, PHP, JS, Java.

²⁴⁰ Bogost I. Unit Operations. P. 5.

“Объектно-ориентированная онтология: симпозиум”. Из Голдсмитской четверки в нем принял участие только Грэм Харман. Семинар прошел в формате четырех докладчиков и четырех дискуссантов. Первыми стали – Харман, Брайант, Богост и Стивен Шавиро, вторыми – Хью Кроуфорд, Карл ДиСальво, Юджин Такер (все трое – ТУД) и Джон Джонстон (Университет Эмори). По словам Богоста, на этом семинаре он, Харман, Брайант и Шавиро, знавшие друг друга по переписке и блогам, впервые встретились лично²⁴¹.

Симпозиум в Атланте положил начало новой серии семинаров по спекулятивному реализму, повестку в которых задавала уже объектно-ориентированная онтология. Однако, участие спекулятивных реалистов других направлений, таких как Шавиро и Такер все же не позволило этой серии замкнуться исключительно на ООО.

Тимоти Мортон

Последним из классической четверки объектно-ориентированных философов к движению присоединился Тимоти Мортон. По словам Хармана, поначалу он был ООО-скептиком, но быстро стал частью “исходной ключевой группы последователей объектно-ориентированной онтологии”²⁴².

Уроженец Лондона, в 1992 г. Мортон защитил докторскую диссертацию в Оксфордском университете (Великобритания), после чего переехал в США, где преподавал в Нью-Йоркском университете (1993–1995) и Университете Колорадо (1995–1999; 2000–2003). Академическая карьера Мортонa развивалась в области литературной критики и культурологических исследований. В эти годы он зарекомендовал себя как специалист по английскому романтизму, в частности, – по творчеству Перси и Мэри Шелли. Его исследования фокусировались вокруг тематики потребления, диеты,

²⁴¹ URL: http://bogost.com/writing/blog/objectoriented_ontology_over/

²⁴² Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего. М. : Ад Маргинем, 2021. С. 211.

человеческого тела, отношений человека и окружающего мира в литературе английского романтизма²⁴³.

В 2003 г. Мортон получил должность профессора в Университете Калифорнии в Дэвисе. Здесь он сместил фокус своих исследований в сторону энвайронментализма и экологической критики, сначала – в литературе английского романтизма, но постепенно расширяя контекст²⁴⁴. В 2007 г. вышла в свет его первая монография, посвященная разработке теории экологической критики, “Экология без Природы: переосмысляя энвайронменталистскую эстетику”²⁴⁵, в 2010 вторая – “Экологическое мышление”²⁴⁶, которую он назвал приквелом к первой.

В этот период, предварявший его знакомство с объектно-ориентированной онтологией, Мортон уже начал разработку своих концептов тёмной экологии (упоминается с 2006), тёмного мышления и гиперобъектов (оба – с 2010). В своих поисках языка эко-критики он обращался к идеям разных философов: “Для обоснования своей позиции я привлекаю различных философов. Марксу и Деррида я обязан почти в равной степени, поскольку они позволили мне создать рамки, на которых строится анализ. Но я также в долгу перед Бенямином, Фрейдом, Хайдеггером, Лаканом, Латуром, Жижеком и особенно перед Гегелем, чья идея “прекрасной души” стала наиболее важным понятием в этой книге. Я обращаюсь к Теодору Адорно, чьи работы имеют сильный, часто недвусмысленный экологический привкус”²⁴⁷.

²⁴³ Среди основных работ Мортон в этой области следует отметить: “Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World” (1994 – на основе докторской диссертации), “The Poetics of Spice: Romantic Consumerism and the Exotic” (2000). В 2000 году Мортон выпустил трехтомник “Radical Food: The Culture and Politics of Eating and Drinking, 1780–1830”, в 2004 году – стал редактором сборника “Cultures of Taste / Theories of Appetite: Eating Romanticism”.

²⁴⁴ Среди значимых статей надо отметить: Morton T. Environmentalism // *Romanticism: An Oxford Guide* / ed. by N. Roe. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 696–707; Morton T. Nature and Culture // *The Cambridge Companion to Shelley* / ed. by T. Morton. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 185–207; Morton T. Byron’s *Manfred* and Ecocriticism: Dark Ecology // *Palgrave Advances in Byron Studies* / ed. by J. Stabler. London : Palgrave Macmillan, 2007. P. 155–170.

²⁴⁵ Morton T. *Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2007.

²⁴⁶ Morton T. *The Ecological Thought*. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2010.

²⁴⁷ Morton T. *Ecology without Nature*. P. 7.

Основная тема диалогии – экология без Природы – ставит Мортон до его обращения к ООО в круг авторов, принадлежащих к повороту к нечеловеческому (*non-human turn*), таких как Донна Харауэй, Бруно Латур, Линн Маргулис и др. Одно из ключевых понятий диалогии – сосуществование людей и не-людей – станет центральным в его последующих работах. Для описания взаимоотношений всех сущих он предложил термин “сетка” (*mesh*) (см. подробнее § 2.2.4).

Мортон узнал об объектно-ориентированной онтологии в 2010 году из блога Л. Брайанта, написавшего отзыв на только что вышедшее “Экологическое мышление”, и уже летом того же года начал ассоциировать себя с этим движением, активно включившись в дискуссии и мероприятия, организованные его участниками. Его первая статья по объектно-ориентированной философии вышла в журнале *Qui Parle* в 2011 г. В ней он представил ООО как теорию, дающую экологической критике возможность отвергнуть концепцию Природы как корреляционистскую и антропоцентричную²⁴⁸.

В октябре 2010 года Л. Брайант, Й. Богост и Т. Мортон приняли участие в качестве основных спикеров в панельной дискуссии под названием “Promiscuous Ontologies”²⁴⁹ на ежегодной конвенции *Rocky Mountain Modern Language Association* в Альбукерке, Нью-Мехико²⁵⁰. В дискуссии также участвовали Джеффри Белл (модератор), Питер Граттон и Элеанора Кауфман.

В декабре 2010 г. в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе состоялся второй симпозиум ООО под названием “Привет, всё! Спекулятивный реализм и объектно-ориентированная онтология”. На нем впервые собралась вместе вся четверка объектно-ориентированных

²⁴⁸ Morton T. Here Comes Everything: The Promise of Object-Oriented Ontology // *Qui Parle*. 2011. Vol. 19 (2). P. 163–190.

²⁴⁹ Словосочетание “Promiscuous Ontologies” вполне соответствует провокативному стилю философских блогов спекулятивного поворота, его можно перевести нейтрально как “разношёрстные онтологии”, а можно более вызывающе как “онтологии, неразборчивые в связях” или даже “промискуитетные онтологии”.

²⁵⁰ Леви Брайант также выступил модератором параллельной секции “Бадью, Жижек, Лакан: трансцендентальный материализм”, в которой выступали Питер Граттон, Майкл Олсон и Бен Вудард – один из представителей неовиталистического направления спекулятивного реализма, автор книги “Динамика слизи” (2012, рус. пер. 2016).

философов – Харман, Мортон, Брайант и Богост. Вступительный доклад с разграничением ООО и спекулятивного реализма сделал Грэм Харман. Также на симпозиуме выступили Э. Кауфман, представлявшая сторону организаторов, и Нэйтан Браун, коллега Мортон по Университету в Дэвисе. Симпозиум в Лос-Анджелесе можно считать символическим завершением второго этапа становления ООО.

В сентябре 2011 года в частном исследовательском университете Новая школа в Нью-Йорке прошел третий симпозиум по объектно-ориентированной онтологии (ООО III), который окончательно закрепил институциональное лидерство ООО среди спекулятивных реалистов. Помимо четверки ОО философов в третьем симпозиуме вновь приняли участие С. Шавиро и Ю. Такер.

Начавшись с появления четверки спекулятивных реалистов, второй этап в становлении ООО завершился оформлением другой четверки философов, к которой перешло лидерство в движении. Возвращаясь к проблеме соотношения СР и ООО, можно сказать, что какое-то время объектно-ориентированные философы более или менее мирно уживались с другими представителями спекулятивного поворота под зонтиком спекулятивного реализма. Однако, разногласия между ООО и той частью СР, которая тяготела к философии CCRU, Ника Ланда и правого акселерационизма, к середине 2020-х гг. по разным причинам (в первую очередь – политическим) стали непримиримыми.

В декабре 2024 г. Тимоти Мортон написал пост²⁵¹ с отповедью спекулятивному реализму, который был расширен до Предисловия ко второму изданию “Реалистской магии”. Приведем здесь несколько ярких высказываний: “Сейчас мы живем в условиях поистине идиотского и

²⁵¹ Изначальный пост под названием “Hideous Gnosis Unbound: The Apotheosis of Speculative Realism” был опубликован 20.12.2024 в новом блоге Т. Мортон *Bring Me My Bow of Burning Gold*. Вероятно, в связи с публикацией в качестве Предисловия ко второму изданию “Реалистской магии” пост был удален, однако сохранился в переводе на русский язык: Мортон Т. Поганный гнозис без конца и края, или Апофеоз спекулятивного реализма // Центр политического анализа. 2024. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/poganyj-gnozis-bez-kontsa-i-kraja-ili-apofeoz-spekuljativnogo-realizma> (дата обращения 25.02.2026).

агрессивного воплощения некоторых худших тенденций движения спекулятивного реализма. Это включает в себя его интеллектуальный антиинтеллектуализм в перевернутой форме пара-академической всезнающей бролигархии, презрительно смотрящей на башню из слоновой кости из игрового кресла в подвале... Склизская бездна СР с рейтингом R²⁵² презирала похожую на “Маппет-шоу”²⁵³ ООО”²⁵⁴. Мортон сближает критикуемый им спекулятивный реализм с другими направлениями спекулятивного поворота, формально никогда не входившими в состав СР, но влиявшими на его части, – в первую очередь с зародившимся в недрах CCRU правым акселерационизмом, Тёмным Просвещением Ника Ланда и нео-реакцией Кёртиса Ярвина. Мортон завершает свой пост (в Предисловие это не вошло) тем, что планирует собрать четвертый семинар объектно-ориентированных онтологов (после Атланты, Лос-Анджелеса 2010 и Нью-Йорка 2011) “у себя дома” – в Университете Райса (Хьюстон, Техас)²⁵⁵. На конец лета 2026 г. он еще не состоялся.

Выводы из § 1.2

Второй этап в истории объектно-ориентированной философии (2007–2010) связан с осмыслением ее места в более широком контексте других философских направлений, принадлежащих к так называемому спекулятивному/онтологическому/нечеловеческому повороту. Он начался с семинара “Спекулятивный реализм”, объединившего в апреле 2007 г. на площадке Голдсмитского колледжа Лондонского университета четырех философов – Грэма Хармана, Рэя Брасье, Квентина Мейясу и Иена Хэмилтона Гранта. Семинар дал начало одноименному движению, которое повлияло на ландшафт современной (пост)континентальной философии. Главной

²⁵² Американский аналог рейтинга 18+ для кинопродукции.

²⁵³ Популярное телевизионное детское кукольное шоу.

²⁵⁴ Morton T. Preface to Second Edition // *Realist Magic* / 2nd ed. P. 19–20, 21.

²⁵⁵ Мортон Т. Поганый гнозис без конца и края.

отличительной чертой и объединяющей идеей спекулятивного реализма стала критика корреляционизма – философской установки, которая рассматривает мир в корреляции с человеческим мышлением о нем. Каждый из участников семинара в Голдсмитсе пришел к ней до общей встречи. В ООФ Хармана она появилась еще в первой его работе (Инструмент-сущее, 2002) и носила название философия человеческого доступа. Впрочем, как позже отмечал Харман, участники движения понимали суть корреляционизма каждый по-своему и не избежали впоследствии взаимных обвинений в слабом корреляционизме.

Ярко стартовав, группа из четырех спекулятивных реалистов провела еще один семинар в Бристоле (2009), а затем распалась. Однако, движение продолжило существовать сначала в форме эгалитарной сети философских блогов, а затем получив поддержку ряда изданий. Брасье, бывший одним из инициаторов Голдсмитского семинара и автором его названия, подверг сомнению состоятельность движения, раскритиковав его формат и содержание. Мейясу противопоставил спекулятивному реализму свой проект спекулятивного материализма. Но два направления, связанные с Харманом и Грантом, продолжили использовать этот некогда модный философский бренд для распространения своих идей.

Помимо участия в движении спекулятивных реалистов для Грэма Хармана этот период ознаменовался рядом дискуссий, основной задачей которых стала демаркация ООФ от идейно близких философских проектов и направлений – акторно-сетевой теории Бруно Латура, спекулятивного материализма Квентина Мейясу, реалистической онтологии Мануэля Деланды. В дискуссии с Латуром Харман ретроспективно признает первостепенную роль акторно-сетевой теории в формировании основных принципов объектно-ориентированной философии. Латуров актор стал прототипом объекта в ООФ, принцип ирредукции получил развитие в теории эпистемологических срывов, а термином перевод Харман объяснил отличие между реальным объектом и его воспринимаемой формой. Он также видит в

Латуре союзника по возвращению к метафизике. Главное расхождение между двумя теориями, по мнению Хармана, заключается в том, что Латур не замечает фундаментальных онтологических “разломов” (реальное/воспринимаемое и объект/качества) его актор оказывается однояким (*onefold*), тогда как объект Хармана – четвероякий (*fourfold*). Другими словами, Латур совершает надрыв актора/объекта, сводя его к отношениям, в которые он включен, и к своим качествами.

В Деланде Харман видит союзника в реабилитации реализма в континентальной философии, который подвергается нападкам со стороны ведущих философов (С. Жижек, А. Бадью и др.). Однако, он, будучи антиэссенциалистом, выступает противником в использовании понятия сущности. Как и Латур, Деланда, по мнению Хармана, совершает надрыв объектов, сводя их к отношениям. Дискуссия с Мейясу выстраивается вокруг различного понимания корреляционизма, который для французского философа носит эпистемологический характер, а для Хармана – онтологический. Все трое также расходятся с ООФ в понимании причинности.

Второй этап завершается формированием группы последователей вокруг Грэма Хармана, составившей классическую четверку объектно-ориентированных философов. Первым к ней присоединился Леви Брайант, предложивший новое название для направления – объектно-ориентированная онтология. Иен Богост узнал об ООФ на несколько лет раньше, но присоединился чуть позже Брайанта. В 2010 г. он стал организатором третьего семинара спекулятивных реалистов, который прошел в Атланте (США). Последним в состав классической четверки ООФ вошел Тимоти Мортон, ставший впоследствии, наряду с Харманом, ее главным фронтменом. В конце 2010 и начале 2011 гг. прошли еще два семинара спекулятивных реалистов, зафиксировавших переход инициативы в движении к объектно-ориентированной онтологии.

§ 1.3. Становление школы объектно-ориентированной философии

Вопрос о критериях школы остается дискуссионным. Среди историков философии и науки нет устойчивого консенсуса по этому вопросу, однако более или менее общим местом в описаниях различных философских школ оказываются следующие аспекты: 1) лидерство и последователи, 2) общее теоретическое ядро, 3) институциональное оформление и 4) академическая критика, через которую проявляется устойчивость позиций школы и фиксируются ее границы. Не менее важно, на наш взгляд, и самоопределение самих участников этого интеллектуального предприятия: основатель объектно-ориентированной онтологии, Грэм Харман, прямо назвал ее школой²⁵⁶.

1.3.1. Формирование теоретического ядра ООО

Один из главных признаков философской школы – наличие у нее идейного ядра, или доктрины как совокупности фундаментальных теоретических и методологических принципов, разделяемых ее участниками. Школу от более аморфного движения отличает более высокая степень специфичности этих принципов и более строгое следование основной методологии философской работы. Спекулятивный реализм как движение опирался исключительно на довольно широко понимаемую критику корреляционизма. Чтобы стать спекулятивным реалистом, по мнению Хармана, достаточно было “отвергнуть корреляционизм по любой причине, которая вам нравится”, а, чтобы стать объектно-ориентированным философом, надо принять довольно общий, но минимально необходимый набор стандартов²⁵⁷.

²⁵⁶ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 12.

²⁵⁷ Harman G. Brief SR/OOO Tutorial (e-Book). P. 18.

Исследователи и критики ООО не раз предпринимали попытки определить набор фундаментальных принципов объектно-ориентированной философии, который отличает ее от смежных философских направлений. Мы не будем делать обзора этих попыток – по степени популярности в них на первых местах неизменно идут критика корреляционизма, отказ от антропоцентризма, плоская онтология, изъятость реальных объектов, непрямая причинность и т. д. В качестве достаточно репрезентативного примера приведем предложение Стивена Амбрелло:

- отказ от антропоцентризма,
- отказ от корреляционизма,
- отказ от философской тенденции к редукции объекта,
- сохранение конечности познания,
- изъятость реальных объектов²⁵⁸.

Проблема большинства таких списков заключается в том, что фундаментальные принципы в них часто перемежаются производными или второстепенными, а то и вовсе уступают последним место. Не найдя ни одну известную нам попытку выделить фундаментальные принципы ООО удовлетворительной, мы предлагаем собственный вариант:

- 1) онтологическая первичность объектов,
- 2) наличие онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым;
- 3) наличие онтологического “разлома” между объектом и его качествами.

Все остальные принципы ООО являются производными от фундаментальных, и для объектно-ориентированных философов могут быть в достаточной мере факультативными.

²⁵⁸ Umbrello S. A Theory of Everything? // Cultural Studies Review. 2018. Vol. 24 (2). P. 185.

Так, критика антропоцентризма и корреляционизма (в варианте Г. Хармана – философии человеческого доступа) выводится из более фундаментального принципа онтологической первичности объектов. Изъятость реальных объектов, непрямая или замещающая причинность, критика редукции объектов к частям или отношениям (подрыв или надрыв объектов), конечность познания – производные от онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым. Плоская онтология и вовсе не играет столь важной роли в ООО. Она представляет собой второстепенную концепцию, вытекающую из первого фундаментального принципа, но при определенном понимании противоречащую – второму. Во второй части нашего исследования (Главы 4, 5, 6) мы подробно обсудим все эти темы. Здесь же остановимся на истории формирования теоретического ядра и вопросе общности следования фундаментальным принципам.

2011–2013 гг. стали для четверки объектно-ориентированных философов периодом публикации ключевых работ, составивших теоретическое ядро ООО. В июле 2011 г., вышел “Четвероякий объект”²⁵⁹ Грэма Хармана. На самом деле первая публикация этой книги состоялась на год раньше в переводе на французский язык²⁶⁰. Она была написана в рекордные сроки для серии “*MétaphysiqueS*” издательства *Presses universitaires de France*, которую курировал как главный редактор Квентин Мейясу.

Харман так вспоминал работу над этой книгой: “Написание целой книги оставалось всего-навсего шесть недель. Пытаясь обратить зло во благо, я решил писать книгу в онлайн-режиме для моих интернет-читателей (см. блог *doctorzamalek2* на *wordpress.com*). Наличие аудитории стало полезным стимулом для того, чтобы работать над книгой каждый день; дополнительным преимуществом была возможность дать моим студентам взглянуть на процесс написания книги как бы изнутри. С конца июля вплоть до конца августа я

²⁵⁹ Harman G. *The Quadruple Object*. Русскоязычное издание в переводе А. Морозова и О. Мышкина: Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Подзаголовок в русском издании был взят – из французского.

²⁶⁰ Harman G. *L'Objet quadruple: Une métaphysique des choses après Heidegger*. Paris : PUF, 2010.

ежедневно размещал сообщения о своем продвижении. Исключительно из любопытства я замерил время, в течение которого писалась книга, и обнаружил, что последний черновой вариант “Четвероякого объекта” занял 86 часов и 34 минуты работы”²⁶¹.

Центральной темой книги стала намеченная еще в “Партизанской метафизике” (2005) модель *четвероякого объекта*, через которую Харман раскрыл основополагающие для ООО принципы онтологических “разломов”. Четверояким объектом он назвал аналитическую схему онтологической структуры любого объекта в виде квадратной матрицы, в четырех ячейках (или на “полюсах”) которой располагаются: реальный объект и реальные качества, воспринимаемый объект и воспринимаемые качества. Он также предложил способ анализа связей между указанными “полюсами”, который получил название *онтография* (см. § 2.2.1–2.2.3). В “Четверояком объекте” получили дальнейшее развитие критика философии человеческого доступа (см. § 2.1.1) и концепция замещающей причинности (см. § 2.3.1). Новой темой по сравнению с предыдущими работами стала критика различных теорий объектов как стратегий *срыва* (см. § 2.1.2).

В ноябре 2011 г. в серии “Новая метафизика” издательства *Open Humanities Press*, которую курировали Г. Харман и Б. Латур, увидела свет монография Леви Брайанта “Демократия объектов”²⁶². По признанию автора, “каждая страница данной книги вдохновлена трудами Хармана, так что невозможно перечислить все те пути, которыми он повлиял на мое мышление”²⁶³. Центральная тема книги – “демократия объектов” – наиболее полно раскрывается в понятии *плоской онтологии* – принципе, отрицающем иерархичность бытия. Благодаря Брайанту, активному участнику философской блогосферы, плоская онтология стала восприниматься как необходимый элемент объектно-ориентированной философии. Однако, позже

²⁶¹ Харман Г. Четвероякий объект. С. 10.

²⁶² Bryant L. The Democracy of Objects. Ann Arbor : Open Humanity Press, 2011. Русскоязычное издание в переводе О. Мышкина: Брайант Л. Демократия объектов.

²⁶³ Брайант Л. Демократия объектов. С. 10.

Грэм Харман указал на ее ограниченность и второстепенность для ООО (см. подробнее § 2.1.3).

Случай Брайанта интересен тем, что он через отрицание подсвечивает важный для функционирования философской школы критерий общности следования фундаментальным принципам. В 2014 году он выпустил вторую монографию “Онтокартография: онтология машин и медиа”²⁶⁴ (серия “Спекулятивный реализм”), в которой пересмотрел свой подход в сторону возвращения в делёзианскую перспективу и назвал его машинно-ориентированная онтология (МОО), тем самым обозначив свой уход из ООО. Главное различие между МОО и ООО состоит в разном понимании единичных сущих, которые у Хармана называются объектами, а у Брайанта *машинами* (в духе делёзианской философии). Разница между ними состоит в том, что объекты Хармана не вступают в прямое взаимодействие друг с другом, а машины Брайанта, наоборот, “могут прямо воздействовать друг на друга”²⁶⁵. Объекты закрыты, а машины открыты к взаимодействию друг с другом. Харман позже охарактеризовал МОО как стратегию надрыва объектов, как и в случае с АСТ Б. Латура или теорией ассамбляжей М. Деланды: “В целом наиболее характерной особенностью нового брайантовского термина “машина” является ее акцент на действиях и эффектах. Это прекрасно совпадает с его утверждением, что более важно то, что машина делает, а не то, чем она является, хотя данный аргумент кажется мне формой “надрыва”, термина, которым я называю философии, возводящие вещь к ее осязаемым проявлениям либо последствиям”²⁶⁶.

Ухода Брайанта из ООО в принципе можно было ожидать. Еще на этапе сильного увлечения объектно-ориентированной онтологией, он все равно выстраивал некоторую дистанцию по отношению к проекту Хармана. В манифесте 2010 г. он сделал попытку предложить в ее рамках собственную теорию, которую назвал онтикологией, а в монографии 2014 г. – уже машинно-

²⁶⁴ Bryant L. *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014.

²⁶⁵ Ibid. P. 58.

²⁶⁶ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 219.

ориентированную онтологию. С тех пор прошло больше десяти лет, но Брайант так пока и не опубликовал третьей монографии. А его некогда активный блог *Larval Subjects* застыл на дате 15 сентября 2022 г.

В марте 2012 г. вышла монография Иена Богоста “Чужая феноменология, или Каково быть вещью?”²⁶⁷ Богост назвал “чужой феноменологией” (*alien*²⁶⁸ *phenomenology*) практику спекулятивной прозы о процессах и единичных операциях, которая заключается “в усилении черного шума объектов для того, чтобы заставить резонирующие частоты их внутреннего содержания производить гудение, различимое и достоверное для нас”²⁶⁹. Чёрный шум – понятие из “Партизанской метафизики” Хармана, обозначающее специфику возникновения воспринимаемых объектов (см. § 2.2.1). Богост сделал в своей работе акцент именно на “феноменологической” части ООО, которая описывает особенности сферы воспринимаемого. Он также коснулся ключевых для Хармана понятий – онтографии, метафоры, плотничества (*carpentry*)²⁷⁰ и т. д.

Опираясь на общую для объектно-ориентированной философии анти-корреляционистскую установку, Богост расширил феноменологическое понятие интерсубъективности не только на людей, но и на всех живых существ и неодушевленные вещи: “Вальденфельс следует за Гуссерлем, характеризуя опыт “чужого” (*Fremderfahrung*) как интерсубъективность – опыт других людей. Но “чужое” относится не только к другому *человеку* или живому *существу*. Чужой – это все, что угодно, по отношению к чему угодно другому”²⁷¹. Примерно в том же ключе Мортон годом позже использовал понятие “интеробъективность”. Также Богост переосмыслил понятие плоской

²⁶⁷ Bogost I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. Русскоязычное издание в переводе Г. Коломийца: Богост И. *Чужая феноменология, или Каково быть вещью?* / пер. Г.Г. Коломийца. Пермь : Гиле Пресс, 2019.

²⁶⁸ Богост постоянно использует игру слов, отсылая, помимо “чужого”, к ещё одному значению слова “alien” – инопланетянин.

²⁶⁹ Богост И. *Чужая феноменология*. С. 48.

²⁷⁰ Подзаголовок книги “*Guerilla Metaphysics*” звучит как “*Phenomenology and the Carpentry of Things*”, что можно перевести как “Феноменология и плотницкая/мастерская вещей”. Плотницкая или мастерская – указывает на конструктивистский характер работы спекулятивного философа.

²⁷¹ Богост И. *Чужая феноменология*. С. 48.

онтологии и предложил термин “крошечная онтология” (*tiny ontology*) (см. § 2.1.3). В целом “Чужая феноменология” выглядит достаточно вторичной по отношению к тому же “Четвероякому объекту” Хармана и “Демократии объектов” Брайанта, но благодаря литературному таланту Богоста она сыграла важную роль в популяризации теоретического ядра ООО.

Наконец, Тимоти Мортон опубликовал в 2013 г. сразу две монографии: “Реалистская магия: объекты, онтология и причинность” (серия “Новая метафизика”)²⁷² и “Гиперобъекты: философия и экология после конца мира”²⁷³, где прямо назвал себя “объектно-ориентированным онтологом”²⁷⁴. За год до этого Мортон покинул Калифорнию и переехал в Техас, где занял кафедру литературоведения им. Риты Ши Гаффи в частном Университете Райса в Хьюстоне.

Мортон впервые использовал понятие *гиперобъекты* еще до знакомства с ООО, в своей книге “Экологическое мышление” (2010), оно появилось под влиянием деконструкции Жака Деррида. В новых работах он полностью переосмыслил это понятие, приведя его в соответствие основным принципам ООО: первичности объектов и онтологическому “разлому” воспринимаемое/реальное, который он назвал “бездной” (*abyss*). По сути, гиперобъект представляет собой разновидность воспринимаемого объекта, который в пространственно-временном отношении значительно превосходит воспринимающего (см. § 2.2.4).

Отдельно стоит отметить филигранное включение Мортоном в свою теорию понятий из буддийской философии *бардо* и *карма*. Как правило, исследователи игнорируют буддийское влияние на него, однако оно столь же значительно как, к примеру, влияние акторно-сетевой теории Б. Латура на формирование мысли Хармана. Особое внимание Мортон уделил эстетике как способу познания изъятых из прямого доступа реальных объектов, а в

²⁷² Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor : Open Humanity Press, 2013.

²⁷³ Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2013. Русскоязычное издание: Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. В. Абраменко. Пермь: Гиле Пресс, 2019.

²⁷⁴ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 13.

“Реалистской магии” он осмыслил тему причинности как эстетического феномена, сделав тем самым существенный вклад в концепцию замещающей причинности Грэма Хармана (см. § 2.3.2).

Подход Мортон подчёркнул уже наметившуюся к тому моменту у Хармана идею приоритета эстетики в философском исследовании, что определило дальнейшую стратегию развития ООО, одним из основных направлений которой в период 2014–2022 гг. стала разработка эстетической теории. Значительный прорыв в эстетической теории ООО был связан с обращением Хармана к трудам американских арт-критиков Клемента Гринберга (1909–1994) и Майкла Фрида (р. 1939). Из работ первого он взял идею необходимости эстетического формализма, как способа отстоять автономию арт-объекта и соблюсти тем самым принцип первичности объектов, и антибуквализма, через который фиксируется онтологический “разлом” между реальным и воспринимаемым. У Фрида Харман позаимствовал термин “театральность”, который стал ключевым не только в эстетической теории ООО, но и в ее эпистемологии. Познание изъятых из прямого доступа реального объекта происходит через его перформативную подмену единственно доступным реальным объектом – тем, кто воспринимает (см. § 2.3.3). В книге “Искусство и объекты” (2020) Харман сформулировал три основных принципа эстетической теории ООО: формализм, антибуквализм и театральность, которые полностью согласуются с моделью четвероякого объекта (см. § 3.1.1). Мортон и Богост по-своему дополнили идею театральности как стратегия непрямого доступа к реальному через свои концепции игры (*play*), игрушки (*toy*) и настройки (*tuning*) (см. § 2.3.3).

Другим важным направлением работы объектно-ориентированных философов стало применение методологии ООО к различным сферам теории и практики – искусству, архитектуре, экологии, археологии, социальной и политической теории, антропологии, религии и т. д. Мортон продолжил работать с экологической проблематикой в работах “Тёмная экология: к

логике будущего сосуществования” (2016)²⁷⁵, “Род человеческий: солидарность нечеловеческими существами” (2017)²⁷⁶, “Наполнение жизни” (2023)²⁷⁷ и “Ад: в поисках христианской экологии” (2024)²⁷⁸. Как и в случае с гиперобъектами, понятие “тёмная экология” появилось в его лексиконе задолго до знакомства с ООО (2004–2005), но было существенно переосмыслено им в объектно-ориентированной перспективе. Идеи тёмной экологии в 2014–2016 гг. стали основой для одноименного экологического арт-проекта, позволившего Мортону и Харману отправиться в норвежское и российское Заполярье²⁷⁹.

Примеры применения ООО к различным сферам теории и практики: к социальной теории – “Имматериализм: объекты и социальная теория” (2016)²⁸⁰; к искусству – уже упоминавшая книга “Искусство и объекты” (2020); к архитектуре – “Существует ли объектно-ориентированная архитектура” (2020)²⁸¹, “Объекты модели мира” (2021)²⁸², “Разговоры об архитектуре и объектах” (2021)²⁸³ и “Архитектура и объекты” (2022)²⁸⁴; к археологии и истории – “Объекты вне времени” (2023)²⁸⁵ и даже к бизнес-менеджменту – “Искусные объекты” (2021)²⁸⁶.

²⁷⁵ Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*. New York : Columbia University Press, 2016.

²⁷⁶ Morton T. *Humankind: Solidarity with Nonhuman People*. London ; New York : Verso, 2017. Вторая глава книги переведена на русский язык с сокращениями: Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом / пер. А. Морозова // Логос. 2019. Том 29, № 5. С. 57–70.

²⁷⁷ Morton T. *Stuff of Life*. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2023.

²⁷⁸ Morton T. *Hell: In Search of a Christian Ecology*. New York : Columbia University Press, 2024.

²⁷⁹ В мае 2014 г. Тимоти Мортон прочёл серию престижных Уэллековских лекций (*Wellek Lectures*) о тёмной экологии в Университете Калифорнии в Ирвайне. Осенью того же года, вдохновившись идеями Мортон, творческий коллектив *Sonic Acts* вместе с Хильде Мети, куратором из Киркенеса (Норвегия), и в сотрудничестве с норвежскими и российскими партнёрами запустили трёхлетний проект “Тёмная экология” в приграничной зоне норвежского и российского Заполярья. В проекте приняли участие философы, экологи, художники и саунд-дизайнеры. За три года участники совершили три экспедиции, включавшие посещение городов Киркенес, Никель, Заполярный и Мурманск.

²⁸⁰ Harman G. *Immaterialism*. Русскоязычное издание: Харман Г. Имматериализм: объекты и социальная теория / пер. А. Писарева. М. : Издательство Института Гайдара, 2018.

²⁸¹ *Is There an Object-Oriented Architecture? Engaging Graham Harman* / ed. by J. Bedford. London ; New York ; Oxford : Bloomsbury Academics, 2020.

²⁸² Wiscombe T. *Objects Models Worlds*. AADCU, 2021.

²⁸³ Wiscombe T. *Conversations about Architecture and Objects*. Los Angeles : Tom Wiscombe, 2021.

²⁸⁴ Harman G. *Architecture and Objects*. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2022.

²⁸⁵ Harman G. *Objects Untimely: Object-Oriented Philosophy and Archaeology*. Cambridge ; Hoboken : Polity Press, 2023.

²⁸⁶ Harman G. *Artful Objects: Graham Harman on Art and the Business of Speculative Realism* / ed. by I. Nilson, E. Wikberg. Berlin ; Stockholm : Sternberg Press ; Stockholm School of Economics, 2021.

Особый случай – книга Иена Богоста “Играй чем угодно: удовольствие от ограничений, польза от скуки и секрет игр” (2016)²⁸⁷, в которой он предлагает собственную философскую теорию игр. В ней он практически не использовал терминологического аппарата ООО, но, по словам Хармана, Богост в своей книге “развивает нечто вроде объектно-ориентированной этики или по меньшей мере искусства объектно-ориентированной жизни”²⁸⁸. Тем самым он подтвердил, что в отличие от Брайанта, Богост продолжает находиться в орбите ООО. Игровая этика Богоста хорошо вписывается в эстетическую теорию ООО как разновидность театрального взаимодействия с реальными объектами.

1.3.2. Институциональное развитие ООО

История становления философской школы не сводится исключительно к разработке и развитию теоретических и методологических принципов. Не менее важную роль в ее оформлении играет институциональный аспект, который затрагивает вопросы лидерства и преемственности поколений, инфраструктуры коммуницирования идей, общественного признания и критики.

К настоящему моменту уже можно говорить о двух поколениях объектно-ориентированных философов. Первое поколение представлено уже знакомой нам четверкой объектно-ориентированных философов, в которой на ведущих позициях выступают основатель ООО Грэм Харман и Тимоти Мортон. Иен Богост продолжает ассоциировать себя с школой, но его роль заметно скромнее. Статус Брайанта в качестве последователя ООО до сих пор остается неясным: с одной стороны, он дистанцировался от нее, с другой – Харман, считает, что несмотря ни на что “Брайант вполне остается привержен духу

²⁸⁷ Bogost I. Play Anything: The Pleasure of Limits, the Uses of Boredom, and the Secret of Games. New York : Basic Books, 2016.

²⁸⁸ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 212.

ООО”²⁸⁹. Новое поколение объектно-ориентированных философов постепенно сформировалось, начиная со второй половины 2010-х– начала 2020-х гг., из тех, кто критически переосмыслил основные ее положения ради развития теории (Дж. Когбёрн, Н. Янг, А. Кляйнхеренбринк: см. подробнее § 1.3.3), и тех, кто применял их к различным сферам теории и практики, таким как архитектура и дизайн (Д. Руй, М. Ф. Гейдж, Т. Уискомб, Дж. Вивальди, С. Уир и др.), антропология и этнография (Т. Пинто и др.), исследования животных (Н. Янг, С. Ланфранко и др.), теологии и религии (А.В. Шишков и др.) и т. д.

Одной из главных особенностей институционального формирования объектно-ориентированной онтологии был и остается ее сетевой характер. Она с самого начала не была привязана к какому-либо учебному или научному заведению или его подразделению, а формировалась вокруг сетевых коммуникационных площадок – блогов, интеллектуальных журналов (не всегда строго академических), книжных серий, междисциплинарных проектов на стыке философии, искусства и прикладной деятельности. Ни Американский университет Каира, в котором Грэм Харман проработал 16 лет, ни другие университеты, где преподавали и проводили свои исследования другие члены четверки объектно-ориентированных философов, так и не стали институциональной базой для формирования школы²⁹⁰. Ситуация немного изменилась, когда в 2016 г. Харман покинул Каир и перешел в Южно-Калифорнийский институт архитектуры (SCI Arc) в Лос-Анджелесе²⁹¹. Там вокруг него стала формироваться группа учеников, заинтересованных в применении идей ООО к архитектуре. Но до сих пор это не имело решающего характера, поскольку в этой среде решались в целом прикладные задачи применения принципов ООО к архитектуре, в то время как развитие философской теории происходило в других местах.

²⁸⁹ Там же. С. 221.

²⁹⁰ В отличие, к примеру, от *Cybernetic Culture Research Unit*, выходцами из которого стали Сэйди Платт, Ник Ланд, Марк Фишер, Рэй Брасье, Иен Хэмилтон Грант и др.

²⁹¹ В 2019 г. он стал координатором программы *Liberal Arts* в Южно-Калифорнийском институте архитектуры.

В предыдущей главе мы уже отмечали определенную роль философской блогосферы в становлении ООО. Она стала общей средой, в которой происходила встреча и общение между объектно-ориентированными философами, их последователями и критиками. Однако, переоценивать институциональную роль блогосферы всё же не стоит. Тексты, которые ее участники выносили на обсуждение, были слишком “сырыми”, а зачастую токсичный и конфронтационный характер их обсуждения (на что указывали Брасье, Граттон и Харман), не способствовал идейной консолидации. Гораздо более важной точкой сборки стали интеллектуальные журналы широкого философско-гуманитарного профиля, издававшиеся небольшими независимыми издательствами с политикой открытого доступа к материалам. В связи со становлением ООО необходимо упомянуть: *Urbanomic*, *Open Humanities Press* и *Punctum Books*.

Британское издательство *Urbanomic* было основано в 2006 г. философом Робинот Маккеем, переводчиком на английский язык работ Алена Бадью, Франсуа Ларюэля, Квентина Мейясу и др. Его первым и до сих пор главным проектом стал журнал *Collapse*. Именно здесь вышла знаковая статья Хармана “О замещающей причинности” (Vol. 2, 2007) и стенограмма Голдсмитского семинара спекулятивных реалистов (Vol. 3, 2007), который прошел при частичном финансовом участии издательства. Впрочем, спекулятивный реализм занимал в тематике журнала не слишком заметное место, и после перехода инициативы в движении (с 2010) на другую сторону Атлантики интереса к нему стало еще меньше.

В 2010 г. начал выходить независимый альманах *Speculations: A Journal of Speculative Realism*, главным редактором которого стал Пол Эннис. Первые два выпуска (2010, 2011) были опубликованы при участии издательства *Open Humanities Press*, затем издателем журнала стало независимое американское издательство *Punctum Books*, основанное в 2011 г. медиевистами Айлин Джой и Николой Маскиандаро. Выпуски *Speculations* выходили ежегодно с 2010 по 2015 гг. Журнал стал площадкой для гораздо более обстоятельного и

спокойного, чем в формате блогов, обсуждения идей ООО и спекулятивного реализма. Уже в первом выпуске вышла серия интервью Питера Граттона с хедлайнерами движения – Г. Харманом, Дж. Беннетт, Т. Мортон, И. Богостом, Л. Брайантом и П. Эннисом (в порядке публикации), задавшая вектор дальнейшей интеллектуальной дискуссии. В частности, именно здесь вышли две работы Роберта Джексона о возможных пересечениях в работах Майкла Фрида и ООО, благодаря которым позднее появилась концепция театральности Хармана.

В июне 2012 г. Леви Брайант и Айлин Джой анонсировали новое периодическое издание, посвященное проблематике ООО и спекулятивного реализма, *O-Zone: A Journal of Object-Oriented Studies*, которое должно было выпускать *Punctum Book* с периодичностью выхода один выпуск в год. Первый и единственный номер нового альманаха, посвященный экологии, вышел в 2014 г. О причинах неудачного запуска журнала судить сложно – были ли они связаны с дублированием альманаха *Speculations*, который продолжало выпускать то же издательство, или *O-Zone* был призван его заменить, нам неизвестно.

В 2011 г. появились две академические книжные серии, оказавшие значительное влияние на развитие инфраструктуры ООО. Обе серии в качестве главного редактора возглавил Грэм Харман, через которого теперь проходила значительная часть книжных публикаций, посвященных ООО и спекулятивному реализму. *Open Humanities Press* запустило книжную серию “Новая метафизика”, со-редактором которой стал Бруно Латур. Первой монографией серии стала “Демократия объектов” Леви Брайанта. Другой знаковой работой стала “Реалистская магия” Тима Мортон. Серия закончилась со смертью Латура в 2022 г.

Первой книгой в серии “Спекулятивный реализм” издательства Эдинбургского университета стала монография Хармана о философии Квентина Мейясу. Именно в этой серии вышла “Онтокартография” (2014) Леви Брайанта, обозначившая его расхождение с ООО. Здесь же была

опубликована одна из немногих книг, посвященных критическому анализу ООО, “Конец феноменологии: метафизика и новый реализм” (2014) Тома Спэрроу. Среди авторов серии можно найти и соперника-союзника Мануэля Деланду (Теория ассамбляжа, 2016), и несколько работ близкого, по мнению Хармана, к ООО французского философа Тристана Гарсии (Форма и объект, 2014; Полнота жизни, 2018; Мы сами, 2021). Но более всего эта серия примечательна для нашей темы тем, что в ней появляются авторы, составляющие второе поколение объектно-ориентированных философов: Арьен Кляйнхеренбринк (Против непрерывности, 2019) и Джон Когбёрн (Гарсианские медитации, 2017; После квиетизма, готовится к публикации в 2027).

После закрытия альманаха *Speculations*, новой площадкой для академического обсуждения идей объектно-ориентированной онтологии стал рецензируемый журнал открытого доступа *Open Philosophy*, главным редактором которого стал Грэм Харман (с 2019 г., издательство *De Gruyter Brill*). И хотя журнал позиционировал себя как общеполитический, в нем вышло три специальных номера с общим подзаголовком “Объектно-ориентированная онтология и ее критики” (под ред. Г. Хармана, 2019, 2020, 2021), а также специальный номер “К диалогу объектно-ориентированной онтологии и науки” (под. ред. А.Р. Сандру, Ф.Г.Л. Ортиц и З.Т. Майнена, 2024). Эти спецвыпуски показали, что активная дискуссия вокруг основных принципов объектно-ориентированной философии и их применения продолжается уже во втором поколении последователей ООО и ее критиков. В дополнение к Когбёрну и Кляйнхеренбринку можно добавить еще две значимые фигуры – философа Ники Янга, теоретика архитектуры и дизайна Джорди Вивальди. Довольно интересна попытка поработать с философским инструментарием ООО со стороны уже состоявшихся авторов: нидерландского экономиста Барта Нотебоома (1942–2024)²⁹² и австралийского

²⁹² Nooteboom B. Objects, Relations, Potential and Change // *Open Philosophy*. 2020. № 3. P. 53–67.

теоретика архитектуры Саймона Уира²⁹³, автора концепции сюрреалистической архитектуры. Мы вернемся ко второму поколению объектно-ориентированных философов в следующем параграфе.

Еще одним признаком состоятельности объектно-ориентированной онтологии как философской школы можно считать ее публичное признание. Оно пришло к ООО в середине 2010-х гг. В 2015 г. Грэм Харман вошел в топ-100 наиболее влиятельных людей в области искусства по версии влиятельного международного журнала *Art Review*. Годом позже в этот рейтинг попал и Тимоти Мортон. К тому времени оба философа участвовали в различных арт-проектах и сотрудничали со всемирно известными художниками, которые были вдохновлены идеями ООО (см. подробнее § 3.1.3). Признание в мире искусства привлекло публичное внимание к ООО и подогрело интерес к ней среди аудитории читателей нон-фикшн литературы.

В 2015 г. Иен Богост и писатель Кристофер Шаберг запустили проект «Уроки объектов» (*Object Lessons*) о «скрытой жизни обычных вещей»²⁹⁴. Он представлял собой серию нон-фикшн микрографий от издательства *Bloomsbury*²⁹⁵ и серию публицистических эссе в онлайн версии одного из старейших американских журналов *The Atlantic*²⁹⁶. Каждая микрография рассказывала историю одного объекта, а эссе – отдельные аспекты этой истории: «Уроки объектов» – это серия кратких, коллекционных, красиво оформленных книг о скрытой жизни, обычных вещей. Каждая книга начинается с конкретного побудительного мотива: исторического события, литературного отрывка, личного рассказа, технологической инновации – и с этой отправной точки исследует предмет, о котором идет речь в названии, извлекая по пути один или несколько уроков. В серии представлены работы писателей, художников, ученых, журналистов и других авторов, а основное

²⁹³ Weir S. Living and Nonliving Occasionalism // *Open Philosophy*. 2020. № 3. P. 147–160; Weir S., Dibbs J. A. The Ontographic Turn: From Cubism to the Surrealist Object // *Open Philosophy*. 2019. № 2. P. 384–398.

²⁹⁴ URL: <https://objectsofobjects.com/> (дата обращения 22.08.2026).

²⁹⁵ Полный список вышедших книг: URL: <https://objectsofobjects.com/books/> (дата обращения 22.08.2026).

²⁹⁶ Полный список опубликованных эссе: URL: <https://objectsofobjects.com/essays/> (дата обращения 22.08.2026).

внимание уделяется ясности изложения, воображению и краткости. «Уроки объектов» рисуют картину окружающего нас мира и рассказывает историю о том, как мы сюда попали, по одному объекту за раз”.²⁹⁷

Объектами исследований стали пульт для телевизора, мяч для гольфа, дрон, холодильника, отель, китовые песни, картофель, вино, океан, джинсы, грибы, ОК, электронное письмо и мн. др. Всего в серии, которая продолжается по сей день, вышло уже более 80 микрографий и более 200 эссе. В учредительный консультативный совет серии вошли объектно-ориентированные философы Грэм Харман и Тимоти Мортон, а также Джейн Беннетт, Айлин Джой и др. Мортон подготовил для серии микрографию, посвященную космическому кораблю²⁹⁸.

Интерес к объектно-ориентированной онтологии постепенно достиг британско-американского медиагиганта *Penguin Random House*, ориентированного на массового читателя. Подразделение издательства – *Pelican*, специализирующееся на нон-фикшн литературе, выпустило книги двух представителей ООО в серии “*Pelican Books*”: “Стать экологичным”²⁹⁹ (2017) Тимоти Мортон и “Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»”³⁰⁰ (2018) Грэма Хармана. Книга Мортон открыла серию, а Хармана – стала восьмой. Оба автора предложили массовому читателю популярное и систематическое изложение своих философских идей, разработанных ранее в других работах.

Харман, помимо прочего, поставил перед собой, с одной стороны, ироничную, с другой – амбициозную цель показать потенциал ООО как новой “теории всего”, которая может быть применима к самым разным областям человеческой мысли и деятельности – гуманитарным, социальным и политическим наукам, естествознанию (особенно, во всему, что касается

²⁹⁷ URL: <https://www.bloomsbury.com/us/series/object-lessons/> (дата обращения 22.08.2026).

²⁹⁸ Morton T. *Spacecraft*. New York ; London ; Oxford : Bloomsbury Academic, 2022.

²⁹⁹ Morton T. *Being Ecological*. Pelican, 2017. Русскоязычное издание: Мортон Т. Стать экологичным / пер. Д. Кралечкина. М. : Ад Маргинем, 2019.

³⁰⁰ Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. Pelican, 2018. Русскоязычное издание в переводе М. Фетисова: Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая “теория всего”.

экологической проблематики), искусству, архитектуре, популярной культуре и проч. В 2021 г. в новой серии издательства *Penguin Random House* “Зеленые идеи”, выпускающей подразделением *Penguin Classics*, вышла книга Тимоти Мортон “Всё искусство экологично”³⁰¹. Она стала третьей в серии после эко-активистки Греты Тунберг и журналистки Наоми Кляйн. Издания 2017, 2018 и 2021 гг. стали пиком публичной репрезентации идей ООО.

1.3.3. Влияние академической критики на становление ООО

Наверное, главным тестом на состоятельность философской школы является ее устойчивость к критике. Объектно-ориентированная онтология в какой-то момент стала модным философским направлением и тем самым привлекла немало критиков. Часть из них была настроена благожелательно и даже пыталась улучшить теорию, тем самым пополнив ряды ее последователей, другая же часть стремилась ее разоблачить и уничтожить. Однако, большая часть этих критических отзывов так и не вышла за рамки полемики в блогах, рецензий и статей, посвященных отдельным аспектам ООО в журналах и сборниках.

Больших содержательных работ, критически рассматривающих ООО как феномен философской мысли, оказалось не так много, и по странному совпадению все они вышли в 2014 г. Речь идет о книгах “Объектно-ориентированная философия: новая одежда ноумена” Питера Вульфиндейла, “Вселенная вещей: о спекулятивном реализме” Стивена Шавиро, “Конец феноменологии: метафизика и новый реализм” Тома Спэрроу и “Спекулятивный реализм: проблемы и перспективы” Питера Граттона. При этом только Вульфиндейл полностью сосредоточился на ООО, в остальных – она рассматривается в контексте других направлений спекулятивного поворота. В 2020 г. Харман выпустил книгу “Разборки: с друзьями, врагами и

³⁰¹ Morton T. All Art Is Ecological (e-Book). Penguin Classics, 2021.

нейтральными”³⁰², в котором ответил всем четверым и еще ряду критиков ООО.

“Объектно-ориентированная философия: новое платье ноумена” остается на сегодняшний день одним из самых известных, наиболее подробных и в то же время противоречивых и скандальных исследований по ООО. Именно поэтому мы уделим ей больше внимания, по сравнению с остальными критиками. Ее автор, британский философ Питер Вульфиндейл, принадлежит к направлению рационалистического ингуманизма в рамках спекулятивного поворота, наиболее известными представителями которого являются Рэй Брассье и поздний Реза Негарестани. В 2012 г. Вульфиндейл защитил диссертацию, посвященную вопросу о бытии у Мартина Хайдеггера, в Уорикском университете, в котором в 1990-х гг. находился *Cybernetic Culture Research Unit*.

Появление “ООФ: новое платье ноумена” – это история обиды и мести молодого докторанта на своего более именитого старшего коллегу, который не уделил тому должного внимания. Вульфиндейл описал ее в предисловии к своей книге, явно рассчитывая на сочувствие той части публики, которая попадала в схожую ситуацию. Его знакомство с ООФ началось с дискуссий в философских блогах в 2009–2010 гг. Видимо, напористость молодого философа возымела свое действие, и Харман предложил Вульфиндейлу изложить свои аргументы против ООО в формате либо одного поста в блоге, либо статьи в альманахе *Speculations*. Тот отказался, посчитав, что серии длинных постов – это достаточный для обсуждения формат. Леви Брайант публично упомянул, что Вульфиндейл “навязчиво и бесконечно пишет длинные посты про ООО, стремясь подорвать наши позиции, при этом избегая любых серьезных дебатов с нами”³⁰³. Череда недоразумений и недопониманий привела к тому, что Вульфиндейл затаил обиду на Хармана³⁰⁴ и разоблачение

³⁰² Harman G. *Skirmishes: With Friends, Enemies, and Neutrals*. Santa Barbara : Punctum Books, 2020.

³⁰³ Цит. по: Wolfendale P. *Object-Oriented Philosophy*. P. xii.

³⁰⁴ Харман не обошел в своем ответе Вульфиндейлу эту историю стороной и добавил в нее несколько важных уточнений, предположив в конце, что тот действительно затаил обиду, хотя не показывал ее поначалу в переписке: “Меня удивила постоянная грубость Вульфендейла в мой адрес на нашей следующей встрече, на

ООО стало его навязчивой идеей: “Последние два года меня мучает один и тот же вопрос, – вспоминал он в Предисловии. – «Почему ты до сих пор пишешь это, Пит?» Его повторяют друзья, семья и моя собственная совесть”³⁰⁵. В 2012 г. в *Speculations IV*, наконец, вышла его 76-страничная статья, ставшая впоследствии первыми двумя главами его книги, а в 2014 г. – и сама книга.

В качестве одной из главных причин того, что Вульфиндейл всё-таки закончил свой труд, он назвал растущее доминирование ООО в движении спекулятивного реализма: “Тренд СР постепенно мутировал в бренд СР/ООО, поскольку Харман заявил себя в качестве его официального представителя (*spokesman*), и в результате уникальная динамика сообщества распалась. Этот постепенный крах потребовал надлежащего объяснения и возражений: философия, которая процветает за счет захвата дискуссий и подавления несогласных точек зрения, более или менее преднамеренно, заслуживает анализа ее подхода и разоблачения ее стратегий”³⁰⁶.

Выражал ли здесь Вульфиндейл свой личный опыт или обобщал коллективный сложно сказать, во всяком случае мы не встречали в других критических оценках и рецензиях ни “захвата дискуссий”, ни “подавления несогласных” со стороны представителей ООО. Скорее можно привести обратные свидетельства³⁰⁷.

Усилия Вульфиндейла поддержали издательство *Urbanomic* и к тому моменту уже кардинально порвавший со спекулятивным реализмом Рэй Брасье, которого Харман назвал “другом ставшим врагом”³⁰⁸. *Urbanomic* выпустило книгу Вульфиндейла, а Брасье написал к ней послесловие под названием “Спекулятивная аутопсия”. На обратной обложке размещалась ободряющая автора реплика Славоя Жижека. Таким образом, “ООФ: новое

двухнедельной летней школе Маркуса Габриэля в Бонне в 2012 году, где Вульфендейл был студентом, а я – преподавателем. Когда мои попытки пошутить с ним за шведским столом в Бонне встретили каменное молчание, я понял, что он, должно быть, очень зол из-за чего-то, и просто перестал пытаться растопить лед. Два года спустя вышла его книга”: Harman G. *Skirmishes*. P. 197.

³⁰⁵ Wolfendale P. *Object-Oriented Philosophy*. P. ix.

³⁰⁶ Ibid. P. xiv.

³⁰⁷ См. Morton T. Preface to Second Edition // *Realist Magic* / 2nd ed. P. 21–23.

³⁰⁸ Harman G. *Skirmishes*. P. 198.

платье ноумена” стала выражением той тревоги и недовольства, которое появилось у бывших соратников в ответ на усиление позиций ООО и ее превращения в школу. На наш взгляд, история появления этой книги важна, поскольку эмоционально окрашенное предубеждение Вульфиндейла против ООО решающим образом повлияло на стиль и качество его аргументов, в них много эмоциональной декларативности и полемики ради полемики.

Турецкий исследователь Сюмейе Парылдар, проанализировав аргументы Вульфиндейла против ООО³⁰⁹, выделяет ключевую особенность его критики: она связана с собственным пониманием реализма, в котором ключевую роль играет эпистемология. Он обобщает тезисы Вульфиндейла в вопрос, адресованный к ООО: “Что такое метафизика, если она не обеспечивает доступа к реальности?”³¹⁰ Для Вульфиндейла этот доступ должны обеспечивать позитивные естественные науки и математика, а не эстетика и “мистика” изъятых реальных объектов как у Хармана (и в этом британский философ сближается с Брасье и Мейясу). Но, как мы уже видели выше и еще рассмотрим подробнее в Главе 4, для Хармана вопросы эпистемологии отходят на второй план по отношению к вопросам онтологии, его совершенно не заботит (не)познаваемость реальных объектов по сравнению с автономией их существования, независимо от чьего-либо познания. Об эту незаинтересованность Хармана в развитии строгой эпистемологии разбиваются все основные требования Вульфиндейла, чья позиция опирается, по сути, на веру, что физика и математика дают нам прямой доступ к реальности. Справедливости ради, необходимо ответить, что в более поздних работах Харман всё же занялся некоторым развитием эпистемологии ООО через *теорию срывов*, однако вряд ли это дополнение удовлетворило бы его главного критика (см. § 2.1.2). На наш взгляд, аргументы Вульфиндейла почти никогда не достигают цели, поскольку требования к эпистемологическому реализму совершенно нерелевантны для философии Хармана. Вместе с тем,

³⁰⁹ Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale // *Insan & Toplum – The Journal of Humanity & Society*. 2019. Vol. 3, №. 9. P. 1–13.

³¹⁰ Ibid. P. 12.

он довольно неплохо чувствует лакуны, белые пятна и проблемные для ООО тематические поля: в частности, – теорию времени и пространства Хармана (см. § 2.2.5–2.2.6).

Начиная именно с книги Вульфиндейла, позиция Хармана стала ассоциироваться в публичном поле с радикализированной версией кантианства. Он выдвинул тезис, что реальный объект ООО – это ни что иное как *ноумен*, или *вещь-в-себе* с той лишь разницей, что “[ноумен] – это, по сути, эпистемологическое понятие, определяющее границы эмпирического познания, а [реальный объект] – метафизическое понятие, обосновывающее эти границы”³¹¹. Для Вульфиндейла концепция ноумена Канта – это эпистемологический тупик, а значит и подход Хармана автоматически становится тупиковым. Однако, как мы уже убедились в предыдущих главах, кантианское различие феномена и ноумена ни разу не фигурировало в качестве источника генезиса понятий ООО. Здесь можно согласиться с оценкой И. А. Девайкина: “[В ООО] вслед за Кантом, постулируется непреодолимый разрыв между для-нас и в-себе. Возможно также, что Харман, подобно Канту, придает особое значение эстетике. Впрочем, на этом сходства кончаются, поскольку ООО не может согласиться с Кантом во взгляде на субъекта”³¹². К тому же для Хармана различие ноумена/феномена у Канта было слишком корреляционистским, поскольку его должен был производить (человеческий) разум. Поначалу Харман сопротивлялся этой ассоциации с Кантом, но, в конце концов, сдался и иронично принял на себя миссию защиты ноумена с оговоркой, что это различие проводит не только разум, но и любой объект³¹³.

Коротко рассмотрим оставшиеся работы 2014 г. с критическим анализом ООО. Если Вульфиндейл в классификации критиков Хармана, попал в

³¹¹ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy. P. 204.

³¹² Девайкин И.А. Преодоление корреляционизма в современной онтологии (на материале работ Г. Хармана, К. Мейясу и Р. Брассье): специальность 5.7.1 “Онтология и теория познания”: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2023. С. 59.

³¹³ Harman G. Skirmishes. P. 29–30.

категорию враждебных, то Питер Граттон, несмотря на свою язвительность, был помещен в категорию нейтральных, а Том Спэрроу и Стивен Шавиро – дружеских.

Книга “Конец феноменологии” Тома Спэрроу вышла в серии “Спекулятивный реализм”. В ней автор пытается осмыслить судьбу феноменологии как метода философского исследования в континентальной традиции в контексте современного запроса на реализм. Ключевой ее тезис звучит следующим образом: “Когда эта книга провозглашает конец феноменологии, это означает, что феноменология как метод для реалистов исчерпала себя. Феноменология, если она вообще что-то значит, просто не является методом, с помощью которого мы можем фиксировать независимую от человека реальность тел, объектов, качеств, свойств, материалов или событий”³¹⁴. Спэрроу предпринял попытку найти место “реализму” (*автор ставит это слово в кавычки, когда говорит о феноменологии* – прим. А.Ш.) в феноменологии Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, а также – двух современных ветвей (консервативной и прогрессивной), представленных Д. Жанико и Л. Бравером и приходит к выводу об их неспособности выйти за рамки корреляционизма, принимая тем самым его критику со стороны спекулятивного реализма. Далее он обращается к критическому анализу “феноменологической части” работ Хармана, ведь именно у него было проведено “наиболее глубокое и обширное исследование феноменологии”³¹⁵ среди всех спекулятивных реалистов. “Феноменология” Хармана включает в себя концепцию воспринимаемых объектов и качеств (см. § 2.2.1) и их связи с реальными объектами.

Мы уже упоминали, что интерпретация феноменологии Хармана и его концепция воспринимаемых объектов встретила критику среди коллег и “дружеское непонимание широкой гуссерлианской публики”, а также столкновение с отдельными представителями “гуссерлианской мафии”,

³¹⁴ Sparrow T. The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. P. 13.

³¹⁵ Ibid. P. 114.

однако о содержании этих устных дискуссий, произошедших в Рейкьявике, нам ничего не известно. Спэрроу первым на тот момент систематизирует “феноменологию” Хармана, показывая логику его рассуждений, которая иногда ускользает в оригинальных работах. При этом он не вступает с основателем ООО в полемику, относительно беспристрастно демонстрируя ее преимущества и недостатки: “Я не оспаривал и не защищал его [Хармана] интерпретации феноменологии. Порой я слишком быстро двигался по его аргументам и утверждениям, но только потому, что моей главной целью было объяснить, как его спекулятивный проект начинается с феноменологии, а также расходится с ней”³¹⁶.

Не вдаваясь в дискуссию о конце феноменологии и спекулятивном реализме/ объектно-ориентированной онтологии как более предпочтительном подходе “возвращения к самим вещам”, необходимо отметить вклад Спэрроу в критическое осмысление ООО. Он показывает решающее влияние идей Э. Левинаса и А. Лингиса на формирование “феноменологической части” модели четвероякого объекта. Это важно в том смысле, что Харман в работах после 2005 г. почти не упоминает их, в то время как инспирированные ими идеи продолжают существовать в его теории.

Стивен Шавиро во “Вселенной вещей” занял более полемическую позицию по отношению к ООО. Главной точкой расхождения стала критика изолированности реальных объектов ООО из всех прямых отношений. Развивая идеи А. Н. Уайтхеда, Шавиро критикует теорию Хармана за чрезмерную статичность и плохое объяснение того, как происходят реальные изменения в объектах. Однако, он ставит своей целью не столько опровергнуть ООО, сколько предложить собственную теорию в рамках спекулятивного реализма, критически оттолкнувшись от основных принципов Хармана.

Книга Питера Граттона “Спекулятивный реализм” имеет важное значение для систематизации нового философского направления и движения, но уделяет непосредственно ООО еще меньше места, чем все остальные.

³¹⁶ Ibid. P. 139.

Отталкиваясь от критики корреляционизма как общей установки спекулятивного реализма, он рассматривает подходы К. Мейясу, Г. Хармана, И. Х. Гранта, Дж. Беннетт, Э. Гроц. Р. Брасье, А. Джонстона и К. Малабу. В целом Граттон сделал хороший обзор состояния теории Хармана на момент написания книги и отметил, как и Вульфиндейл с Шавиро, определенные трудности с пониманием в ООО времени, изменений и процессуальности, которые ее основатель прояснил значительно позже – в книге “Объекты вне времени” (2023).

Выдержав шквал критики в 2014 г., объектно-ориентированная онтология лишь укрепила свои позиции, приобретя новых последователей. Логику этого обращения коротко выразил один из них, Арьен Кляйнхеренбринк: “Учитывая, что объектно-ориентированная онтология все еще молодая философия, кажется логичным улучшать ее, а не отказываться от нее в ответ на серьезную критику”³¹⁷. В завершении параграфа обратимся к трем фигурам, которые поставили перед собой задачу развития объектно-ориентированной философии, критикуя проблемные места и белые пятна теории и предлагая собственные решения.

Ассоциированный профессор метафизики и философской антропологии Университета Неймегена (Нидерланды), Арьен Кляйнхеренбринк, как и Леви Брайант, пришел в ООО через исследования Делёза. В 2019 г. он опубликовал в серии “Спекулятивный реализм” свою монографию “Против непрерывности: спекулятивный реализм Жюль Делёза” (2019)³¹⁸, в которой, по словам Хармана, “Делёз представлен как естественный союзник ООО”³¹⁹. Его основной вклад в объектно-ориентированную онтологию связан с дискуссией о времени. В статье “Два времени объекта” (2019) он предложил собственную концепцию двоякого времени (*twofold time*), которая опирается на работу

³¹⁷ Kleinherenbrink A. The Two Times of Objects: A Solution to the Problem of Time in Object-Oriented Ontology // Open Philosophy. 2019. № 2. P. 539.

³¹⁸ Kleinherenbrink A. Against Continuity: Gilles Deleuze's Speculative Realism. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019.

³¹⁹ Harman G. Series Editor's Preface // Kleinherenbrink A. Against Continuity. P. v.

Жиля Делёза “Логика смысла” (1969)³²⁰. Харман ответил на критику Кляйнхеренбринка в книге “Объекты вне времени” (2023). В апреле 2024 г. в Неймегене прошла публичная дискуссия между двумя философами (подробнее аргументы Хармана и Кляйнхеренбринка см. в § 2.2.5).

Профессор философии и религиоведения Университета штата Луизиана (с 2023), Джон Когбёрн, ввел ООО в качестве предмета преподавания, запустив в 2012 г. первый в истории семинар по объектно-ориентированной онтологии³²¹. Академическая траектория Когбёрна развивалась на стыке аналитической философии, спекулятивного реализма и исследований поп-культуры. Он стал переводчиком на английский язык и одним из основных исследователей мысли современного французского философа Тристана Гарсии, которого Харман назвал “попутчиком ООО”³²². В 2017 г. в серии “Спекулятивный реализм” вышла его монография “Гарсианские медитации”³²³. Основной вклад Когбёрна в развитие ООО связан с попытками уточнить и “перевести” наполненный метафорами и художественными приемами философский язык Хармана в более аналитическое русло. Он выступил рецензентом книги “Объекты вне времени” (2023), и Харман добавил в текст его возражения и свой ответ на них. В статье “Переосмысление понятия замещающей причинности” (2024, Когбёрн в со-авторстве с Н. Янгом) авторы предложили значительные уточнения понятий замещающая причинность и аллюр и сделали вклад в теорию метафоры Хармана.

Ники Янг, преподаватель кафедры философии Мальтийского университета, на сегодняшний день – один из наиболее активных авторов нового поколения, разрабатывающих проблематику ООО. Его первой работой по этой теме стала статья “О корреляционизме и философии (человеческого) доступа” (2020), посвященная сравнительному анализу критики этих установок Мейясу и Хармана. В 2021 г. Янг защитил в Мальтийском

³²⁰ Kleinherenbrink A. The Two Times of Objects. P. 542–550.

³²¹ См.: Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 188.

³²² Там же. С. 234.

³²³ Cogburn J. *Garcian Meditations: The Dialectics of Persistence in Form and Object*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2017.

университете докторскую диссертацию “Объектно-ориентированная онтология и деконструкция: реализм в работах Грэма Хармана и Жака Деррида” (2021). В период 2023–2026 гг. он опубликовал больше десятка статей, посвященных различным аспектам ООО и ее применения: например, – к исследованиям животных, микроорганизмов и т. д.

Когбёрн и Янг также внесли вклад в систематизацию и популяризацию наследия Хармана, подготовив хрестоматию его текстов “The Graham Harman Reader” (2023)³²⁴.

Выводы из § 1.3

Третий период (2011–н. в.) в истории объектно-ориентированной онтологии связан с ее оформлением в школу систематической философии. В качестве критериев школы мы выделили следующие: 1) лидерство и последователи, 2) общее теоретическое ядро, 3) институциональное оформление и 4) академическая критика, через которую проявляется устойчивость позиций школы и фиксируются ее границы.

Лидерство в школе принадлежит ее основателю Грэму Харману. Он сформулировал фундаментальные принципы и понятийный аппарат ООО, ставшие ее общим теоретическим ядром, и на протяжении всего периода выступал и продолжает выступать ее главным публичным лицом, организатором, популяризатором и наставником для следующего поколения. Вторым по значимости лицом в ООО является Тимоти Мортон, чья публикационная активность, а также многочисленные проекты с художниками, экологами и др. привлекли к ней публичное внимание. Иен Богост и Леви Брайант в первой половине 2010-х гг. также играли важную роль в популяризации идей ООО и организации, связанных с ней событий, однако ко второй половине – их активность сократилась. Богост всё ещё

³²⁴ The Graham Harman Reader: Including Collected Works and Previously Unpublished Material / ed. by J. Cogburn and N. Young. Winchester, UK ; Washington, USA : John Hunt Publishing, 2023 (e-Book).

связывает себя с школой, а Брайант решил развивать собственное направление – машинно-ориентированную онтологию, которая, впрочем, остается близкой к ООО.

Начиная со второй половины 2010-х– начала 2020-х гг., постепенно сформировалось новое поколение объектно-ориентированных философов. Часть новых участников ООО была занята критическим переосмыслением основных положений теории ради ее развития (Дж. Когбёрн, Н. Янг, А. Кляйнхеренбринк), другая занималась их применением к различным сферам теории и практики, таким как архитектура и дизайн (Д. Руй, М. Ф. Гейдж, Т. Уискомб, Дж. Вивальди, С. Уир и др.), антропология и этнография (Т. Пинто и др.), исследования животных (Н. Янг, С. Ланфранко и др.), теология и религия (А.В. Шишков и др.) и т. д.

ООО с самого начала не была привязана к какому-либо учебному или научному заведению, а формировала круг своих последователей вокруг сетевых коммуникационных площадок – блогов, интеллектуальных журналов, книжных серий, междисциплинарных проектов на стыке философии, искусства и прикладной деятельности. Таким образом, одной из главных особенностей ее институционального формирования является ее сетевой характер. С 2016 г. в Южно-Калифорнийском институте архитектуры (SCI Arc) в Лос-Анджелесе вокруг Хармана стала формироваться группа учеников, заинтересованных в применении идей ООО к архитектуре.

Весомый вклад в институциональное развитие ООО внесли издательства с политикой открытого доступа – *Urbanomic* (журнал *Collapse*), *Open Humanity Press* (серия “Новая метафизика”, ранние номера альманаха *Speculations*), *Punctum Books* (альманахи *Speculations*, *O-Zone*), а также журнал *Open Philosophy* (изд. *De Gruyter Brill*). Часть проектов возглавлялась представителями ООО: Грэм Харман стал главным редактором книжных серий “Новая метафизика” (вместе с Б. Латуром) и “Спекулятивный реализм” и журнала *Open Philosophy*, Иен Богост возглавил книжную и журнальную серии “Уроки объектов”, а Леви Брайант – журнал *O-Zone* (вместе с А. Джой).

Благодаря сотрудничеству Хармана и Тима Мортонa с медиагигантом *Penguin Random House* ООО стала доступна для широкой аудитории нон-фикшн литературы.

Этап начался с публикации в 2011–2013 гг. ключевых работ классической четверки объектно-ориентированных философов – “Четвероякий объект” (2011), “Демократия объектов” (2011), “Чужая феноменология” (2012), “Гиперобъекты” (2013) – до сих пор остающихся основными источниками теоретического канона ООО. На фоне по преимуществу индивидуалистических проектов других представителей спекулятивного реализма и т. н. спекулятивного поворота, это выступление выглядело консолидированным за счет обращения к общим теоретическим принципам и понятийному аппарату. Мы выделили в качестве фундаментальных принципов, разделяемых всеми участниками ООО, следующие:

- 1) онтологическая первичность объектов,
- 2) наличие онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым;
- 3) наличие онтологического “разлома” между объектом и его качествами.

Из них выводятся другие теоретические положения ООО, такие как критика антропоцентризма и корреляционизма, изъятость реальных объектов, замещающая причинность, теория срывов, плоская онтология и др. Дальнейшее развитие теоретических положений ООО в сторону эстетики как первой философии также имело общие черты в работах Хармана, Мортонa и Богоста.

Важным критерием, продемонстрировавшим состоятельности ООО как школы, стала устойчивость к академической критике. В 2014 г. одновременно вышли работы П. Вульфиндейла, С. Шавиро, П. Граттона и Т. Спэрроу с критическим анализом разных аспектов объектно-ориентированной философии. Критика позволила Харману и его коллегам уточнить и

переосмыслить ряд положений ООО, а также провести новые границы с близкими философскими подходами.

Глава 2. Теоретические принципы объектно-ориентированной онтологии

§ 2.1. Метафизика объектов

“Мы живем в эпоху объектов... – пишет философ Томас Нэйл, фиксируя в своем масштабном исследовании, посвященном теории объектов, сдвиг в парадигме мышления о мире, – ...Объекты, кажется, стали синонимом природы реальности как таковой”³²⁵. Не вдаваясь в рассуждения о том, насколько это высказывание адекватно отражает другие теории объектов, скажем, что для объектно-ориентированной онтологии оно в высшей степени справедливо.

Грэм Харман настаивает, что онтология начинается с объектов. Он определяет их как автономные единичные реальности, которые, с одной стороны, невозможно свести к набору их качеств, отношений или действий, а с другой – к составляющим его частям или проявлениям некоей глубинной силы. Харман сразу задаёт максимально широкий круг того, что можно назвать “объектом”, отказываясь “редуцировать одни объекты во славу других”³²⁶. Не все объекты, по мнению Хармана, реальны, но все они – объекты: “Некоторые из объектов являются физическими, некоторые — нет; какие-то реальны, другие — нисколько. Но все они — *единые* объекты, даже если замкнуты в той части мира, что зовется сознанием. Объекты суть единицы; эти единицы и обнаруживают множество свойств, и скрывают их”³²⁷.

В своей партизанской метафизике он поставил задачу “освобождения” объектов из “плена” обязательной корреляции с человеческим доступом к ним – ошибки, по его мнению, определившей дизайн всей (за редкими исключениями) модерной и постмодерной философии, как континентальной, так и аналитической.

³²⁵ Nail T. Theory of the Object. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. P. 1.

³²⁶ Харман Г. Четверойкий объект. С. 18.

³²⁷ Там же. С. 18.

2.1.1. Критика философии человеческого доступа

Одно из первых упоминаний о проблеме привилегированного человеческого доступа к объектам прозвучало в работах Грэма Хармана в докладе “Теория объектов у Хайдеггера и Уайтхеда”³²⁸, который он прочел в канун Хэллоуина 1997 г. спустя несколько месяцев после переворота в мышлении в сторону объектно-ориентированного подхода. В своей первой монографии “Инструмент-сущее” (2002) Харман пишет, что “драма философии разворачивается во всех объектах, а не только в человеческом существе”³²⁹. Там же он вводит понятие *философия человеческого доступа* (*philosophy of human access*)³³⁰ (или в более краткой форме – *философия доступа*), которую он в следующей своей работе, “Партизанская метафизика” (2005), охарактеризовал как философскую установку, “чей основной интерес заключается не в объектах, а в человеческом доступе к ним”³³¹.

Спектр философий человеческого доступа Харман определяет следующим образом: “Так называемый лингвистический поворот по-прежнему является доминирующей моделью в философии доступа, но существует множество других – феноменология, герменевтика, деконструкция, философия сознания, прагматизм”³³². Появление этой установки он соотносит с “коперниканской революцией” Канта³³³. Для понимания генезиса этого понятия у Хармана, следует отметить, что на необходимость разрыва с философией доступа его натолкнула книга А. Н. Уайтхеда “Процесс и реальность” (1929), а идею ее “кантианского происхождения” он почерпнул из работы Бруно Латура “Нового Времени не было” (1991)³³⁴.

³²⁸ Harman G. The Theory of Objects in Heidegger and Whitehead (1997) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 36–68.

³²⁹ Harman G. Tool-Being. P. 135.

³³⁰ Ibid. P. 232.

³³¹ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 1.

³³² Ibid. P. 1.

³³³ Harman G. Tool-Being. P. 16, 105; Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 74–75.

³³⁴ В докладе “Бруно Латур: король сетей” (1999) Харман приводит следующую цитату французского мэтра: “Эта кантианская формулировка наглядно проявляется и по сей день, всякий раз, когда человеческий разум

Главный недостаток философий человеческого доступа Харман описывает следующим образом: “Тогда как философия призвана к познанию реальности в целом, философия доступа сводит эту реальность к крохотной ее части, непосредственно доступной людям. В силу этого она демонстрирует неадекватность, и тем самым сама закладывает основы для потенциального отказа от нее”³³⁵. Он различает две версии философии человеческого доступа – сильную и слабую. Сильная версия, представленная, к примеру, философией Дж. Беркли и С. Жижека, утверждает, что в реальности вне связи человек–мир ничего не существует. Слабая звучит так: “Мы не можем знать, существует ли что-либо вне пары человек–мир, а потому мы не способны продвинуть наше мышление за ее пределы; всякое мышление в действительности имеет предметом только мысль”³³⁶. Если сильная версия философии доступа, с точки зрения Хармана, прямо говорит о том, что за пределами человеческого мышления нет никакого мира, то слабая – утверждает, что такой мир может быть и существует, но нет никакой возможности его помыслить, поскольку любой способ мысли о нем превращает его в предмет мышления.

Важно подчеркнуть, что Харман не стремится опровергнуть установку философии доступа. Здесь он опирается на высказывание Уайтхеда “Философская система никогда не опровергается: от нее только отказываются”³³⁷. Именно поэтому он не пытается логически опровергнуть аргументы, но просто не принимает их всерьез, как не заслуживающие внимания. Как отмечает Ники Янг, основатель ООО просто считает эту установку ошибочной и неадекватной твердому реалистическому подходу,

наделяется способностью произвольно навязывать формы аморфной, но реальной материи. Конечно, Король-Солнце, вокруг которого вращаются объекты, будет свергнут во имя множества других претендентов: общества, эпистемы, ментальных структур, культурных категорий, интерсубъективности, но все эти дворцовые перевороты не изменят местоположения центра, который я по этой причине назову субъектом / обществом” (Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. Д. Я. Калугина. СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 122); Harman G. Bruno Latour, King of Networks (1999) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 131.

³³⁵ Харман Г. Четвероякий объект. С. 71.

³³⁶ Там же. С. 71.

³³⁷ Цит. по: там же. С. 70.

тем самым “позиция Хармана развивается через отказ от проблемы доступа, а не через ее опровержение”³³⁸.

Проблематичность философии доступа для Хармана заключается в том, что она допускает ошибку *онто-таксономии* (*onto-taxonomy*). Этот термин он вводит как пейоратив по аналогии с “онто-теологией” Хайдеггера–Деррида³³⁹. Онто-таксономия – это заблуждение относительно привилегированности онтологического статуса человека (субъекта, разума, *Dasein*), познающего мир с помощью мышления. Другими словами, как пишет Янг, это – “необоснованное антропоцентрическое предположение о том, что какая-либо отличительная черта человека (будь то язык, разум и т. д.) автоматически делает его «онтологически отличным по существу» (*ontologically different in kind*)³⁴⁰ от всего остального, что может существовать за пределами мышления”³⁴¹. В то время как действительный онтологический разлом проходит не между человеком и всеми остальными сущими, а между реальностью объектов и их восприятием любыми другими объектами. Приводя в пример Канта, Харман считает, что его онто-таксономическая ошибка заключается в атрибуции различения ноумена и феномена только к разумным существам³⁴². В то время как, с его точки зрения, необходимо распространить этот базовый онтологический принцип на все объекты. Речь вовсе не идет о том, чтобы отказаться от перспективы человеческого мышления об объектах, а о том, чтобы не считать его основанием для онтологии и расширить ее горизонт. Как пишет Харман, ограничение, накладываемое кантианской философией, заключается в том, что “мы вообще не можем обсуждать взаимодействия между объектами, за исключением случаев, когда они рассматриваются в рамках трансцендентальной структуры человеческого опыта”³⁴³.

³³⁸ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access // Open Philosophy. 2020. № 3. P. 49.

³³⁹ Harman G. Dante's Brocken Hammer: The Ethics, Aesthetics, and Metaphysics of Love. London : Repeater Books, 2016 (e-Book). P. 461.

³⁴⁰ Янг отсылает к: Harman G. Dante's Brocken Hammer (e-Book). P. 448.

³⁴¹ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access. P. 48–49.

³⁴² Harman G. Dante's Brocken Hammer (e-Book). P. 462.

³⁴³ Harman G. The Only Exit from Modern Philosophy // The Graham Harman Reader (e-Book). P. 117.

Критика философии человеческого доступа совпала с позицией других философов, давших начало движению спекулятивного реализма. Квентин Мейясу назвал свою версию онто-таксономической ошибки *корреляционизмом*, а Рэй Брасье обратился к аргументу “Перла”, предложенному австралийским философом Дэвидом Стоувом³⁴⁴. Мейясу называет корреляционизмом такую философскую установку, согласно которой “мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности”; “корреляционизм состоит в дисквалификации любых попыток рассмотрения сфер субъективного и объективного независимо друг от друга”³⁴⁵. Харман формулирует суть корреляционизма следующим образом: “Невозможно мыслить мышление или мир отдельно друг от друга, поскольку они всегда рассматриваются как пара, существующая лишь во взаимной *корреляции*”³⁴⁶.

Как и Харман, Мейясу считает, что возникновению корреляционизма мы обязаны философии Канта: “После Канта и начиная с Канта соперничество философов сводится не к тому, кто из них мыслит настоящую субстанциальность, а к тому, кто мыслит более исходную корреляцию. Мыслит он субъект-объектную корреляцию, или ноэтико-ноэматическую, или корреляцию язык-референт? Проблема больше не «какой субстрат правильный?», а «какой коррелят правильный?»”³⁴⁷. Харман добавляет к этому еще один аспект: корреляционизм представляет собой “фоновое предубеждение континентальной философии со времен Гуссерля и Хайдеггера, согласно которому спор между реализмом и антиреализмом это «псевдопроблема», поскольку мы всегда уже выходим за собственные пределы, познавая объекты или используя средства”³⁴⁸.

³⁴⁴ См., например в: Брасье Р. Понятия и объекты / пер. Cube of Pink // Логос. 2017. Том 27, № 3. С. 227–262. Харман считает “Перл Стоува” хорошим примером опровержения сильной версии философии доступа: Харман Г. Четвероякий объект. С. 71.

³⁴⁵ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. С. 11.

³⁴⁶ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 41.

³⁴⁷ Мейясу К. После конечности. С. 13.

³⁴⁸ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 34.

Со временем понятия “философия человеческого доступа” и “корреляционизм” стали восприниматься как синонимы. Этому в немалой мере способствовало активное использование самим Харманом термина Мейясу. Но Янг обращает внимание, что между ними всё же существует разница. Неслучайно, Мейясу воспринимал объектно-ориентированную философию Хармана как слабую версию корреляционизма.

Оба спекулятивных философа приходят к общему выводу, что критикуемые ими как философия доступа и корреляционизм позиции содержат в себе имплицитную форму идеализма. Но Мейясу рассматривает его как оппозицию своему спекулятивному материализму, а Харман – реализму. В той мере, в какой материализм и реализм совпадают, эти термины можно считать синонимичными. Отдельный вопрос, вызвавший немало критики, – насколько адекватно называть критикуемые установки формой идеализма. Но его можно списать на полемический эффект, требующий определенного упрощения и обобщения противоположной позиции. Тем более, что оба философа в конечном счете признают, что понятие идеализм “наполнено двусмысленностью”³⁴⁹.

Однако, Янг обнаруживает более важное различие между философией доступа и корреляционизмом: “Термином «корреляционизм» Мейясу обозначает различные философии, которые провозглашают фундаментальную неспособность выйти за пределы ограничений конечного человеческого знания. Напротив, главная претензия Хармана к «философиям человеческого доступа» связана с их неспособностью – или, точнее, нежеланием – создать *спекулятивную онтологию*, выходящую за узкие рамки наших слишком человеческих способов понимания”³⁵⁰. С точки зрения Янга, главное отличие этих подходов заключается в том, какой должна быть основа для спекулятивного неидеалистического (материалистического или реалистического) подхода – эпистемологической или онтологической:

³⁴⁹ Об этом К. Мейясу говорит в интервью Г. Харману для его исследования: Harman G. Quentin Meillassoux. P. 163.

³⁵⁰ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access. P. 51.

“Следовать ли за Мейясу *эпистемологически* в поисках пути к некоррелированному знанию абсолюта, или же поддержать стремление Хармана к спекулятивной *онтологической* форме реализма, которая обобщает тезис о *конечности* таким образом, что отказывается принимать всерьез аргументы «философов доступа»”³⁵¹³⁵². В этом плане упрек некоторых критиков ООО о том, как возможно знание без человека, должен быть адресован Мейясу, а не Харману, перед которым эта проблема не стоит.

Выбор одного из этих путей, отличия между которыми на первый взгляд кажутся незначительными, в конечном счете может привести к существенным расхождениям. К примеру, один из наиболее яростных критиков ООО, Питер Вульфендейл, разделяя тезис Мейясу о том, что сущность корреляционизма носит эпистемологический характер, по сути, считает философию Хармана несостоятельной за его отказ рассматривать эпистемологические аргументы философий доступа³⁵³.

Мы сталкиваемся с этим различием подходов и в критике Мейясу, который называет подход Хармана “субъектализмом”, ведь, по его мнению, тот “гипостазирует наше отношение к вещам, которые... постоянно ускользают от [прямого] контакта с нами”³⁵⁴. Французский философ считает, что говорить о доступе к объектам можно только в отношении человека, а его распространение на взаимодействие нечеловеческих объектов друг с другом будет слабой формой корреляционизма. Но Харман не рассматривает эту проблему в эпистемологическом ключе, то есть как теорию человеческого познания. Для него отсутствие прямого доступа нечеловеческих реальных объектов друг к другу опирается на онтологическую нетождественность реальности объекта и информации о нем (см. подробнее – § 2.2.1, 2.2.2).

³⁵¹ Ibid. P. 51.

³⁵² Напомним, что Харман проводил разделение в рамках спекулятивного реализма между подходами Мейясу и Брасье, с одной стороны, и своим и Гранта – с другой, по линии эпистемическое/ антиэпистемическое. Подробнее см.: в § 1.2.1.

³⁵³ Wolfendale P. Object-Oriented Ontology. P. 36.

³⁵⁴ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign / unpublished version / trans. R. Mackay // Freie Universität, Berlin. 2012, 20 Apr. URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения 28.08.2026).

Игорь Девайкин тоже рассматривает эту проблему в эпистемологическом ключе: “«Реальность» своих объектов Харман определяет апофатически. Раз так, то не слишком ли мы рискуем здесь тем, что каждый будет волен понимать под этой реальностью все, что захочет? И как тогда добиться согласия насчет понимания этого бытия?”³⁵⁵. Этот вопрос снимает хармановский онтологический “разлом” между реальным и воспринимаемым. То, что Мейясу и его последователи, называют по отношению к ООО “субъектализмом” или “слабым корреляционизмом” относится к той стороне “разлома”, который соответствует воспринимаемому, тогда как реальное остается независимым от любой формы восприятия и познания. Преодоление Харманом корреляционизма или философии человеческого доступа заключается не в отказе от мышления о реальности объектов (эта процедура конструирования воспринимаемого объекта вполне легитимна в рамках ООО), а в утверждении нетождественности реального и воспринимаемого. Отвечая на вопрос Девайкина, можно сказать, что ООО снимает риск произвольного понимания реальности объекта, поскольку понимание бытия не тождественно самому бытию. И в отличие от позиции Мейясу, которая требует радикальной контингентности, она позволяет согласовать эти понимания с определенной долей приближения через интеробъективность (см. § 2.2.4).

2.1.2. Эпистемологическая теория срывов

Несмотря на то, что критика философий доступа носит онтологический характер, нельзя сказать, что Харман вовсе игнорирует эпистемологию. Он формулирует ее в концепции “срывов” (*minings*) – познавательных стратегий, редуцирующих объекты к их частям, отношениям, действиям или проявлениям неких глубинных начал, которые носят названия *подрыв* (*undermining*), *надрыв* (*overmining*) и их комбинация – *двойной срыв* (*duomining*).

³⁵⁵ Девайкин И. А. Преодоление корреляционизма в современной онтологии. С. 124.

Впервые развернутая концепция срывов появляется в Главе 1 книги “Четвероякий объект” (2011). Поначалу Харман рассматривает ее как способ возвращения к метафизике через критику любой метафизики присутствия, в основе которой, по его мнению, лежит подрыв или надрыв объектов³⁵⁶. Однако, уже в работе “Имматериализм” (2016) концепция срывов получает эпистемологическое звучание как “видов знания о вещах”³⁵⁷. В поздней работе “Волны и камни” (2025) окончательно закрепляется эпистемологический характер концепции срывов. Он пишет: “[ООО испытывает] глубокое сомнение в идее, что эксплицитное знание – это единственная форма познания, заслуживающая внимание. Под эксплицитным знанием я имею в виду знание такого рода, которое может быть выражено либо на языке ясной прозы («кот сидит на ковре»), или уравнением ($E=mc^2$). После многолетних размышлений над этим вопросом я пришел к выводу, что существуют лишь две основных формы знания, которые я описываю под техническими именами «подрыв» и «надрыв»”³⁵⁸.

Подрыв означает, что объекты “составлены из чего-то исходного – и именно лежащая глубже них реальность является подлинным предметом философии”³⁵⁹. Эти подходы “заявляют, будто из-за своей конкретности объекты не заслуживают того, чтобы считаться подлинной реальностью, и выдумывают нечто более глубокое и неопределенное, служащее основанием для конкретных вещей”³⁶⁰. Одними из первых подрыв осуществили философы Милетской школы, искавшие первооснову всего. Среди современных философов, осуществляющих подрыв объектов, Харман называет Э. Левинаса, Ж.-Л. Нанси, Ж. Симондона, М. Деланду и др. Проблема этой стратегии познания состоит в том, что она не в состоянии объяснить “относительную независимость объектов от составляющих их частей”³⁶¹.

³⁵⁶ См.: Harman G. The Return to Metaphysics (2011) // Bells and Whistles (e-Book). P. 20–66.

³⁵⁷ Харман Г. Имматериализм. С. 17.

³⁵⁸ Harman G. Waves and Stones. P. 8.

³⁵⁹ Харман Г. Четвероякий объект. С. 18.

³⁶⁰ Там же. С. 21.

³⁶¹ Там же. С. 18.

Надрыв объекта означает, что “существование вещи состоит исключительно в её отношении к другим вещам”³⁶². В такого рода подходах “объект исчерпывается своим наличием для другого – без того, чтобы какая-то часть его внутренней реальности оказывалась при этом утаенной”³⁶³. К стратегии надрыва Харман относит подходы таких философов как А. Н. Уайтхед, Б. Латур, Ч. Пирс, У. Джеймс и др. Надрывом также оказывается любая версия холизма, который, по его мнению, представляет собой редукционистский подход: “Холизм – это столь же радикальный [как и сведение к частям] способ сведения вещей к широчайшему контексту, который управляет всем. Проблема холизма заключается в том, что было бы совершенно необоснованно утверждать, что случайные объекты, такие как моя зубная щетка или обувь, имеют системные связи со всем космосом... В сущности, холизм слишком легковесен сам по себе: он просто кавалерийским наскоком утверждает, что всё взаимосвязано. Однако он не может объяснить механику того, как возможны ограниченные связи между различными вещами, не превращая при этом мир в единый пузырящийся пудинг”³⁶⁴.

В обоих случаях объекты теряют свою автономию как единичные сущие и отходят на второй план, становясь в зависимость либо от некоей более глубинной реальности (подрыв), либо – от конфигурации отношений, качеств или действий (надрыв). Одновременное сочетание подрыва и надрыва Харман называет стратегией двойного срыва. К их числу он относит некоторые формы научного материализма, в которых объекты становятся проявлениями, лежащей в их основании материи (подрыв), но при этом могут быть исчерпывающе описаны математическими качествами (надрыв), как например, в спекулятивном материализме Квентина Мейясу.

Парадигмальный образец рассуждения о концепции срывов мы находим в эссе “Третий стол” (2012), подготовленном Харманом для выставки *Documenta 13* в Касселе, Германия. В его основе лежит пример, приведенный

³⁶² Там же. С 23.

³⁶³ Там же. С 23.

³⁶⁴ Harman G. *Waves and Stones*. P. 13.

астрофизиком сэром Артуром Эдингтоном в его Гиффордских лекциях 1927 г.: “Я приступил к написанию этих лекций, поставив стулья у своих двух столов. Двух столов! Да; вокруг меня есть копии всего, что есть – два стола, два стула, две ручки”³⁶⁵. Первый стол – знакомый нам стол из повседневной жизни, включенный в отношения с людьми и предметами; второй – физический стол, состоящий из атомов и молекул. Лишь второй, с точки зрения Эдингтона, реально существует, тогда как первый – представляет собой “странное сочетание внешней природы, мысленных образов и унаследованных предрассудков”³⁶⁶. Харман иронично замечает, что это довольно типичный для ученого-естественника XX века подход, на который бы гуманитарий мог возразить, что стол из повседневной жизни не менее реален и даже может быть более реален, чем физический стол. Но для него это лишь повод сказать, что оба стола из примера Эдингтона одинаково нереальны и представляют собой просто две формы редукционизма: “Естественник редуцирует стол по нисходящей до мельчайших частиц, невидимых глазу; гуманитарий редуцирует его по восходящей до серии эффектов на людей и другие вещи”³⁶⁷. Другими словами, один подрывает стол как объект, другой надрывает его.

Реальным оказывается третий стол, который “представляет собой нечто отличное от своих собственных компонентов и также скрывается (*withdraws*) за всеми внешними воздействиями”³⁶⁸. Харман предлагает ООО как теорию познания, избегающую срывов. Он отстаивает первичность и автономию объектов, выстраивая вокруг них свою философскую теорию: “Они [объекты] должны быть автономны по двум различным направлениям: возникать как нечто превосходящее сумму составляющих их частей, а также воздерживаться от отношений с другими сущностями”³⁶⁹.

³⁶⁵ Цит по: Harman G. *The Third Table*. Ostfildern : Hatje Cantz, 2012. P. 5. Оригинал: Eddington A. S. *The Nature of the Physical World*. New York : MacMillan, 1929. P. ix.

³⁶⁶ Цит по: Harman G. *The Third Table*. P. 6.

³⁶⁷ *Ibid.* P. 6.

³⁶⁸ *Ibid.* P. 10.

³⁶⁹ Харман Г. Четвероякий объект. С 28.

Вместе с тем срывы в получении эксплицитного знания об объектах – это не ошибка и не препятствие, а единственно существующие формы знания, и “они являются ценными инструментами человеческого выживания, и мы не должны разоблачать три эти формы «срыва» или делать вид, что можем без них обойтись”³⁷⁰. ООО лишь предлагает отдавать себе отчет в их ограниченности и не отождествлять их с реальностью. Изъятость реального объекта из прямого доступа заставляет искать способы его непрямого познания, среди которых важную роль играет эстетика и искусство. Этой мыслью заканчивается эссе “Третий стол”. В следующих главах мы вернемся к эпистемологическим вопросам в связи проблематикой эстетического опыта.

2.1.3. Плоская онтология

Критика онто-таксономической ошибки, лишаящая отдельные виды объектов (субъект, разум, человек, Dasein и т. д.) привилегированного онтологического статуса по отношению к другим объектам, подвела объектно-ориентированных философов к идее онтологического равенства всех сущих, которое нашло свое выражение в понятии плоской онтологии. Иен Богост дал ему емкое и афористичное определение: “Все вещи одинаково существуют, хотя они и не существуют одинаково”³⁷¹.

Понятие “плоская онтология” впервые появилось в работе Роя Бхаскара “Реалистическая теория науки” (1975) в пейоративном ключе, описывающем эпистемическое заблуждение (*epistemic fallacy*), “согласно которому утверждения о бытии всегда могут быть преобразованы в утверждения о нашем знании о бытии”³⁷², или, как объясняет Леви Брайант, “когда бытие сводят к нашему доступу к бытию”³⁷³. В таком понимании плоская онтология не могла стать позитивной частью объектно-ориентированной философии,

³⁷⁰ Харман Г. Искусство и объекты. С. 24.

³⁷¹ Богост И. Чужая феноменология. С. 21.

³⁷² Bhaskar R. A Realist Theory of Science / 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2008. P. 5.

³⁷³ Брайант Л. Демократия объектов. С. 60.

поскольку по своему смыслу во многом совпадала с критикуемой ею философией человеческого доступа.

Грэм Харман отмечает, что на использование термина “плоская онтология” его вдохновил Мануэль Деланда³⁷⁴, у которого оно появляется в работах “Интенсивная наука и виртуальная философия” (2002) и “Новая философия общества” (2006). Деланда использует это понятие, чтобы подчеркнуть, что различия между общими типами (целым) и включенными в них частными экземплярами (частями) носят пространственно-временной, а не онтологический характер³⁷⁵. Для него существуют только индивидуальные сингулярности, а не виды и роды. Харман так описывает различие в понимании плоской онтологии между Бхаскаром и Деландой: “Для Бхаскара плоская онтология – это онтология, сжимающая всю реальность в единую плоскость эмпирической данности для человеческого восприятия, и поэтому она заслуживает презрения. Для Деланды же, напротив, плоская онтология – это онтология, которая позволяет бесчисленным ярусам больших и малых структур обладать равным онтологическим достоинством, и поэтому она достойна нашего одобрения”³⁷⁶.

Плоская онтология стала прочно ассоциироваться с ООО благодаря книге Леви Брайанта “Демократия объектов” (2011). Однако, как мы убедимся далее, для других объектно-ориентированных философов этот принцип так и не стал первостепенным. Поэтому мы сначала рассмотрим предложение Брайанта, которое можно было бы назвать “сильной программой” плоской онтологии, а затем обратимся к позициям Хармана и Богоста как к версиям “слабой программы”. Различие между “сильной” и “слабой” программами заключается в степени приверженности принципу плоскостности в онтологии объектов. Сильная приверженность делает плоскую онтологию краеугольным принципом, слабая – второстепенным.

³⁷⁴ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 247.

³⁷⁵ DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London ; New York : Continuum, 2002. P. 47.

³⁷⁶ Harman G. *The Assemblage Theory of Society* (2008) // *Towards Speculative Realism* (e-Book). P. 271–272.

Для Брайанта плоская онтология – это “сложная философская концепция, объединяющая под одним именем множество философских положений”³⁷⁷. Он выделяет четыре основных положения: “Во-первых, вследствие расколотого характера всех объектов, плоская онтология отрицает любую онтологию трансцендентности, или присутствия (*presence*), наделяющую какой-либо один тип сущностей привилегированным положением в качестве начала всех прочих сущностей и в качестве того, что полностью налично (*present*) для самого себя ...

Во-вторых, плоская онтология говорит, что не существует мира, или универсума (*the world or the universe*) ...

В-третьих, согласно Харману, плоская онтология отказывается наделять отношение субъект-объект, или человек-мир, привилегированным статусом в качестве (а) формы метафизического отношения, которая отличается от всех прочих форм отношений между объектами по природе, а также (б) отказывается рассматривать субъект-объектное отношение как отношение, имплицитно включенное во все формы объект-объектного отношения ...

Наконец, в-четвертых, плоская онтология утверждает, что все сущности [*entities*] существуют на равных онтологических основаниях и что ни одна из сущностей, будь она рукотворной или естественной, символической или физической, не обладает бóльшим онтологическим достоинством, нежели все прочие объекты”³⁷⁸.

Во всех четырех пунктах мы находим элементы рассмотренных выше подходов, критикующих философию человеческого доступа, различные варианты метафизики присутствия и эпистемологические срывы. По сути, в первом положении критикуется стратегия подрыва объектов. Второе – совпадает с критикой холизма как стратегии надрыва. Тема отрицания существования мира также находит свое продолжение в концепции гиперобъектов Т. Мортонa, о которой речь пойдет ниже. Третье положение

³⁷⁷ Брайант Л. Демократия объектов. С. 251.

³⁷⁸ Там же. С. 251–252.

соответствует критике философии человеческого доступа. А четвертое резюмирует выводы из первых трех.

Особенность “сильной программы” Брайанта заключается в том, что она рассматривает только тот тип объектов, которые Харман называет – реальными, но игнорирует другой – не менее многочисленный тип – воспринимаемые объекты. С одной стороны, только реальные объекты в ООО обладают сущностью и автономией и, следовательно, существуют в строгом смысле слова. С другой – та часть объектов, которая находится по другую сторону фундаментального онтологического “разлома” никуда не исчезает из объектно-ориентированной онтологии. Именно поэтому Харман говорит, что “не существует полной демократии объектов или «плоской онтологии» ... а скорее два типа объектов – (а) реальные и (б) интенциональные или воспринимаемые”³⁷⁹. Таким образом, “сильная программа” Брайанта описывает только часть объектно-ориентированной онтологии и поэтому оказывается в уязвимом положении для критики, указывающей на неконсистентность ООО в случае ее принятия³⁸⁰.

Воспринимаемые объекты не обладают равным онтологическим статусом с реальными. Существование первых полностью зависит от вторых, в чьей сфере восприятия они возникают. К тому же воспринимаемые объекты не обладают сущностью, что принципиально отличает их от реальных. В следующей главе мы подробно разберем теорию объектов ООО и связанную с ней онтографию.

Возвращаясь к теме плоской онтологии, необходимо обозначить и “слабую программу”. Для Хармана плоская онтология – это лишь стартовая точка для исследования объектов: “Идея состоит в том, что философия, стремясь говорить обо всем, должна начать с максимально широкой

³⁷⁹ Harman G. Prince of Networks. P. 207. Слова Хармана относятся к “плоской онтологии” Б. Латура, но они справедливы и в отношении предложения Л. Брайанта.

³⁸⁰ См. например: Brassier R. Deleveling: Against ‘Flat Ontologies’ // Under Influence – Philosophical Festival Drift / ed. by C. van Dijk, E. van der Graaf, M. den Haan, R. de Jong, C. Roodenburg, D. Til and D. Waal. Omnia, 2014. P. 64–80.

расстановки своих сетей”³⁸¹. Он согласен с Брайантом, что плоская онтология позволяет предотвратить проникновение в философию различных онтологических таксономий. Однако, в отличие от первого Харман не столь оптимистичен в отношении использования этого понятия в ООО: “Плоская онтология служит для философии хорошим стартом, но разочаровывающим финишем... Если представить, что после пятидесяти лет философствования объектно-ориентированный мыслитель не сможет сказать ничего, кроме того, что “люди, животные, неодушевленная материя и вымышленные персонажи — все одинаково существуют”, это будет означать, что никакого особого прогресса не случилось”³⁸². По его словам, “ООО не считает плоскую онтологию абсолютным благом”³⁸³. Возможно, столь различное представление о роли плоской онтологии и демократии объектов послужило причиной дальнейшего расхождения Леви Брайанта с объектно-ориентированной онтологией.

Если “слабая программа” Хармана указывает на неполноту плоской онтологии как фундаментального принципа ООО, то подход Иена Богоста подрывает саму идею плоскостности онтологии. Он предлагает свернуть плоскость в точку и называет это “крошечной онтологией” (*tiny ontology*): “Двухмерную метафору плоской онтологии можно заменить непростраственным, одномерностью. Раз уж ни одна сущность не существует в меньшей степени, чем любая другая, вместо того чтобы распределять их по двухмерной поверхности плоской онтологии, мы могли бы сжать все в бесконечно плотную точку. Взамен *поверхности* плоской онтологии я предлагаю точку крошечной онтологии”³⁸⁴. Плоская онтология, по мысли Богоста, предполагает, что иерархии бытия не существует, и все объекты равны в своем существовании, а крошечная онтология предлагает снятие бытия: “*бытие в целом* — такой же объект, как и все остальные”³⁸⁵. Он считает,

³⁸¹ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 246.

³⁸² Там же. С. 56.

³⁸³ Там же. С. 56.

³⁸⁴ Богост И. Чужая феноменология. С. 33.

³⁸⁵ Там же. С. 34.

что крошечная онтология больше соответствует хармановскому пониманию объектов как сингулярностей, содержащих в себе целые вселенные и в то же время окруженных пустотами частных вакуумов, в которые они изъяты. В этом смысле реальные объекты представляют собой своеобразные чёрные дыры, в которых “мы находим беспредельную плотность ... которая сплющивает все различия в неразличимость”³⁸⁶. Если для плоской онтологии выражающую ее формулу можно записать как “Все вещи одинаково существуют, хотя они и не существуют одинаково”, то для крошечной онтологии она звучит как “[вещи] просто есть”³⁸⁷.

К крошечной онтологии Богоста можно предъявить ту же претензию, что и к плоской онтологии Брайанта: она не учитывает, что объекты в ООО делятся на два типа, обладающих разным онтологическим статусом. Сворачивание онтологической плоскости в точку никак не объясняет особенностей онтологического “разлома”, постулируемого объектно-ориентированной онтологией. В этом плане как плоская, так и крошечная онтологии оказываются избыточными для определения фундаментальных принципов ООО.

Выводы из § 2.1

Метафизика объектов в рамках объектно-ориентированной философии выстраивается вокруг фундаментального принципа онтологической первичности объектов. Ее главная задача – защитить автономию объектов от редукции, с одной стороны, – к человеческому доступу, с другой – к частям, отношениям или глубинным началам. Первое – связано с критикой философии человеческого доступа или корреляционизма. Второй – с критикой эпистемологических стратегий срывов.

³⁸⁶ Там же. С. 34.

³⁸⁷ Там же. С. 34.

Понятие философия человеческого доступа появляется уже в первой работе Грэма Хармана “Инструмент-сущее”, с его помощью он описывает такую философскую установку, которая интересуется не объектами, а человеческим доступом к ним. Ее появление он вслед за Бруно Латуром приписывает Иммануилу Канту. А на необходимость разрыва с ней Хармана натолкнула философия А. Н. Уайтхеда. К философиям человеческого доступа он относит практически всю континентальную философскую мысль от И. Канта до С. Жижека за исключением Ф. В. Й. Шеллинга, А. Шопенгауэра, А. Н. Уайтхеда и частично – Ф. Ницше, Ч. Пирса и Дж. Дьюи.

Главной проблемой философий доступа становится онто-таксономическая ошибка – заблуждение относительно привилегированного онтологического статуса человека по отношению к другим объектам. Иными словами, Харман считает, что философы, стоящие на этой установке, неверно проводят онтологический “разлом”, внося в онтологию иерархичность и подрывая автономию объектов. Вместо того, чтобы провести его по линии реальное/воспринимаемое, они проводят его по линии человек/мир. Он различает две версии ФЧД: *сильную* – постулирующую, что вне связи человек/мир в реальности ничего не существует, и *слабую* – утверждающую, что мы не можем знать, существует ли реальность вне связи человек/мир, а потому мы не можем продвинуть мышление за ее пределы.

Критика философии человеческого доступа совпадала с позицией других философов, давших начало движению спекулятивного реализма, в частности – с критикой корреляционизма Квентина Мейясу. Причем, так, что Харман стал использовать их как синонимы. Однако, как показал Ники Янг, между ФЧД и корреляционизмом существуют значительные расхождения. Если Мейясу термином корреляционизм обозначает философии, которые провозглашают фундаментальную неспособность выйти за пределы человеческого знания, то Харман указывает на неспособность создать спекулятивную онтологию, выходящую за рамки человеческих способов понимания. Другими словами, расхождение между Мейясу и Харманом

закljučается в разном ответе на вопрос: какой должна быть основа спекулятивной философии – эпистемологической или онтологической.

В ранних работах Хармана его действительно мало интересовали эпистемологические аспекты преодоления философий доступа. Однако, начиная с 2011 г. он приступил к разработке критики стратегий эпистемологических срывов, которые редуцируют объекты либо к некоей глубинной реальности, первооснове, элементам (стратегия подрыва), либо к сумме их отношений, качеств (стратегия надрыва), либо и к тому, и к другому одновременно (стратегия двойного срыва). Они противоречат фундаментальному принципу первичности объектов, поскольку нарушают их автономию и сводят их к чему-то, чем они не исчерпываются. Харман считает, что эксплицитное, буквальное знание об объектах всегда представлено в виде одной из стратегий срыва. Но ООО не борется с знанием, а лишь предлагает отдавать себе отчет в ограниченности этих стратегий и не отождествлять их с реальностью.

Принцип онтологической первичности объектов и критика онто-таксономической ошибки подвела объектно-ориентированных философов к идее плоской онтологии: онтологического равенства всех сущих. В наиболее развернутом виде эту концепцию представил в “Демократии объектов” Леви Брайант. Однако, для Хармана идея плоской онтологии является хорошим стартом, но разочаровывающим финишем. Мы выделяем “сильную программу” плоской онтологии Брайанта, который настаивает на принципиальном онтологическом равенстве всех объектов и отсутствии онтологических иерархий, имея в виду исключительно реальные объекты ООО. И “слабую программу” Хармана, который справедливо отмечает, что воспринимаемые объекты – также объекты, и их онтологический статус отличается от реальных, поскольку они находятся с ними в отношениях зависимости. Харман указывает на неполноту плоской онтологии, которая не позволяет ей стать фундаментальным принципом ООО. Модификация Иена

Богоста – крошечная онтология – также не учитывает “разлом” между реальным и воспринимаемым.

§ 2.2. Теория объектов

В самом сердце объектно-ориентированной онтологии лежит представление о двух фундаментальных онтологических “разломах”, определяющих существование любых объектов в реальности. Первый “разлом” относится к различению реального и воспринимаемого, второй – целостного и множественного (объекта и его качеств). Сочетание этих аспектов образует квадратную матрицу, представляющую собой аналитическую схему структуры существования любого объекта. Эта схема именуется четверояким объектом (*quadruple object*) или четверицей Хармана.

Харман начал разрабатывать свою четверицу еще в первых двух книгах – “Инструмент-сущее” (2002) и “Партизанская метафизика” (2005). Ее основанием стало хайдеггеровское различение подручного (*Zuhandenheit*, *readiness-to-hand*) и наличного (*Vorhandenheit*; *presence-to-hand*), которое позже получило названия реального и воспринимаемого. При разработке концепции реального объекта и его качеств Харман обратился к теории сущности Х. Сублири и монадологии Г. В. Лейбница, а воспринимаемого – к интенциональному объекту Э. Гуссерля, а также теории восприятия Э. Левинаса и А. Лингиса. В Главе 1 мы рассмотрели генезис основных положений ООФ, которые нашли свою наиболее развернутую форму в работе “Четвероякий объект” (2011).

2.2.1. Воспринимаемый объект, эфир качеств и чёрный шум

Поскольку объектно-ориентированная философия Хармана отдает предпочтение объектам, его теория начинается с того их типа, который дан нам непосредственно в опыте – феноменов, или в терминологии ООФ – воспринимаемых/чувственных объектов (*sensual objects*)³⁸⁸. В отличие от реальных объектов, они всегда находятся в прямом доступе и “облеплены” или

³⁸⁸ Об особенностях перевода см. в 1.1.5.

“инкрустированы” постоянно меняющимися воспринимаемыми качествами. В разработке своей концепции Харман находит союзника в лице Эдмунда Гуссерля, ведь его теория интенциональных объектов отвергает выводы эмпиризма (Дж. Локк, Дж. Беркли и др.), сводящего объекты опыта к пучкам их качеств, что надрывает, с его точки зрения, целостность объекта. Однако, не меньшее, хотя и не столь очевидное, влияние на эту часть модели четвероякого объекта оказали работы Эммануэля Левинаса и учителя Хармана – Альфонсо Лингиса. В этом параграфе мы не только предпримем попытку разобраться в содержании концепции воспринимаемых объектов, но и углубимся в особенности ее появления.

Харман всегда подчеркивал, что именно феноменология Гуссерля стала для него отправной точкой для разработки концепции воспринимаемых объектов³⁸⁹. Она дала ему возможность сохранить целостность объекта, несмотря на постоянно меняющийся внешний вид. Впервые он обратился к ней в Главе 2 “Партизанской метафизики”. Однако, его оригинальная интерпретация Гуссерля в контексте ООФ “встретила у широкой гуссерлианской публики дружеское недоумение”³⁹⁰ на ежегодном конгрессе *Nordic Society for Phenomenology* в Рейкьявике (2006) – того самого, где Харман вступил в схватку с “гуссерлианской мафией”.

Чтобы отстоять целостность объекта, Харман обращается к понятию интенциональности, которому дал новую жизнь Ф. Brentano и значительно развил его ученик Гуссерль. Именно интенциональность, с точки зрения Хармана, делает феноменологию близкой к объектно-ориентированному философии, ведь “сознание всегда осознает что-то”³⁹¹ – то есть имеет дело с объектами: “Я складываю газету и поражаюсь глубоким синим оттенкам

³⁸⁹ Харман не дает четкого объяснения, почему термин “интенциональный объект” не подходит для его теории. Он говорит о “стерильности” этого понятия и той путанице, которая возникает в их отношении между феноменологами и аналитическими философами (Четвероякий объект. С. 35–36). Однако, на наш взгляд, он не подходит для ООФ в первую очередь потому, что понятие интенции находится в слишком тесной связи с сознанием и не подходит для описания объектов, не обладающих им или его аналогами, к которым с некоторыми оговорками можно было бы применить понятие интенциональности. По той же причине мы предлагаем отказаться от понятия чувственный объект в качестве перевода *sensual object*.

³⁹⁰ Harman G. *Physical Nature and the Paradox of Qualities* (2006) // *Towards Speculative Realism* (e-Book). P. 185.

³⁹¹ Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 21.

озера; у меня горит язык от карри из нута; я чувствую электрический заряд в шерсти котенка или осматриваю повреждения своей хижины после торнадо... Никогда они [объекты] не рассматриваются как некое легкомысленное преддверие жутковатого рокота бытия. Для феноменологии драма мира разворачивается в рамках конкретных проявлений, а не за ними или под ними”³⁹². Но всё же Гуссерля нельзя причислить к объектно-ориентированным философам в том же смысле, каким считает себя Харман: он объектно-ориентированный идеалист³⁹³, а не реалист. “Призывая вернуться к самим вещам, феноменология парадоксальным образом принимает их во внимание лишь в той мере, в какой они являются”³⁹⁴, – пишет Харман. Однако, он не отказывается от ее наработок, но использует их в той мере, в какой они приносят результат его собственной объектно-ориентированной философии. Феноменология составляет кусочек паззла в модели четвероякого объекта, но не описывает ее целиком. А взятая отдельно от общей картины ООО – даже противоречит ей. Например, Харман считает ошибкой “исключение независимого естественного мира из пределов философии”³⁹⁵, то есть отказ от естественной установки. Но в то же время использует феноменологическую редукцию как элемент в своей теории.

“И пускай Гуссерль ограничивается только областью интенциональности, он обнаруживает интереснейший разлом в ее пределах – разлом между объектами и их качествами”³⁹⁶, – пишет Харман. Этот “разлом” позволяет объяснить, почему сохраняется целостность объекта, несмотря на его меняющийся внешний вид.

Том Спэрроу в своем исследовании “феноменологической части” теории Хармана выделяет две главные задачи, которые тот решает в связи с интенциональностью: “Весь проект Хармана [в области пересечения с феноменологией], по его собственному признанию, представляет собой

³⁹² Ibid. P. 21.

³⁹³ Харман Г. Четвероякий объект. С. 30.

³⁹⁴ Там же. С. 31.

³⁹⁵ Там же. С. 31.

³⁹⁶ Там же. С. 30.

попытку радикализировать два парадокса интенционального существования. Во-первых, в рамках интенционального акта субъект и объект сливаются в единое отношение, оставаясь при этом отдельными друг от друга и от других объектов в их окружении. Во-вторых, любой интенциональный объект содержит в себе напряжение между своим единым ядром и чувственно воспринимаемой (*sensuos*) поверхностью. Неудивительно, что эта “вражда” (*enmity*) внутри отдельных объектов поднимает важный вопрос о единстве объекта”³⁹⁷. Решение этих задач он находит в эйдетической и феноменологической редукции Гуссерля, соответственно.

Начнем со второй: ее суть заключается в том, что объект остается тождественным себе несмотря на то, что его внешний вид постоянно меняется. Здесь Харман приводит свой знаменитый пример с водонапорной башней: “Феноменальная сфера для Гуссерля, напротив, разорвана поединком между объектами и содержанием, посредством которого они проявляются. Припомните ход любого феноменологического анализа. Допустим, Гуссерль обходит по кругу водонапорную башню с расстояния ста метров, в сумерках, в состоянии суицидальной депрессии. Пока он продолжает свое грустное путешествие, башня постоянно демонстрирует ему различные свои аспекты или ракурсы. В каждый момент переживания Гуссерля насыщаются всё новыми подробностями, но без того, чтобы данная башня каждую секунду становилась новой. Нет, башня – это единый «интенциональный объект», остающийся самотождественным несмотря на то, что он представляет себя при помощи колоссального многообразия различных восприятий. Мы всегда сталкиваемся с башней в некоем ее конкретном аспекте – *Abschattung* или наброске, как его называет Гуссерль”³⁹⁸. Но такие наброски не тождественны интенциональному объекту, который манифестируется ими. Если Гуссерль на рассвете в эйфорическом настроении увеличивает радиус обхождения башни

³⁹⁷ Sparrow T. The End of Phenomenology. P. 119–120.

³⁹⁸ В. И. Молчанов переводит *Abschattung* как оттенок – см.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. С. 209, 328.

по кругу до трехсот метров, она всё еще кажется ему той же самой башней, что и вчера, ближе к ночи. Объект всегда остается неизменным, несмотря на многочисленные постоянные изменения в его содержании”³⁹⁹. В том, что башня остается собой, несмотря на меняющийся внешний вид, Харман усматривает основание для различия между объектом и его качествами, которые находятся в отношениях “вражды”, “противостояния”, “поединка”, или “напряжения”. Однако, этот поединок разыгрывается лишь как аналитическая процедура, потому что качество не появляется в опыте само по себе, а только вместе с объектом: “Я никогда не сталкиваюсь с черным как с изолированным качеством, а только с чернотой чернил”⁴⁰⁰. Поэтому они всегда “инкрустированы” в поверхность воспринимаемого объекта.

Но Харман обращает также внимание, что напряжение между воспринимаемым объектом и воспринимаемыми качествами — не единственное: “Чувственные пёс, сосна и маяк различаются между собой не только лишь потому, что различаются их переменчивые акциденции. Удаляя этот поверхностный шум посредством метода эйдетической вариации Гуссерля, мы всякий раз получаем не одно и то же бессвойственное единство для каждого чувственного объекта... Нет, мы достигаем того, что Гуссерль называет *эйдосом* объекта”⁴⁰¹. Эйдос объекта не доступен непосредственно в опыте как акциденция, он постигается в результате т. н. категориального созерцания (идеации). При этом, “эйдетические свойства какого бы то ни было объекта не могут быть проявлены при помощи рассудка — их можно достичь лишь окольным путем аллюзии”⁴⁰². Такие свойства или качества Харман называет *реальными* или *эйдетическими*. И это — результат обращения к эйдетической редукции Гуссерля.

Здесь следует оговориться, что Харман понимает под воспринимаемыми качествами переживаемое в опыте содержание, атрибуты объектов или их

³⁹⁹ Харман Г. Четверойкий объект. С. 33–34.

⁴⁰⁰ Там же. С. 82.

⁴⁰¹ Там же. С. 36.

⁴⁰² Там же. С. 37.

акциденции. В то время как Гуссерль относит это понятие к интенциональным актам. В “Партизанской метафизике” в одной из сносок, рискующих быть незамеченными, Харман сам фиксирует это отличие: “На самом деле Гуссерль использует слово «качество» в противоположном смысле как понятие, относящееся к нашим интенциональным актами, а не к воспринимаемому материалу⁴⁰³. Но я сохраняю традиционное использование слова «качества» для обозначения специфических атрибутов вещи”⁴⁰⁴. Столь разное использование понятия “качеств” способно внести терминологическую путаницу. Впрочем, ее можно избежать, если принять, что термины не связаны друг с другом. Воспринимаемые качества Хармана относятся к наброскам или оттенкам (*Abschattung*) как “временным ощущениям”, которые у Гуссерля связаны с постоянно меняющимся содержанием исследуемого им “потока сознания”⁴⁰⁵.

В действительности Харманово понимание чувственных /воспринимаемых качеств восходит не к Гуссерлю, а к Э. Левинасу. В “Партизанской метафизике” он цитирует следующий пассаж французского философа: “Ведь на самом деле чувственно воспринимаемые (в англ. версии – *sensible*) объекты, которыми мы наслаждаемся, уже претерпели некую обработку. Чувственно воспринимаемое качество уже цепляется за субстанцию, так что в дальнейшем нам предстоит анализировать значение чувственно воспринимаемого объекта как вещи”⁴⁰⁶. По мнению Хармана, Левинас показывает, что “между пассивным восприятием ощущения и активным формированием объекта не существует никакой абсолютной границы”⁴⁰⁷. А значит разница между качествами интенционального акта, формирующего объект через активное представление (*representation*), и свойствами интенционального объекта, данного в пассивном наслаждении (*enjoyment*), относительна и зависит от системы отсчета. Существенно только

⁴⁰³ Прим. А. Ш.: см., например: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 434–435.

⁴⁰⁴ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 258.

⁴⁰⁵ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 328.

⁴⁰⁶ Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Избранное: Тотальность и бесконечное. С. 155.

⁴⁰⁷ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 39.

то, что существует “раскол (*schism*) между вещью как единым целым и мириадами чувственно воспринимаемых аспектов”⁴⁰⁸.

Между тем, влияние Левинаса на формирование теории объектов Хармана оказывается гораздо более широким, чем упомянутая корректировка феноменологии Гуссерля. Наслаждение отнюдь не тождественно представлению. Для Левинаса интенциональность наслаждения “заключается в признании экстериторности, которую содержащийся в представлении трансцендентальный метод «отстраняет»”⁴⁰⁹. Это означает, что в центре восприятия мира находится не сознание и мышление, а тело: “Нагое и испытывающее нужду тело есть несводимое к мышлению преобразование представления в жизнь, представляющей субъективности – в жизнь, которая поддерживается этими представлениями и которая ими живет; его нужда – его потребности – утверждают “экстериторность” как не-конституированную, существующую до всякого утверждения”⁴¹⁰. Наслаждение как форма телесного восприятия предшествует представлению: “с того момента, как я открываю глаза: открывая их, я уже наслаждаюсь зрелищем”⁴¹¹, – пишет Левинас. Оно, по словам Спэрроу, оказывается чем-то более первозданным (*primordial*) по отношению к интенциональным объектам⁴¹².

Исследование способа, которым даются нам вещи в наслаждении, приводит Левинаса к понятию *среды*. Он пишет, что “вещи доходят до представлений из каких-то глубин, где они возникают и куда возвращаются при нашем наслаждении ими... Они проступают в среде, откуда мы их и берем”⁴¹³. Эта скрытость вещей от представлений, конечно же, моментально вызывает ассоциации с хайдеггеровским различением подручного и наличного, а в терминологии ООО – реального и воспринимаемого. И здесь

⁴⁰⁸ Ibid. P. 39.

⁴⁰⁹ Левинас Э. Тотальность и бесконечное. С. 147.

⁴¹⁰ Там же. С. 147.

⁴¹¹ Там же. С. 149.

⁴¹² Sparrow T. The End of Phenomenology. P. 122.

⁴¹³ Левинас Э. Тотальность и бесконечное. С. 150.

можно согласиться со Спэрроу, что обращение к Левинасу дает Харману степень реализма, недоступную философии Гуссерля⁴¹⁴.

Левинас также называет среду – *стихией*, содержанием без формы, качествами или свойствами без сущности⁴¹⁵. Доступ к этим бесформенным чистым свойствам осуществляется через восприимчивость (*sensibility*), которая у Левинаса является *способом наслаждения*: “Существующие в мире объекты мышление видит пребывающими в пустоте, в то время как ощущению (и жизни) они предстают на горизонте, полностью скрадывающим эту пустоту. Восприимчивость касается их “изнанки”, не задаваясь вопросом о их лицевой стороне: именно это находит свое отражение в чувстве удовлетворения”⁴¹⁶. Харман, вслед за своим учителем Альфонсо Лингисом, называет эту среду *эфиром*⁴¹⁷. Он имеет рыхлую консистенцию и не обладает сущностью⁴¹⁸, но опосредованно связывает изъятые из всех отношений реальные объекты друг с другом – через него они осуществляют взаимодействие⁴¹⁹. Однако, этот *чувственный эфир* (*sensual ether*) не однороден, а имеет многоуровневую структуру – к такому выводу приходит Харман, обращаясь к работам Лингиса.

По Лингису, само восприятие вещей имеет императивную структуру: вещи отдают приказы, как их правильно воспринимать: “Мы чувствуем подлинное (*real*) тепло или холод вещей, даже если среда меняется. Мороженое ощущается холодным, как в теплый день, так и в холодный; человек чувствует себя тепло под одеялом и в теплой воде бассейна... Мы слышим реальный голос человека сквозь одеяло, которое приглушает звук, или в телефоне, который искажает его голос”⁴²⁰. Проще говоря, наше восприятие формируется не произвольно, а на основании правил, которые задаются скрывающимися от нас реальными вещами.

⁴¹⁴ Sparrow T. The End of Phenomenology. P. 122.

⁴¹⁵ Левинас Э. Тотальность и бесконечное. С. 150–151.

⁴¹⁶ Там же. С. 154.

⁴¹⁷ См., например: Lingis A. Imperative. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1998. P. 106.

⁴¹⁸ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 38.

⁴¹⁹ Ibid. P. 76.

⁴²⁰ Lingis A. The Imperative. P. 52.

Как и в случае Левинаса, опосредующим звеном между скрытыми сущностями и воспринимаемыми объектами становится эфир качеств. Однако у Лингиса этот эфир делится на уровни (*levels*), которые “представляют собой не особенность человеческого восприятия... а особенность самой реальности”⁴²¹. Спэрроу отмечает, что для Лингиса уровни “существуют где-то между умопостигаемой формой и бесформенным качеством, которое Левинас называет стихийным”⁴²². Харман приводит пример: “Париж для ученого, ребенка и чайки – это разные места, но все они исследуют очертания одного и того же города”⁴²³. Таким образом, уровень представляет собой “место, где объекты физически отсутствуют, но куда они фосфоресцируют (*phosphoresce*), передавая все свои качества, и посредством которого они коммуницируют друг с другом”⁴²⁴. Эти уровни – реальны – в том смысле, что не зависят от особенностей восприятия. Как замечает Спэрроу, они “образуют эстетическую среду, которая обуславливает любое интенциональное и причинное отношение”⁴²⁵. Последнее замечание Спэрроу оказывается особенно важным для нашей корректировки ООО, о которой речь пойдет в § 2.2.7.

Лингис – единственный из феноменологов, которого Харман не обвиняет в философии человеческого доступа. Ведь в отличие от Левинаса и др., американский феноменолог считает, что объекты способны порождать свою форму независимо от воспринимающего их человеческого сознания и создавать свои собственные неповторимые смыслы, которым люди скорее подчиняются, чем сами производят. Кружка горячего кофе предписывает человеку брать ее за ручку, чтобы не обжечься. Эта императивность вещей оказывает влияние в числе прочего и на человеческое поведение, в том числе – этическое. Харман любит повторять примеры, приведенные Лингисом, о том, что безнравственно запивать дорогой шоколад кока-колой или слушать

⁴²¹ Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 67.

⁴²² Sparrow T. *The End of Phenomenology*. P. 135.

⁴²³ Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 67.

⁴²⁴ *Ibid.* P. 67.

⁴²⁵ Sparrow T. *The End of Phenomenology*. P. 135.

поп-музыку в наушниках в древнем храме Киото во время прекрасного снегопада⁴²⁶. Речь здесь идет о неуместности поведения по отношению к императивам, которые предписывают окружающие объекты. Насколько снегопад в Киото в реальности предписывает его созерцать в тишине, а не под навязчивую популярную мелодию, вопрос спорный; бесспорна же здесь заявленная Лингисом и поддержанная Харманом связь этики с эстетикой.

Завершая обзор концепции воспринимаемого объекта и его качеств, необходимо упомянуть еще один важный термин, который использует Харман, – чёрный шум (*black noise*). В акустике – это такой вид шума, для которого характерны энергетические всплески на фоне преобладающей тишины. В области электромагнитных волн чёрный шум аналогичен спектральным линиям, интенсивность излучения или поглощения которых намного больше или меньше, чем в соседних областях спектра.

Термином *чёрный шум* Харман описывает объекто-подобную (*object-like*) структуру окружающих объекты облаков качеств, которые при восприятии становятся эфиром. “Любой шум, выходящий за пределы объекта нашего внимания, структурирован в той же степени, что и сам объект. Это не белый шум, состоящий из шипящих хаотичных качеств, которым человеческое сознание должно придать форму, а скорее чёрный шум, состоящий из приглушенных объектов, парящих у границ нашего внимания... В данном случае чёрный шум означает объектоподобный статус облаков качеств, окружающих такой объект... Чёрный шум отсылает к объектно-ориентированному характеру излучения, исходящего от объектов, которое окружает нас как постоянный чувственный эфир”⁴²⁷.

Как и в случае с уровнями Лингиса, речь здесь идет о том, что мы воспринимаем объекты в определенной, а не произвольной форме. Чёрный шум указывает на с одной стороны, на неразрывность воспринимаемых качеств с воспринимаемым объектом, с другой – на спектральный характер их

⁴²⁶ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 67–68

⁴²⁷ Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 183–184.

структурирования вокруг объекта, то есть устойчивые паттерны восприятия. Он отличается от белого (хаотического) шума сырых квалиа⁴²⁸. Так, при восприятии жирафа его голова оказывается консистентной телу, а не принимает форму крокодильей. Возможные сбои в восприятии, связанные с переживанием странного (*weird*) как осознания нереальности воспринимаемых объектов, мы обсудим ниже (§ 2.3.2) в связи с концепцией тёмного познания (*dark cognition*) Тимоти Мортонa.

На основании концепции чёрного шума еще один объектно-ориентированный онтолог, Иен Богост, так формулирует задачу спекулятивной философии: “Наша задача как философов заключается в усилении чёрного шума объектов для того, чтобы заставить резонирующие частоты их внутреннего содержания производить гудение, различимое и достоверное для нас. Наша задача – писать спекулятивную прозу о процессах, единичных операциях. Нам необходимо испачкать руки в жире, соке, порохе и гипсе. Наше дело – пойти туда, где все уже были до нас, но лишь немногие смогли остаться”⁴²⁹.

В одной из малоизвестных статей “Нулевое лицо и псьюхе” (2009)⁴³⁰ Харман предлагает интересную интерпретацию воспринимаемого объекта как *информации* (*information*), через восприятие которой взаимодействуют между собой реальные объекты. Для Хармана информация – это другое название для интенционального объекта⁴³¹. Проблематичность такого именования заключается в том, что среди значений понятия информация в наименьшей степени имеется в виду что-то объектоподобное. Скорее информация указывает на “данные”, которые в лучшем случае можно связать с эфиром качеств, в худшем – с “сырыми” эмпирическими данными, обращение к которым противоречит теории интенционального объекта. Хотя в некоторых случаях понятие информации оказывается удачным, когда речь идет о

⁴²⁸ Харман Г. Четвероякий объект. С. 132.

⁴²⁹ Богост И. Чужая феноменология. С. 48.

⁴³⁰ Harman G. Zero-person and the Psyche // *Mind that Abides*. P. 253–282.

⁴³¹ *Ibid.* P. 275.

взаимодействии объектов, к которым невозможно применить термины, связанные с чувственным восприятием. Харман в статье приводит в пример электроны и протоны. В этом случае (чувственный) эфир становится информационным пространством.

Предложенные в “Партизанской метафизике” концепции эфира, уровней, чёрного шума и информации, не находят своего развития в “Четверояком объекте”. Однако, на наш взгляд, это не означает, что в них не нет потенциала для дальнейшей работы в рамках ООО.

2.2.2. Реальный объект, нулевое лицо, ноумен

Одно из наиболее частых заблуждений относительно концепции реального объекта Хармана, что это – лишь очередная версия кантовской вещи-в-себе, “новое платье ноумена”. Однако, в Главе 1 мы уже выяснили, что концепция реального объекта возникла не под влиянием философии И. Канта, а благодаря концепции *Zuhandenheit* М. Хайдеггера, а также теории сущности Х. Субири и монадологии Г. В. Лейбница. Сам термин “реальный объект” (*real object*) появился в “Партизанской метафизике” и заменил собой более ранний – “инструмент-сущее” (*tool-being*).

Обсуждая тему реальных объектов, необходимо сначала затронуть вопрос о том, как Харман понимает реальное и реальность. Главный онтологический “разлом” для него проходит по линии реальное/воспринимаемое, а не по линии реальное/идеальное. Реальные объекты не ограничиваются – физическими или материальными. Идеальные объекты такие как математические и геометрические абстракции для него столь же реальны, как и вымышленные персонажи. Харман отвергает четыре, как он их называет, ложных предположения относительно реальности объектов, которые редуцируют область реального до каких-то ее регионов: физикализм – сведение реальности объектов к их материальности; меньшизм (*smallism*) – наделение реальностью только малейших элементов или “кирпичиков” бытия;

антификционализм – реальность существует только во “внешнем мире”, умопостигаемые объекты – нереальны; буквализм – реально то, что можно описать точно изложенным буквальным пропозициональным языком⁴³².

Поскольку Харман настаивает на первичности объектов, реальное для него должно быть объектно-ориентированным. В этом смысле нельзя говорить ни о какой реальности, как некоем вместилище реальных объектов, а только о реальных объектах. В итоге реальное становится техническим термином, противопоставленным воспринимаемому: всё, что не облечено в воспринимаемую форму – реально.

Главная характеристика реального объекта – его изъятость (*withdraw*) из прямого доступа других реальных объектов, из-за чего он не вступает с ними в прямые отношения. Это изъятие, как пишет Харман, “не обозначает никакого беспричинного мистического исчезновения вещей из имманентного пространства, это просто еще один способ сказать, что форма может существовать только в одном месте; она не может быть перемещена – в сознание или куда-то еще, – не будучи переведенной (*translated*) во что-то совершенно отличающееся от того, чем она была”⁴³³. Перевод происходит путем “излучения” данных, образующих чёрный шум в сфере восприятия других объектов. Совсем коротко суть концепции реального объекта можно выразить следующим образом: реальность объекта не тождественна его воспринимаемому образу. Или, как более поэтично пишет сам Харман, “никакому чувственному контуру этих вещей не под силу исчерпать их полной реальности, которая изымает себя во мрак подземного мира теней”⁴³⁴.

Иногда Харман пишет, что реальные объекты не просто изъяты из прямого доступа других объектов, но и из всех отношений вообще⁴³⁵. Эта фраза может вводить в заблуждение, как утверждение о невозможности для реального объекта любого взаимодействия. Здесь необходимо уточнить, что

⁴³² Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 26–39.

⁴³³ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 190.

⁴³⁴ Харман Г. Четвероякий объект. С. 50.

⁴³⁵ Там же. С. 55.

любое отношение Харман рассматривает как объектно-ориентированное и, фактически, – отдельный (воспринимаемый) объект⁴³⁶. В этом смысле изъятость реальных объектов из всех отношений следует понимать, как различие двух типов объектов.

Как и в случае с воспринимаемым объектом, реальный – представляет собой автономную единицу, которая не сводится к пучку своих черт, свойств или качеств. Как мы уже видели выше, Харман приходит к реальным качествам со стороны воспринимаемого объекта путем эйдетической вариации Гуссерля. Это качества, которые не даны нам напрямую, но постигаются с помощью аллюзии. Со стороны реального объекта он приходит к реальным качествам благодаря монадологии Лейбница: “Хотя монаде требуется быть одной монадой, ей также нужно множество качеств для того, чтобы быть тем, что она есть, и отличаться от прочих монад, а не состоять с ними в отношениях взаимозаменимости”⁴³⁷.

Обращение к монадологии в данном случае необходимо Харману, чтобы подчеркнуть, что автономные сущие (простые субстанции, или монады), чтобы различаться друг от друга, должны обладать свойствами⁴³⁸. Однако, ООО можно соотнести с монадологией и в некоторых других существенных моментах (даже в большей степени, чем это хотелось бы Харману, как мы увидим в § 2.2.5–2.2.6). К примеру, закрытость монад можно истолковать как их изъятость из прямого доступа. Лейбниц пишет: “Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти... Ни [другая] субстанция, ни акциденция не может извне проникнуть в монаду”⁴³⁹. Влияние одной монады на другую происходит “лишь через посредство Бога”⁴⁴⁰, что в ООО переосмысливается в концепции замещающей причинности (см. ниже § 2.3.1). При этом монада, как и реальный объект, – это не вечная идея, монада “подвержена изменению... и это изменение в каждой монаде

⁴³⁶ Харман Г. О замещающей причинности.

⁴³⁷ Харман Г. Четверякий объект. С. 56.

⁴³⁸ См. Лейбниц Г. В. Монадология. С. 414.

⁴³⁹ Там же. С. 413–414.

⁴⁴⁰ Там же. С. 422.

беспрерывно... естественные изменения монад исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады”⁴⁴¹.

Здесь можно вспомнить парадигмальный пример Хармана с взаимодействием хло́пка и огня: “Когда огонь сжигает хлопок, то он налаживает связь только с воспламеняемостью материала. Предположительно огонь не вступает во взаимодействие ни с запахом, ни цветом хлопка, коль скоро они имеют значение только для тех существ, что снабжены органами чувств. Бесспорно, огонь способен изменить или уничтожить эти свойства, лежащие за гранью его постижения, но делает он это не напрямую: окольным путем некоторой дополнительной черты хлопка, с которой могут соприкаться цвет, запах и огонь вместе взятые. Бытие хлопка изымается из пламени, даже если оно им истребляется. Бытие-хлопок (*cotton-being*) скрыто не только от феноменологов и работников текстиля, но ото всех сущностей, которые вступают с ним в контакт”⁴⁴². Несмотря на то, что огонь не имеет прямого доступа к цветку хлопка, тот всё же реагирует на взаимодействие с ним, обгорая. У Лейбница это происходит посредством вмешательства Бога, но у Хармана опосредующим звеном выступает воспринимаемый объект или информация (подробнее см. ниже – в § 2.3.1). Как отмечает Ники Янг, разбирая этот пример, “огонь относится только к воспламеняющимся свойствам хлопка, а не к хлопку как таковому”⁴⁴³. Огонь “эманерирует” свои “данные” в сферу восприятия хлопка, а тот получает эту информацию и реагирует на нее свойственным ему образом, претерпевая изменения. Причем, понимание времени у Хармана тоже вполне лейбницианское, что мы подробно обсудим в § 2.2.5.

Существенное различие между монадологией и ООО, помимо теологических импликаций первой, заключается в том, что для Лейбница монады представляют собой простые субстанции, тогда как помимо них

⁴⁴¹ Там же. С. 414.

⁴⁴² Харман Г. Четвероякий объект. С. 52.

⁴⁴³ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access. P. 49.

существуют еще и – сложные. Харман отвергает идею сложных или составных (композиционных) субстанций, агрегатов или машин⁴⁴⁴. Для него человек, его рука, клетка эпителия на руке и протон, входящий в их состав, в равной мере представляют собой объекты. В конечном счете Харман смещает значение понятия сущности с реального объекта на напряжение между реальным объектом и его реальными качествами.

Изъятость как главная характеристика реального объекта породила целый ряд сравнений концепции Хармана с ноуменом или вещью-в-себе Канта. Несмотря на то, что реальный объект появляется в философии Хармана без какой-либо отсылки к Канту, в более поздних работах он сдается под напором этих сравнений и сам вступает в игру, говоря даже о защите вещи-в-себе: “одна из отличительных черт ООО – ее настойчивое использование ноумена”⁴⁴⁵ или “защита ноумена, которую я веду... это рискованная позиция”⁴⁴⁶. Однако, в отличие от Канта, у которого различение ноумена и феномена производится чистым разумом, ООО утверждает, что на него способны не только разумные существа, но и любые сущие.

При этом Харман отрицает любые формы панпсихизма, в которых восприятие феноменов, производилось бы чем-то аналогичным разуму, сознанию, психе или субъекту. В этом вопросе его позиция отталкивается скорее от плотской феноменологии, отдающей приоритет в деле восприятия не субъекту, сознанию или разуму, а телу. Поэтому реальный объект представляет собой позицию не от первого лица, а от – нулевого (*zero-person*). Он вводит это понятие, “чтобы обозначить реальность любого объекта вне его взаимодействия с другими объектами любого рода”⁴⁴⁷. Для Хармана позиция от нулевого лица синонимична понятию сущности⁴⁴⁸. В свою очередь позиции от первого и третьего лица представляют конструкторы, или как он их называет – описания (*descriptions*), то есть отношения к другим объектам. Другими

⁴⁴⁴ См., например: Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 33–34.

⁴⁴⁵ Harman G. Skirmishes. P. 28.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 202.

⁴⁴⁷ Harman G. Zero-Person and Psyche. P. 261.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 262.

словами, позиция от нулевого лица соответствует реальному объекту, тогда как позиции от первого и третьего лица – воспринимаемым объектам. Харман пишет: “Тело никогда не бывает эквивалентно тому, что можно сказать или заметить о нем от третьего лица, равно как и разум (*mind*) не то же самое, что замечается о нем от первого лица: и разум, и тело находятся в позиции нулевого лица, совершенно независимо от любого опыта их восприятия”⁴⁴⁹.

И хотя Харман дальше никак не проблематизирует тему прямого доступа реального объекта к самому себе, на наш взгляд, понятие “от нулевого лица” имеет важное значение для ее развития. В случае человеческого восприятия вопрос, поставленный в рамках этой темы, звучал бы так: как человек воспринимает реальность самого себя, если любая форма мышления о себе становится воспринимаемым объектом?

2.2.3. Онтография четвероякого объекта

Модель четвероякого объекта представляет собой аналитическую схему онтологии любого объекта: его можно разложить на четыре полюса (RO, RQ, SO, SQ), находящиеся между собой в определенных взаимосвязях, которые для Хармана даже важнее, чем сами полюса⁴⁵⁰. Процедуру анализа четырех полюсов и связей между ними, которые он также делит на разные типы, он назвал *онтографией*.

Связь между объектом и качеством Харман называет напряжением (*tension*). Объект в ООО указывает на некую целостность, в то время как качества – на множественность форм реализации этой целостности, стремящейся к ее разрыву. В то же время качества никогда не существуют сами по себе, а только в сочетании с объектом. Этот “поединок” между объектами и качествами, в которых ни один из этих полюсов не может одержать вверх, и есть – напряжение.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 262.

⁴⁵⁰ Харман Г. Четвероякий объект. С. 99.

Вариантов сочетания реальных и воспринимаемых объектов и их качеств – четыре. И каждому из них соответствует напряжение, за которым стоит определенная онтологическая категория:

SO–SQ – время,

SO–RQ – эйдос,

RO–SQ – пространство,

RO–RQ – сущность.

Все эти категории оказываются производными от более фундаментальной реальности – объектов.

ООО рассматривает пространство и время как категории отношений между объектами, а не как абсолютные вместилища (С. Кларк, И. Ньютон). Этот тезис стал одним из самых критикуемых в теории Хармана, и мы рассмотрим его в отдельном параграфе, посвященном трудным вопросам. Здесь же пока коротко заметим, что Харман относит время к сфере восприятия, где оно указывает на то, почему мы можем говорить о целостности объектов, если они постоянно меняют свой вид. Воспринимаемые объекты, меняющие свои воспринимаемые качества, дают переживание времени – так реализуется напряжение SO–SQ. На наш взгляд, Харман ошибочно разделяет пространство и время и трактует первое как напряжение RO–SQ – взаимную игру отношения и не-отношения между двумя объектами. Мы считаем, что более адекватно его называть *энергией*, а пространство предлагаем рассматривать в связке со временем (см. подробнее в § 2.2.7). Категория эйдоса как напряжения SO–RQ появляется благодаря рассмотренному выше обращению к методу эйдетической вариации Гуссерля, а сущности как RO–RQ – монадологии Лейбница. Таким образом, наша модификация модели четвероякого объекта должна выглядеть следующим образом:

SO–SQ – пространство-время,

SO–RQ – эйдос,

RO–SQ – энергия,

RO–RQ – сущность.

Как мы уже упоминали выше качества неотделимы от объекта, а значит нам аналитически приходится их расщеплять. В случае с SO и SQ это расщепление (*fission*) принадлежит “самой природе восприятия”, как пишет Харман: “Собаки и деревья демонстрируют избыток чувственно воспринимаемых свойств, которые ежесекундно меняются, но это не заставляет нас каждый раз признавать в них различные объекты”⁴⁵¹. Объекты и качества в сфере восприятия находятся в постоянной *конфронтации* (*confrontation*).

Однако, реальное изъято из прямого доступа, и мы сталкиваемся с ситуацией, когда в случае перекрестных напряжений SO–RQ и RO–SQ к сфере восприятия принадлежит что-то одно. Харман называет это термином “сплавнение” (*fusion*), поскольку реальное в ней оказывается “вплавлено” в воспринимаемое. Чтобы обнаружить напряжение полюсов, необходимо произвести расщепление.

В случае SO–RQ мы воспринимаем напрямую только объект, в то время как реальные качества, оказываются скрыты от чувственного созерцания и доступны путем аллюзий лишь созерцанию категориальному: “Только теоретические усилия способны разобрать или реконструировать связь между ними”⁴⁵². Таким образом способом расщепления становится *теория* (*theory*). Здесь, конечно, невозможно не отметить корреляцию с платоническим созерцанием (*theoria*) эйдосов.

В RO–SQ, напротив, скрытым остается объект, в то время как его воспринимаемые качества сполна представлены в опыте восприятия. “Сама “невидимость” этого объекта делает невозможным часто происходящее в скучном повседневном опыте сжатие объекта вместе с его чувственными качествами в неразличимую смесь. Это сплавнение происходит, например, в

⁴⁵¹ Там же. С. 104.

⁴⁵² Там же. С. 105.

любых произведениях искусства”⁴⁵³. За расщепление здесь отвечает *аллюр*, или *очарование* (*allure*)⁴⁵⁴ – “ошеломляющий эмоциональный эффект, часто сопровождающий это событие в глазах людей... аллюр просто создает аллюзию на объект, не делая его внутреннюю жизнь непосредственно присутствующей”⁴⁵⁵. В более поздних работах Харман называет его поглощенностью (*absorbition*)⁴⁵⁶. Аллюр встречается в переживании красоты: “Есть бесчисленные примеры аллюра. В случаях красоты объект – не итоговая сумма цветов и пропорций на его поверхности, но род души, оживляющей эти черты изнутри и вводящей свидетеля в состояние головокружения или даже загнипнотизированности”⁴⁵⁷.

Кажется, что очарование, поглощенность и загнипнотизированность никак не соответствуют функции расщепления, которую приписывает аллюру Харман, а наоборот, они фиксируют сплавление. Однако, эстетическое познание, соответствующее напряжению RO–SQ, по Харману, устроено театрально, то есть в момент поглощенности происходит подмена реального объекта единственно доступным реальным объектом, то есть самым воспринимающим, который уподобляется актеру в системе Станиславского, играющему роль другого объекта. И аллюр здесь указывает на расщепление между RO и SQ в ситуации театральнойности познания (подробнее см. в § 2.3.3).

Наконец, RO и RQ полностью изъяты из сферы восприятия и их отношение никогда не становится частью опыта. Они тоже оказываются сплавлены между собой и способом их расщепления оказывается *причинность*

⁴⁵³ Там же. С. 105.

⁴⁵⁴ В нескольких переводах Г. Хармана на русский язык “*allure*” переводится как “аллюр”, что может привести к путанице, поскольку в нем теряется основное значение, заложенное самим автором. В русском языке слово “аллюр” чаще всего используется в отношении стиля бега лошадей и происходит от *allure* – фр. походка, бег. В то время как в английском языке *allure* означает “очарование”, “привлекательность”, “обаяние” и др., что вполне соответствует значению термина Хармана. Нам представляется более правильным переводить *allure* как очарование. Однако, с учетом плотного вхождения в русскоязычный философский обиход перевода “аллюр” мы будем использовать его как технический термин, иногда используя “очарование” в качестве альтернативы.

⁴⁵⁵ Харман Г. О замещающей причинности.

⁴⁵⁶ Харман Г. Искусство и объекты / пер. Д. Кралечкина. М. : Издательство Института Гайдара, 2023. С. 166–167.

⁴⁵⁷ Харман Г. О замещающей причинности.

(*causation*)⁴⁵⁸ – “процесс, странным образом родственный аллюру эстетического опыта”⁴⁵⁹.

Помимо напряжений, которые характеризуют отношения между объектами и их качествами, Харман обнаруживает еще шесть типов связей, касающихся либо только объектов, либо только качеств. Связи, относящиеся к объектам, он называет *юнкциями*⁴⁶⁰ (*junctions*), к качествам – *излучениями* (*radiations*).

Юнкции представляют собой следующие сочетания полюсов четвероякого объекта:

RO–RO – изъятость,

RO–SO – искренность,

SO–SO – смежность.

Два реальных объекта находятся между собой в отношениях изъятости (*withdrawal*) – это один из ключевых принципов ООО. Именно он лежит в основе теории замещающей причинности (*vicarious causation*), о которой речь пойдет ниже. Изъятость описывается логическим оператором дизъюнкции.

Отношение между реальным и чувственным объектами, напротив, представляет собой конъюнкцию и носит название искренность (*sincerity*). Харман рассматривает только один вариант связи RO–SO, когда “реальный объект как тот, кто переживает опыт, находится в непосредственном контакте с чувственным объектом”⁴⁶¹. Однако, такое объяснение не слишком удовлетворительное, поскольку в онтографической схеме реальным объектом должен быть не наблюдатель, а наблюдаемый объект. Можно иначе объяснить

⁴⁵⁸ Переводчики “Четвероякого объекта” на русский язык предлагают различать *causation* здесь как *причинение* и *causation* в случае, к примеру, замещающей причинности, как собственно *причинность*. Однако, у Хармана и то, и другое – это одна и та же причинность, на что косвенно указывает сравнение с аллюром и отсылка к Ф. Суаресу, воспроизводящая схему опосредованной причинности (Четвероякий объект. С. 106). Впрочем, переводчики оказываются непоследовательными и используют понятие “причинности” для расщепления RO–RQ (Там же. С. 126).

⁴⁵⁹ Там же. С. 106

⁴⁶⁰ Термин “юнкция” используется как в семиотике, так и в логике. В данном случае он указывает на основу логических операторов (например, дизъюнкция, конъюнкция и т. д.). Переводчики “Четвероякого объекта” предложили для *junctions* вариант (*co*)единения, однако его нельзя назвать удачным, поскольку все три связи представляют собой скорее варианты разъединения.

⁴⁶¹ Харман Г. Четвероякий объект. С. 129.

это так: наблюдатель переживает воспринимаемый объект как реальный, то есть в его опыте происходит вплавление наблюдаемого реального объекта в репрезентирующий его воспринимаемый. Способом удержания реального и воспринимаемого объектов становится в таком случае уверенность (*belief*), что за репрезентацией стоит реальность. Если схему взаимодействия между двумя реальными объектами представить как $RO-SO-RO^*$, где RO – наблюдаемый объект, а RO^* – наблюдатель, то искренность будет относиться к RO^*-SO , а уверенность – к $RO-SO$. Можно сказать, что SO становится своеобразным “крючком”, которым RO сцепляется с RO^* , ведь SO одновременно принадлежит обоим: онтологически он связан с RO (и вместе с ним входит в структуру четвероякого объекта), но феноменологически возникает в сфере восприятия RO^* .

Наконец, юнкция $SO-SO$ указывает на формат отношений воспринимаемых объектов между собой. Смежность (*contiguity*), фактически, тоже означает дизъюнкцию (хотя Харман называет ее *медиацией*), поскольку воспринимаемые объекты, не имея реальной автономии, не вступают во взаимодействия друг с другом, а просто одновременно находятся в сфере восприятия параллельно – как соседние⁴⁶².

Три излучения в теории Хармана – следующие:

$RQ-RQ$ – контракция,

$RQ-SQ$ – двоение,

$SQ-SQ$ – эманация.

Поскольку качества всегда соединены с объектом, рассуждение о сочетаниях качеств без объектов, представляется достаточно искусственной попыткой не оставлять без описания все возможные сочетания полюсов четвероякого объекта и полностью заполнить эту аналитическую схему. Харман сам отмечает, что сочетания $RQ-RQ$ и $SQ-SQ$ “в обычной ситуации... опосредуются чувственным объектом”⁴⁶³. Что это за обычная ситуация, и

⁴⁶² Слово “contiguity” также можно перевести как *соседство*.

⁴⁶³ Харман Г. Четвероякий объект. С. 128.

почему эти пары не могут быть опосредованы реальным объектом, он не объясняет. Для полноты картины нам придется рассмотреть онтографию связей между качествами (излучений) как ее описывает Харман: “В... случае, SQ–SQ, может показаться, что именно наблюдатель связывает их, поскольку, как мы видели, чувственное яблоко или собака существуют для того, кто сталкивается с ними. Но вспомним, что наблюдатель вообще не имеет прямого контакта с чувственными качествами. Это не более чем эмпирическая догма, отклоненная Гуссерлем, который показал, что мы всегда находимся в контакте с чувственными объектами, а качества – просто производная от этих объектов. В случае чувственных качеств связь устанавливается не напрямую, поскольку они, используя известный неоплатонический термин, *эмануруют* из одного и того же чувственного объекта. Мы также видели, что реальные качества большей частью существуют лишь в связи с чувственным объектом. Но это не может быть описано как эманация, так как реальные качества никоим образом не испускаются в представление. Поэтому более подходящим термином для реальных качеств в их в связи с чувственными объектами будет *контракция* Николая Кузанского. Оставшаяся пара, RQ–SQ, была уже мимоходом описана при обсуждении таких чувственных объектов, как дерево. В любой момент у дерева есть и реальные и чувственные качества, возможно, сильно отличающиеся друг от друга. По этой причине пара RQ–SQ может быть узнана под именем *двоения (duplicity)*”⁴⁶⁴.

На наш взгляд, все эти объяснения выглядят крайне неудачно и отчасти противоречиво. Харман в других местах использует термин “эманация” (*emanation*), когда говорит о переводе (трансляции) данных (качеств?) из реального объекта в эфир бесформенных качеств, в котором они становятся чёрным шумом и порождают воспринимаемые объекты⁴⁶⁵. Также он говорит об эманации воспринимаемых качеств из воспринимаемых объектов⁴⁶⁶. Но в любом случае эманация – это отношение между объектом и качествами, а не

⁴⁶⁴ Там же. С. 128.

⁴⁶⁵ См., например: Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 203, 223; Харман Г. Четвероякий объект. С. 82.

⁴⁶⁶ См., например: Харман Г. Четвероякий объект. С. 82, 85.

между качествами и другими качествами, которые, в свою очередь, находятся в сфере восприятия в отношениях смежности, как и воспринимаемые объекты, с которыми они соединены. Двоение (*duplicity*) становится просто технических термином-затычкой, который не имеет никакого смысла, кроме как заполнение недостающего элемента в аналитической схеме.

2.2.4. Концепция гиперобъектов

Существенным вкладом в теорию объектов ООО стала предложенная Тимоти Мортонем концепция *гиперобъектов*. И хотя он не следует эксплицитно четвероякой схеме, в ней мы также находим онтологический разлом реальное/воспринимаемое, а также различие объектов и их качеств.

Впервые Мортон использовал это понятие еще до знакомства с объектно-ориентированной философией в заключительной главе своей работы “Экологическое мышление” (2010). В ней он не дал никакого определения, но привел несколько примеров гиперобъектов – пенопласт, полистирол, плутоний и др. материалы, чья продолжительность жизни во много раз превышает историю пребывания человека на Земле. Мортон утверждает, что на появление термина его вдохновила песня исландской певицы Бьорк “Hyperballad” (1995)⁴⁶⁷. В изначальном варианте концепции гиперобъектов можно усмотреть влияние деконструкции Жака Деррида⁴⁶⁸, однако, после присоединения в 2010 г. к объектно-ориентированной онтологии Мортон пересобирает ее в новой форме, слабо совместимой с основными принципами деконструкции.

Эта концепция получила дальнейшее развитие в монографии “Гиперобъекты: философия и экология после конца мира” (2013). Мортон исследовал гиперобъекты не только средствами философии, но и через

⁴⁶⁷ Morton T. Hyperobjects and Creativity // Hyperobjects for Artists / ed. by T. Morton, L. Copelin, P. Gardner. Marfa, TX : Ballroom Marfa, 2018. P. 4.

⁴⁶⁸ См., в частности: Воронков А. Тёмная экология между письмом и инаковостью // Логос. 2019. Т. 29, № 5. С. 33–56.

искусство, привлекая к своей теории художников, дизайнеров, поэтов, писателей, композиторов др. В 2018 г. вышел сборник “Гиперобъекты для художников” с вступительным теоретическим эссе Мортон и работами таких известных деятелей искусства как художник Олафур Элиассон, писательница Урсула Ле Гуин, поэтесса Бренда Хиллман, композитор Дженифер Уолш и др.

По Мортону, гиперобъекты – это объекты, “широко – относительно людей – распределенные во времени и пространстве”⁴⁶⁹. Поскольку его концепция относится к разработке экологической критики и попытке поменять экологическое мышление, Мортон делает оговорку “относительно людей”, которая на первый взгляд выглядит корреляционистской. Однако, философ всячески отрешивается от корреляционизма через демонстрацию своей приверженности спекулятивному реализму и ООО⁴⁷⁰. Однако, Мортон понимает проблему корреляционизма несколько иначе, чем автор этого понятия, Квентин Мейясу. С его точки зрения, “проблема [корреляционизма] заключается не в конечности корреляции человек-мир, а в идее привилегированной трансцендентальной сферы”⁴⁷¹, в которую может воспарить мыслящий субъект, покидая пределы Вселенной и становясь на позицию Бога. Но, как говорит Мортон, “априорные синтетические суждения производятся внутри объекта, а не в некой трансцендентальной сфере чистой свободы”⁴⁷².

Мортон разделяет один из основных принципов ООО, согласно которому “существует радикальный раскол между объектом и его явлением-для какой-либо другой сущности”⁴⁷³. Иными словами, он принимает модель четвероякого объекта Хармана, в котором существует деление на реальный и воспринимаемый объекты. И здесь необходимо обсудить, относится ли

⁴⁶⁹ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 11.

⁴⁷⁰ В книге “Гиперобъекты” Мортон впервые называет себя объектно-ориентированным философом (с. 13), а также пишет, что “спекулятивный реализм несет здоровый импульс, направленный на то, чтобы вырваться из корреляционистского круга”: Мортон Т. Гиперобъекты. С. 21.

⁴⁷¹ Там же. С. 30.

⁴⁷² Там же. С. 30.

⁴⁷³ Там же. С. 13.

понятие “гиперобъект” к обоим типам Хармановских объектов, или он относится только к сфере восприятия.

С одной стороны, Мортон мыслит гиперобъекты как реальные: это полноценные самостоятельные объекты, а не собрания, системы или ассамбляжи, они реальны независимо от того, мыслим ли мы их или нет. Мортон утверждает, что “совершенно неверно говорить, будто гиперобъекты – это фикции (человеческого) воображения”⁴⁷⁴. С другой – тот факт, что гиперобъекты были открыты⁴⁷⁵ лишь в XXI веке, переводит это понятие в разряд объектов-для или особого типа воспринимаемых объектов. Свойства гиперобъектов, о которых речь пойдет ниже, тоже описываются Мортоном с точки зрения человеческого восприятия. На это также указывает основное определение гиперобъектов, в котором есть фраза “относительно людей”.

Это не значит, что Мортон встает на корреляционистскую позицию, просто контекст его исследования связан с человеческим восприятием – экологическим мышлением людей. И открытие гиперобъектов в какой-то момент человеческой истории указывает на то, что они существовали и до него. Однако, в концепции Мортонa приставка гипер-, описывающая определенный набор свойств, относится именно к объектам-для или, в терминологии Хармана, – воспринимаемым объектам, а для описания изъятых из прямого доступа реальных объектов она не дает ровным счетом ничего. Поэтому можно сделать вывод, что гиперобъекты Мортонa – это разновидность воспринимаемых объектов, за которыми скрываются недоступные познанию реальные объекты. Или другими словами – особый способ восприятия реальных объектов. В этом плане проведенное Дмитрием Хаустовым сравнение между “миром гиперобъектов” Мортонa и “миром-без-нас” спекулятивного реалиста Юджина Такера⁴⁷⁶ следует признать неудачным. Гиперобъект – это всегда объект-для, а не объект-без. Здесь скорее можно согласиться с замечанием Александра Вилейкиса, что “*гиперобъект* –

⁴⁷⁴ Там же. С. 12.

⁴⁷⁵ Там же. С. 32.

⁴⁷⁶ Хаустов Д. Тёмные теории. С. 214.

это лишь красивый образ, показывающий, как работают любые объекты”⁴⁷⁷, если под образом мы понимаем хармановский воспринимаемый объект.

Еще одно косвенное указание на то, что под гиперобъектами следует понимать воспринимаемые объекты, можно найти в тех философских задачах, которые Мортон ставит перед своей концепцией. Во-первых, он предлагает “отказаться от идеи возможности мета-языка, который мог бы объяснять вещи, оставаясь незагрязненным ими”⁴⁷⁸. По словам Мортон, постструктурализм потерпел в этом неудачу, которой должна избежать концепция гиперобъектов. Во-вторых, он стремится “установить, что представляет собой феноменологический «опыт» при полном отсутствии чего-либо, содержательно подобного «миру»”⁴⁷⁹. Подзаголовок книги “Гиперобъекты” – “Философия и экология после конца мира” на первый взгляд звучит как пример эколо-алармизма, но в данном случае речь идет именно о феноменологическом понятии “мир”. Обе задачи – отказ от метаязыка и понятия мира – относятся к сфере восприятия вещей и решаются с помощью гиперобъектов.

Главный посыл Мортон звучит так: мы всегда воспринимаем вещи, находясь внутри гиперобъектов, обладающих скрытой от нас реальностью, а значит, согласно ОО, и собственной сущностью. Отличие гиперобъектов от простых объектов – в том, что их невозможно объективировать. В то время как “мир” (как и возможность мета-позиции) мыслится как “пустое пространство” – чистое вместилище, “в котором плавают или неподвижно пребывают объективированные вещи”⁴⁸⁰. Таким образом, гиперобъекты попадают в “слепую зону” феноменологии мира, что сказывается на невозможности их помыслить и последующем отрицании их существования⁴⁸¹. Феноменология

⁴⁷⁷ Вилейкис А. И целого мира мало: политическое темной экологии // Логос. 2019. Т. 29, №5. С. 105.

⁴⁷⁸ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 13.

⁴⁷⁹ Там же. С. 13.

⁴⁸⁰ Там же. С. 129.

⁴⁸¹ Здесь следует отметить, что мир в феноменологическом смысле (при все многообразии и кардинальных различиях “феноменологий мира” у Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, О. Финка, К. Хельда и др.) – это не пустое пространство, населенное объектами, а горизонт, понимаемый, прежде всего, как непредметная целокупность и связь смысловых отсылок. В данном случае интерпретация мира Мртоном скорее соответствует

мира не замечает обусловленность восприятия средой гиперобъекта (или нескольких гиперобъектов), в которую неизбежно погружен наблюдатель. Можно сказать, что “мир”, как и “Природа”, “окружающая среда” и прочие обобщающие понятия, представляет собой фикцию человеческого восприятия, за которой нет никакого реального объекта.

Эту погруженность воспринимающего в гиперобъект Мортон описывает свойствами вязкости (*viscosity*) и нелокальности (*nonlocality*). По отношению к нему невозможно выстроить дистанцию, гиперобъект всегда ближе, чем кажется. Его невозможно локализовать: любая “локализация [гиперобъекта] – это абстракция”⁴⁸². Нет никакого “пустого пространства” между гиперобъектом и воспринимающим его. Последний “прилипает” к первому, и “вместе с такой очевидной интимностью приходит ощущение нереальности”⁴⁸³. Однако, по словам Мортонa: “Растворяется не реальность – растворяется субъект, сама способность “отражать” вещи, существовать отдельно от мира в качестве кого-то, кто смотрит на отражение в зеркале, будучи удаленным от него благодаря онтологической оболочке из отражающего стекла”⁴⁸⁴.

Чувство “приклеенности” к гиперобъекту возникает благодаря “липкой сетке вязкости”⁴⁸⁵. Здесь мы встречаемся с одним из ключевых понятий философии Мортонa – *сетка* (*the mesh*). Впервые оно, как и гиперобъекты, появляется в “Экологическом мышлении”: “Большинство слов, описывающих взаимозависимость, были скомпрометированы отсылками к Интернету – например, слово «network» (сеть). Либо – витализмом, верой в живую субстанцию. Слово «web» (сеть, паутина) на мой вкус слишком виталистское и немного интернетовское, поэтому оно проигрывает по обоим пунктам. «Mesh» (сетка) – это коротко, короче, во всяком случае, чем

обобщенной естественнонаучной картине мира, чем феноменологической установке. Мы благодарим М. А. Белоусова на указание этого несоответствия в подходе Мортонa.

⁴⁸² Там же. С. 64.

⁴⁸³ Там же. С. 46.

⁴⁸⁴ Там же. С. 50.

⁴⁸⁵ Там же. С. 45.

«взаимозависимость всего живого и неживого». «Сетка» может означать дыры в сети (*network*) и нити между ними... В более широком смысле «сетка» может означать «сложную ситуацию или ряд событий, в которых запутался человек; последовательность сдерживающих или ограничивающих сил обстоятельств; ловушку»⁴⁸⁶.

Помещая понятие “сетки” в контекст ООО, Мортон рассматривает ее как “интеробъективную систему”⁴⁸⁷, в котором осуществляется взаимосвязь всех сущих и возникает причинность. Интеробъективность становится у него более общим понятием, по отношению к которому известная нам по феноменологической теории intersubjectivity, оказывается частным случаем: “Так называемая intersubjectivity – совместное пространство, в котором резонируют человеческие смыслы, – представляет собой небольшую область гораздо более обширного пространства интеробъективных конфигураций... Intersubjectivity следует мыслить, как частный случай интеробъективности, который знаком и привычен людям. Иными словами, «intersubjectivity» в действительности является человеческой интеробъективностью, границы которой очерчены таким образом, чтобы исключить из нее не-людей... Все без исключения сущности взаимосвязаны в рамках интеробъективной системы, которую я называю *сеткой* (*mesh*)”⁴⁸⁸.

Сетка “не стягивает вещи, но скорее парит «над» ними или проплывает «перед» этими вещами”⁴⁸⁹. В другой работе, вышедшей в том же году, что и “Гиперобъекты”, – книге “Реалистская магия” (2013) – Мортон определяет сетку похожим образом: она плавает “перед” объектами “онтологически, а не физически”⁴⁹⁰. Она плавает или парит “над” или “перед” объектами, потому что реальность последних находится по ту сторону “разлома” (*rift*) между реальным и воспринимаемым, или, как еще пишет Мортон, скрыта в “бездне”

⁴⁸⁶ Morton T. *The Ecological Thought*. P. 28.

⁴⁸⁷ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 109.

⁴⁸⁸ Там же. С. 107–109.

⁴⁸⁹ Там же. С. 109.

⁴⁹⁰ Morton T. *Realist Magic*. P. 24.

(*abyss*), которая точно так же, как сетка – интеробъективна⁴⁹¹. Сетка состоит из связей и зазоров, которые “позволяют происходить опричиниванию”⁴⁹². Мортон пишет: “В терминах Хармана, эта сетка есть чувственный эфир (*sensual ether*)”⁴⁹³.

У Хармана чувственный эфир – это общая среда, в которой происходит не прямое взаимодействие между двумя реальными объектами⁴⁹⁴. Она представляет собой внутреннее пространство (*interior*) более крупного объекта, внутри которого разворачивается взаимодействие, вполне соответствующего в этой своей характеристике гиперобъекту. Эфир также связан с другим понятием Хармана – чёрным шумом, который “относится к объектно-ориентированному характеру излучения объектов, окружающего нас как постоянный чувственный эфир”⁴⁹⁵. Другими словами, этот эфир или сетка представляет собой неоформленный набор данных, исходящих от реальных объектов, из которых затем конструируются воспринимаемые объекты. Мортон сравнивает этот момент с форматом записи MP3 или цифровой картинкой JPEG – и то, и другое представляет собой “весьма перфорированную версию исходного [звука или изображения]”⁴⁹⁶. Точно так же человеческое зрение или слух использует для формирования образа в сознании лишь небольшую часть поступающих в органы чувств сенсорных данных. Эту перфорированную сетчатую структуру он называет *meshwork*⁴⁹⁷.

Поскольку данные от реальных объектов распространяются в общей среде гиперобъекта, это позволяет говорить о некоторой общности их восприятия – интеробъективном резонансе, который, с одной стороны, оформлен в каждом индивидуальном восприятии по-своему, но с другой – указывает на один и тот же реальный объект. “Гиперобъекты, – пишет Мортон, – представляют отличные примеры интеробъективности, в частности то, что

⁴⁹¹ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 109.

⁴⁹² Там же. С. 109.

⁴⁹³ Morton T. *Realist Magic*. P. 75.

⁴⁹⁴ Harman G. *Guerilla Metaphysics*. P. 189.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 184.

⁴⁹⁶ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 109.

⁴⁹⁷ Там же. С. 109.

ни одна вещь не переживается в опыте непосредственно, но только будучи опосредованной другими сущностями в некоем разделяемом ими чувственном пространстве”⁴⁹⁸. Создание среды для интеробъективности – еще одно свойство гиперобъектов.

Однако, общее “чувственное пространство” или “окружающая среда” не следует понимать буквально как место или расположение – это метафора. Что касается времени и пространства Мортон солидарен с Харманом в том, что они – не ньютоновские абсолютные вместилища, а результат отношений. Однако, в его подходе есть существенное отличие от того, как эта тема представлена в модели четвероякого объекта (подробнее о том, как Харман понимает время и пространство см. далее). Мортон говорит о пространстве-времени как единой категории, в отличие от Хармана, который рассматривает их по отдельности, связывая с различными напряжениями между полюсами четвероякого объекта (время – SO–SQ, пространство RO–SQ).

Мортон дает следующее определение: “Пространство-время – это не пустой ящик, но ундулирующее силовое поле, которое эманерирует из объектов”⁴⁹⁹. В другом месте он пишет: “Ундулирующие ветви пространства и времени плавают перед объектами”⁵⁰⁰. Термин “undulation” также можно перевести как “колебание”, “вибрация”, “волновое движение”. Выше мы уже встречали другой термин Мортон, в описании которого были точно такие же слова: “плавает перед объектами” – это сетка (*mesh*). А ундуляция отсылает нас к интеробъективному резонансу как способу оформления воспринимаемого объекта из чёрного шума данных о реальном объекте.

Таким образом, пространство-время становится вибрирующим каркасом сетки, с помощью которой происходит восприятие объектов. С той лишь разницей, что форма этого каркаса похожа скорее на мягкотелого моллюска как в теории относительности Альберта Эйнштейна⁵⁰¹. Мортон пишет: “Когда

⁴⁹⁸ Там же. С. 112–113.

⁴⁹⁹ Там же. С. 86.

⁵⁰⁰ Там же. С. 84.

⁵⁰¹ Метафору моллюска Т. Мортон заимствует у Альберта Эйнштейна, который сравнивает его мягкотелость с деформацией тела в гауссовой системе координат и называет это *Mollusken-Bezugssystem*, нем. – система

время, испускаемое одной сущностью, пересекается со временем, испускаемым другой сущностью, возникает интерференционная картина... Эта интерференционная картина известна как *фазирование*⁵⁰². Время и пространство человеческого восприятия не совпадает с временем и пространством бактерии или чёрной дыры в центре нашей галактики. Однако, они резонируют в моменты наблюдения, создавая пространственно-временную интерференционную картину на поверхности сетки, подобно тому, как в эксперименте с двумя источниками волн и песком, сыпучий материал перераспределяется в интерференционный узор.

Сам по себе гиперобъект, в который “влип” наблюдатель – это не “пространство” или “окружающая среда” – это *“объект более высокой размерности, который мы не можем наблюдать непосредственно”*⁵⁰³. Эту особенность гиперобъектов Мортон называет фазированием: “они занимают многомерное *фазовое пространство*, вследствие чего их невозможно увидеть, как целое”⁵⁰⁴.

Большая часть примеров, которые он приводит связана с климатом Земли как гиперобъектом. Мы воспринимаем этот гиперобъект через другие объекты – дождь над Атлантикой, засуху в степях России, снегопад в Канаде, климатические карты на сайтах метеорологических агентств, математические модели, изменения в миграции птиц и зверей, таяние ледников в Альпах и их рост в горах Норвегии и т. д. Эти объекты выходят на передний план восприятия, в то время как связанный с ними гиперобъект, уходит в фон. Между ними возникает разрыв, который Мортон называет “ложным сознанием”, потому что и передний план, и фон – это всего лишь разные фазы одного и того же гиперобъекта. “Разрывы и разломы – это просто *незримое присутствие* самого гиперобъекта, который непрестанно маячит, ускользая от нашего взора”, – пишет он.

отсчета моллюска. Он пишет: “Время и пространство возникают из вещей, подобно зыбкой плоти морского ежа или осьминога”: Там же. С. 84.

⁵⁰² Там же. С. 89–90.

⁵⁰³ Там же. С. 100.

⁵⁰⁴ Там же. С. 92.

Капли дождя или ручьи от тающего ледника – это указатель или индексный знак (*indexical sign*) гиперобъекта под названием климат Земли – “знак, который является непосредственной частью того, на что он указывает”⁵⁰⁵. Соотношение гиперобъекта и его объектов-индексов можно описать как метонимию, в которой фазирование происходит через разрыв. Например, обращая внимание на то, что ледник в Альпах или на Кавказе отступил за десять лет на несколько десятков метров, мы подразумеваем, что климат глобально становится теплее. Через этот стилистический троп мы эстетически схватываем гиперобъект, который ускользает от буквального восприятия. Мортон пишет: “Фазирование – это эстетическое событие, чувственная [воспринимаемая] сущность-для какой-либо другой сущности (*entity*) или каких-либо других сущностей”⁵⁰⁶.

Разберем еще одно понятие Мортонa, связанное с интеробъективностью, бездной и сеткой – *бардо*. Философ заимствует его из тибетского буддизма. Слово “бардо” (тиб. *bar do*) означает “промежуток”, буквально – “между”⁵⁰⁷. У Мортонa бардо – это “интеробъективная бездна, в которой возникает причинность, – эстетическое измерение”⁵⁰⁸. Иными словами, бардо – это условное пространство между изъятым из всех отношений реальным объектом и сеткой или эфиром, представляющим собой набор данных об объекте. Тот самый зазор или разлом между реальным и воспринимаемым.

Как мы уже сказали, этот набор данных избыточен для создания воспринимаемого объекта. “В бардо вас обдувают «ветры кармы» – паттерны, которые вы накопили. Где находятся эти паттерны? В самой

⁵⁰⁵ Там же. С. 102.

⁵⁰⁶ Там же. С. 106.

⁵⁰⁷ Понятие бардо вводится в средневековом буддийском трактате “Бардо Тодол”, известном на Западе как “Тибетская книга мертвых”. В тибетской буддийской традиции различают шесть видов бардо: 1) промежуток между рождением и смертью (бардо жизни); 2) между – засыпанием и пробуждением (бардо сна); 3) между – бодрствованием и трансом (бардо транса). Три промежутка связаны с процессом смерти и перерождения: 4) момент смерти (бардо момента смерти, или *чикхай-бардо*); 5) переживание проблесков реальности (бардо реальности, или *чёнвид-бардо*); 6) поиск перерождения (бардо существования, или *сиднай-бардо*). См. подробнее: Турман Р. Тибетская книга мертвых. М. : Открытый Мир, 2005; Мулин Г. Тибетская книга мертвых (сборник). М. : Издательство АСТ, 2017.

⁵⁰⁸ Morton T. *Realist Magic*. P. 178.

интеробъективной бездне”⁵⁰⁹, – пишет он. Воспринимаемые объекты конструируются в сфере феноменального опыта (если мы говорим о людях), не только на основании данных органов чувств, но и на основе многочисленных паттернов, связанных с памятью, привычками, автоматизмами, различными мыслительными процедурами, символами и т. д. Иными словами, “карма” – это то, из чего собирается опыт восприятия; это – узор или спектр чёрного шума: “Вся реальность – это бардо (“между”, как говорит тибетский буддизм) или, скорее, серия бардо. Карма, а именно накопленные склонности и привычки, в которые вливаются вещи, есть то, что подпитывает бардо. Эти бардо – просто взаимоотношения между сущностями”⁵¹⁰.

В тибетском буддизме бардо – это не некое общее пространство, в котором путешествуют во сне, трансе или после смерти различные индивидуальные сознания, встречая мирных и гневных буддийских божеств, и бодхисатв. Это индивидуальное единичное пространство восприятия отдельного ума ясного света⁵¹¹, в котором всё, что он наблюдает в ходе путешествия, иллюзорно. Мортон удачно адаптирует термин “бардо” для описания зазора “между” (*bar do*) изъятый из прямого доступа реальным объектом и сетчатой структурой (*meshwork*), возникающей в результате восприятия данных от него другим реальным объектом. Эта сетка, которую воспринимающий накидывает на поступающие данные, у каждого реального объекта своя. Мортон описывает бардо как сон наяву (и даже как кошмар), а реалистическое мышление называет бардоподобным состоянием⁵¹². Оно представляет собой то, как переживается восприятие гиперобъектов как среды взаимодействия.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 179.

⁵¹⁰ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 72.

⁵¹¹ Ум ясного света (санскр. – *prabhāsvara*; тиб. – *'od-gsal*) – в буддийской философии Махаяны истинная природа сознания, тончайший уровень ментальной активности (ума), дхармическое тело будды, *дхармакайя*. В терминах ООО – это позиция от нулевого лица, сущность того реального объекта, который воспринимает происходящее в бардо.

⁵¹² См., например: Мортон Т. Статья экологичным. С. 63–64.

Как уже было сказано выше, Мортон мыслит бардо как эстетическое измерение, поэтому к изучению гиперобъектов эстетические средства оказываются более пригодными, чем аналитические. Мортон приводит множество примеров на стыке экологии, искусства и философии, которые “подсвечивают” тёмные части исследуемых в них гиперобъектов, и сам участвует в создании арт-объектов и перформансов и вдохновляет своей концепцией художников и творцов (см. Глава 4). Российские философы Александр Вилейкис и Полина Ханова обращаются к эстетике городских мифов и легенд как способу изучения города как гиперобъекта⁵¹³. Американский философ Джеймс Мэдден исследует особенности уфологического фольклора, с помощью которого эстетически переживается гиперобъектность НЛО⁵¹⁴.

Преимущество эстетического подхода заключается в том, что гиперобъекты невозможно контролировать (через анализ данных, например), но на них можно настроиться: поймать “волну” интеробъективного резонанса. Эта настройка происходит благодаря эстетическому опыту: “Эстетический опыт связан на самом деле не с данными, а с *данностью*, то есть с качествами, которые мы переживаем в опыте, когда нечто воспринимаем. (Как я уже говорил, данные – просто “то, что дано” и отнюдь не только то, что связано с числами и диаграммами.) Эстетический опыт представляет собой опыт *солидарности* с тем, что дано. Это солидарность, чувство априорности, возникающее без особых причин, без какой-то особой повестки – как эволюция или биосфера”⁵¹⁵. Такой подход выводит эстетику на передний план как первую философию. В следующей главе мы рассмотрим условное пространство, в котором разворачивается причинность, и эстетический опыт как способ познания.

⁵¹³ Вилейкис А., Ханова П. Город – гиперобъект. Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6, № 4. С. 7–16.

⁵¹⁴ Madden J. D. Unidentified Flying Hyperobject: UFO’s Philosophy and the End of the World. Ontocalipse Press, 2023.

⁵¹⁵ Мортон Т. Статья экологичным. С. 127.

2.2.5. Проблема времени в объектно-ориентированной онтологии

Тема времени стала, наверное, одной из самых дискуссионных в обсуждении основных принципов объектно-ориентированной онтологии. Один из наиболее непримиримых критиков ООО, Питер Вульфендейл, назвал теорию времени и пространства Хармана “самым катастрофически беспомощным аспектом всей его метафизической системы”⁵¹⁶. Другие критики были не столь резки в своих суждениях, но тоже посчитали проблему времени самой уязвимой частью объектно-ориентированной онтологии.

Уже в “Партизанской метафизике” (2005) Харман обращается к проблеме пространства и времени. Отправной точкой для него становится дискуссия между Лейбницем и Сэмюэлем Кларком, за которым скрывался Исаак Ньютон. Для Кларка и Ньютона пространство и время были абсолютными вместилищами (*containers*), которые продолжали бы свое существование даже в ситуации, когда из мира пропали все вещи. Лейбниц, напротив, считал, что обе категории имеют смысл только как отношения между вещами. Исходя из этого, Харман так формулирует постановку проблемы в рамках упомянутой философской дискуссии: “Являются ли время и пространство автономными субстанциями или только лишь взаимосвязанными системами событий”⁵¹⁷. Он не принимает обе перспективы: “С одной стороны, мы должны согласиться с тем, что пространство и время не могут быть пустыми объективными вместилищами (*containers*), и что все парадоксы, которые Лейбниц приписывает абсолютному пространству и времени, остаются неразрешимыми. С другой стороны, строго говоря, нельзя утверждать, что пространство и время являются лишь реляционными: это в лучшем случае *полуправда*, ибо если бы всё пространство и время были реляционными, все объекты были бы полностью втянуты в эти отношения и никак не могли бы быть разделены на области. Чистая относительность без барьеров и границ

⁵¹⁶ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy. P. 188.

⁵¹⁷ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 249.

означала бы чистую целостность *апейрона*, а опыт показывает нам обратное. Если пространство и время реляционны в одном смысле, то существует и другой смысл, в котором они должны быть *антиреляционными*, поскольку мы легко можем говорить о частях пространства или эпохах времени во множественном числе”⁵¹⁸.

Харман отвергает представление Кларка–Ньютона о времени и пространстве как вместилищах объектов, потому что оно противоречит одному из основных принципов ООО – онтологической первичности объектов. Позиция Лейбница для него – более приемлема, хотя и в отношении нее ООО предлагает “легкое отклонение”⁵¹⁹. Абсолютная реляционность пространства и времени противоречат другому принципу – изъятости реальных объектов из любых прямых отношений. Однако, на наш взгляд, Харман не совсем корректно отображает позицию Лейбница, для которого “пространство, как и время, само по себе представляет собой нечто идеальное”⁵²⁰. А идеальное он номиналистически понимает как умозрительное, или, говоря в терминах ООО – относящееся к сфере восприятия. Харман же распространяет реляционность времени и пространства у Лейбница и на реальное. Следующий пассаж из переписки Лейбница с Кларком показывает, что позиция Лейбница куда ближе к ООО, чем считает Харман: “Всякая вещь имеет свою собственную протяженность, свою собственную длительность, но она не имеет своего собственного времени и не сохраняет своего собственного пространства. Пространственные представления вырабатываются у людей примерно следующим образом. Они наблюдают различные вещи, существующие одновременно, и находят в них определенный порядок сосуществования, согласно которому отношение

⁵¹⁸ Ibid. P. 249.

⁵¹⁹ Harman G. Space, Time, and Essence: An Object-Oriented Approach (2008) // Towards Speculative Realism (e-Book). P. 243.

⁵²⁰ Лейбниц Г. В. Пятое письмо Лейбница, или ответ на четвертое возражение Кларка / пер. И. И. Свидерского и Г. Крёбера // Сочинения в четырех томах. Том 1. М. : Издательство “Мысль”, 1982. С. 474.

вещей друг к другу является более или менее простым. Это их взаимное расположение или расстояние”⁵²¹.

“Легкое отклонение”, которое видит Харман в ООО по отношению к теории Лейбница, строится на ошибочном представлении о том, что пространство соотносится с реальностью как напряжение RO–SQ (подробнее см. в след. параграфе). Представление же немецкого философа о том, что вещь имеет собственную длительность, но не имеет собственного времени вполне соотносится с тезисом Хармана о том, что реальные объекты изменяются, но находятся при этом вне времени.

Дальнейшее развитие теории времени Хармана связано с разработкой его модели четвероякого объекта, в которой время определяется как напряжение SO–SQ⁵²². Изъятые из прямых отношений реальные объекты (RO) – инертны и стабильны (но не вечны), они меняются под воздействием информации от других реальных объектов, которая представляет собой излучение чёрного шума, фиксируемого в форме воспринимаемых объектов (SO) и их качеств (SQ). В ранней версии своей теории времени Харман прямо отождествляет время с чёрным шумом: “Время – это борьба между объектом и его акциденциями или поверхностными отношениями. Время – это чёрный шум: не условие возможности этого шума, не экстатическая структура, посредством которой люди с ним сталкиваются, а просто сам этот шум”⁵²³.

Будучи напряжением SO–SQ, время полностью принадлежит к сфере восприятия и “в этом смысле кажется иллюзорным”⁵²⁴. Харман пишет: “Согласно объектно-ориентированной модели, существует только настоящее: только объекты со своими качествами, запертые в своих сиюминутных противостояниях... время не существует просто потому, что существует только настоящее”⁵²⁵. Это утверждение приводит одного из критиков ООО, Питера Граттона, к мысли, что Харман считает реальные объекты *вечными*,

⁵²¹ Там же. С. 478.

⁵²² Харман Г. Четвероякий объект. С. 100–101.

⁵²³ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 250.

⁵²⁴ Harman G. The Road to Objects // Continent. 2011. Vol. 3 (1). P. 176.

⁵²⁵ Ibid. P. 176.

что делает его метафизику – метафизикой присутствия: “Это в точности то, что Хайдеггер и Деррида критикуют как “метафизику присутствия” – взгляд, согласно которому существует вечное настоящее, находящееся за пределами или позади видимости вещей, будь то формы у Платона, *cogito* у Декарта, трансцендентальное эго у Гуссерля или, действительно, нематериальные, трансцендентальные объекты у Хармана. В вечном настоящем “реальный” объект не может меняться, не может поддаваться течению времени, и все, что мы получаем, – это то, что “кажется” “иллюзорным” или “видимым” изменением времени, никогда не происходящим в реальности вещей”⁵²⁶.

Питер Вульфендейл, отмечает, что в метафизике Хармана “вещи должны меняться в подземном царстве изъятых объектов, даже если мы переживаем в опыте лишь рябь, которую эти изменения порождают в мерцающем поверхностном мире”⁵²⁷, а значит помимо “поверхностного времени”, соответствующего напряжению SO–SQ, ему необходимо ввести “глубинное время” (*deep time*), которое бы описывало эту трансформацию – ведь изменение требует темпоральности. Главная претензия Вульфендейла к Харману в этом вопросе заключается в том, что последний никак теоретически не проясняет изменения реальных объектов, фактически, превращая требуемое для этого “глубинное время” в скрытую, дотеоретическую предпосылку⁵²⁸.

Аръен Кляйнхеренбринк обобщил дискуссию вокруг теории времени Хармана и предложил переосмысление этой категории в контексте модели четвероякого объекта⁵²⁹. Он опровергает претензию Граттона, что Харман мыслит реальные объекты вечными, ведь тот в действительности допускает изменения в них. В то же время голландский философ соглашается с тезисом Вульфендейла о недостаточности описания времени в ООО исключительно как напряжения между SO–SQ, поскольку оно не позволяет говорить об

⁵²⁶ Gratton P. Speculative Realism. P. 99.

⁵²⁷ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy. P. 199.

⁵²⁸ Ibid. P. 199.

⁵²⁹ Kleinherenbrink A. The Two Times of Objects. P. 539–551.

изменении реальных объектов. Кляйнхеренбринк предлагает собственную модификацию теории, опираясь на концепцию двоякого времени в работе “Логика смысла” (1969) Жюль Делёза. Французский философ различает два прочтения времени, “каждое из которых полноценно и исключает другое”⁵³⁰: *хронос* и *эон*. Первое – “всегда ограниченное настоящее, измеряющее действие тел как причин и состояние их смесей в глубине”; второе – “по существу неограниченные прошлое и будущее, собирающие на поверхности бестелесные события в качестве эффектов”⁵³¹.

Кляйнхеренбринк интерпретирует телесность у Делёза как обладание сущностью у Хармана (RO–RQ), а бестелесность – соответственно, как бессущностность, которая характерна для воспринимаемых объектов и их качеств (SO, SQ). Таким образом, эон у него – это время событий-эффектов на поверхности сущих, относящееся к взаимодействию бестелесных событий и их качеств. Эон становится временем, определяемым напряжением SO–SQ, которое переживает в своем восприятии реальный объект. Кляйнхеренбринк называет его явленным временем (*manifest time*). Хронос – время производства бестелесных событий, а также – воспроизведения или изменения этих тел по мере регистрации ими бестелесных событий: “Хронос – темпоральный круговорот между телами и событиями”⁵³². В терминах ООО – это круговорот между скрытой и воспринимаемой половинами объектов. Его Кляйнхеренбринк называет внутренним временем (*internal time*). “[Хронос] становится производством воспринимаемых объектов и их качеств реальными объектами и их качествами, а также воспроизводством или изменением соответствующих реальных объектов по мере того, как они регистрируют соответствующие воспринимаемые объекты”⁵³³.

Теория двоякого времени Кляйнхеренбринка, ориентированная на ООО, подразумевает, что объекты участвуют в трех типах временных синтезов,

⁵³⁰ Делёз Ж. Логика смысла. С. 86.

⁵³¹ Там же. С. 86.

⁵³² Kleinherenbrink A. The Two Times of Objects. P. 549.

⁵³³ Ibid. P. 549.

включающих как явленное, так и внутреннее время: “Во-первых, реальные объекты порождают соответствующие воспринимаемые объекты, которые стягиваются в непрерывную последовательность переживаний или восприятий (других) реальных объектов... Во-вторых, реальные объекты и их качества поддерживаются и, возможно (незначительно или существенно) изменяются последовательностью соответствующих воспринимаемых объектов, с которыми они сталкиваются. В-третьих, всякий раз, когда реальный объект устанавливает связь с воспринимаемым объектом, это немедленно подразумевает порождение нового реального объекта... Согласно ООО, когда я воспринимаю здание, начинаю разговор с другом или думаю о своем родном городе, восприятие, разговор и мысль – это не просто отношения. Это полноценные реальные сущие (*entities*), которые нельзя свести ни ко мне, ни к воспринимаемым объектам “на другом конце”. Такие новые объекты также немедленно погружаются в двойственность времени, и это составляет последний компонент темпоральной динамики объектов, синтезирующих новые объекты в контексте воспринимаемого мира”⁵³⁴.

Ники Янг, проанализировав дискуссию Хармана с упомянутыми критиками, увидел в его теории неявную, но мощную модель реального времени, близкую к процесс-философии: “Модель, в которой сам реальный объект связан или окутан временем, удерживаясь в нем благодаря напряжению между предыдущими связями, запечатленными в ядре реального объекта, и изъятием, необходимым для изменения, но не сводясь, по крайней мере, к одной из этих крайностей”⁵³⁵.

Харман сформулировал развернутый ответ критикам в совместной публикации с археологом Кристофером Уитмором “Объекты вне времени: объектно-ориентированная философия и археология” (2023)⁵³⁶. В этой работе он продолжил развитие своей идеи, что реальные объекты находятся вне

⁵³⁴ Ibid. P. 549–550.

⁵³⁵ Young N. All Objects Are Bound by Time: Temporality and Change in Object-Oriented Philosophy // After Speculative Realism. P. 62.

⁵³⁶ Harman G., Witmore C. Objects Untimely (e-Book).

времени: “Тот факт, что мы считаем объекты, которым посвящена настоящая книга, вневременными, может быть оправдан по нескольким причинам. В противовес распространенному убеждению, что реальность состоит из непрерывного потока, ассоциируемого в философии с новым материализмом, ООО утверждает, что объекты всех видов лежат в основании реальности, из которой появляется время... Против современной тенденции рассматривать время как глубокое, эта книга говорит о времени, как о контринтуитивно поверхностном”⁵³⁷.

Новым по отношению к предшествующей теории времени стал тезис: “Время порождается объектами, а не охватывает их”⁵³⁸. Хотя Харман дает при формулировке этого тезиса ссылку на две свои предыдущие работы: статью “Time, Space, Essence, and Eidos: A New Theory of Causation”⁵³⁹ (2010) и книгу “Четвероякий объект” (2011), обнаружить его в этих источниках не удастся. Поэтому, можно сказать, что этот тезис впервые четко артикулируется именно здесь. Центральным моментом ответа на критику становится тема изменений реальных объектов.

Харман считает главный аргумент Граттона “просто ложным”⁵⁴⁰. Он напрасно рассматривает ООО как продолжение платонической модели, в которой реальные сущие – вечны, в то время как реальные объекты можно соотнести скорее с индивидуальными, первыми сущностями Аристотеля, нежели с идеями Платона. А первые – не вечны и вполне поддаются изменениям. К тому же претензия Граттона, по мнению Хармана, относится не столько к теории времени, сколько к общему неприятию им метафизики, следующему из приверженности дерридианской деконструкции.

Питера Вульфендейла Харман, похоже, вовсе не рассматривает всерьез из-за слишком сильной эмоциональной вовлеченности первого в полемику (см. подробнее в § 1.3.3), поэтому он отвечает на его аргумент о “глубинном

⁵³⁷ Ibid. P. 16.

⁵³⁸ Ibid. P. 15.

⁵³⁹ Опубликовано в: The Graham Harman Reader. P. 467–522.

⁵⁴⁰ Harman G., Witmore C. Objects Untimely (e-Book). P.351.

времени” вместе с критикой “внутреннего времени” Кляйнхеренбринка. Он пишет: “Суть нашего разногласия заключается в том, что он [Кляйнхеренбринк] считает, что времени необходима некая опора в реальности, поскольку в противном случае реальность будет неподвижна и никогда не сможет быть продуктивной. По этой причине модель ООО может звучать как платонизм (как утверждает Граттон) и может также делать изменения невозможными (как утверждает Вольфендейл). Но это не платонизм, по той простой причине, что реальные объекты ООО (подобно индивидуальным первым сущностям Аристотеля) могут быть созданы и уничтожены. И это не делает изменения невозможными, потому что *время в ООО периодически запускает изменения на реальном уровне* [курсив мой – А. Ш.]”⁵⁴¹.

Для объяснения изменений реальных объектов Харману не требуется вводить какого-то дополнительного (глубинного, внутреннего) уровня времени. Более того, он считает “глубинное время” разновидностью вместилища, “внутри которого всё происходит, изначальный поток, существование которого необходимо предположить, если что-либо вообще может меняться”⁵⁴². Но, как мы уже отметили выше, идея времени как вместилища противоречит онтологической первичности объектов.

Согласно теории замещающей причинности, изъяты из прямых отношений реальные объекты взаимодействуют между собой через посредников, которыми становятся воспринимаемые объекты. Реальный объект “излучает” или “эманурует” информацию, которая, попадая в сферу восприятия другого реального объекта как чёрный шум, регистрируется и оформляется им в форме воспринимаемого объекта и его воспринимаемых качеств. Меняющиеся качества воспринимаемого объекта создают у реального объекта “переживание” времени. В свою очередь воспринимаемый объект и его качества вызывают реакцию у реального объекта, который может

⁵⁴¹ Ibid. P. 362–363.

⁵⁴² Ibid. P.360.

начать меняться под их влиянием. Это изменение происходит всё в том же переживаемом объектом времени. Другими словами, реальный объект, в чьем восприятии отсутствуют другие объекты, не будет переживать время. Время в этой модели становится не причиной и даже не эпифеноменом, а своеобразным “осадком или мыслью, пришедшей задним числом (*afterthought*), – конечной станцией поезда эманации”⁵⁴³.

Мы можем переживать остановку времени в своем опыте, например, находясь в глубокой сенсорной депривации или в глубоких фазах сна, однако наш организм продолжит стареть, потому что клетки, из которого состоит наше тело, не останавливают своего взаимодействия с объектами окружающей среды и друг с другом. В их “восприятии” будут появляться воспринимаемые объекты и качества, и они будут “переживать” время. С другой стороны, гипотетическое состояние, когда вся Вселенная представляет собой единственный объект, не воспринимающий другие объекты, *сингулярность*, не предполагает ни времени, ни пространства. Это та ситуация, когда время не порождается объектами, потому что никаких объектов для восприятия нет. И, наоборот, наличие хотя бы одного объекта, инкрустированного качествами, в сфере восприятия порождает время. Именно поэтому Харман говорит: “Единственный вид времени, который мы все непосредственно переживаем: наше непрерывное взаимодействие с сущими (*entities*), которые остаются в основном стабильными, несмотря на бесчисленно меняющиеся очертания, когда мы прикасаемся к ним, наблюдаем за ними или видим, как изменяются их проявления в угасающем солнечном свете”⁵⁴⁴.

В своих выводах о времени Харман совпадает с Тимоти Мортоном, которому тоже не требуется никакой концепции “глубинного времени”: “Время... само по себе является чувственным феноменом, а не глубинным фактом, лежащим в основе вещей”⁵⁴⁵. Он объясняет изменение реальных объектов следующим образом: “Если время – это не нейтральное вместилище,

⁵⁴³ Ibid. P.432.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 340.

⁵⁴⁵ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 88–89.

в котором плавают объекты, но результат эмиссии, осуществляемой самими объектами, то, по крайней мере, с теоретической точки зрения представляется более вероятным то, что объект способен осуществлять обратное причинное воздействие на другие сущности, нежели то, что объекты помещены по временное вместилище, которое летит по глассе в одном конкретном направлении. По-видимому, смутный след причинности перетекает обратно “в” настоящее. Странная странность вещей футуральна. Ее угрожающая тень нависает над настоящим, глядя на него из будущего”⁵⁴⁶.

Эта футуральность определяется Мортоном как *будущее будущее* – “время, которое выходит за рамки прогнозируемости, какой бы то ни было системы отсчета и любых этических или политических расчетов”⁵⁴⁷. Оно становится аналогом пространственной характеристики “нигде” как места, в котором находится “реальная сущность в реальной Вселенной”⁵⁴⁸. В логике гиперобъектов именно *будущее будущее* занимает то место, которое у Хармана принадлежит *настоящему*, и определяет вневременной характер реального объекта. Учитывая буддийский (на тот момент) бэкграунд Мортон, можно предположить, что *будущее будущее* как “время” за пределами прогностических проекций, концепций будущего и просто ожиданий, вполне согласуется с *настоящим* как здесь-и-сейчас, которое переживается во вневременном чистом опыте.

На наш взгляд, хармановская теория времени адекватно общей теории обосновывает изменения, происходящие в реальных объектах, без введения противоречащих фундаментальным принципам ООО концепций, представляющих время в качестве одного из вариантов вместилища (глубинное, внутреннее время). Чего не скажешь в отношении категории пространства.

⁵⁴⁶ Там же. С. 89.

⁵⁴⁷ Там же. С. 89.

⁵⁴⁸ Там же. С. 89.

2.2.6. Трудности с категорией пространства

Грэм Харман определяет пространство в модели четвероякого объекта как напряжение RO–SQ. В этом параграфе мы постараемся оспорить этот элемент его теории и переопределим пространство как относящееся вместе со временем к напряжению SO–SQ, а в следующем – предложим альтернативное понимание этого напряжения RO–SQ как категории *энергии*.

Стартовой точкой для обсуждения пространства становится все тот же спор между Кларком и Лейбницем: пространство – это не универсальное вместилище (*container*), но и не система отношений между объектами, напротив, оно сопротивляется поглощению системой отношений, так что “пространство на самом деле имеет больше общего с полыми или пустыми автономными зонами реальности, чем с любым набором отношений”⁵⁴⁹. Речь в последней цитате идет про концепцию частных вакуумов, в которые изымается реальный объект.

Одно из первых определений пространства, которое дает Харман, – “борьба между объектом и его частями”⁵⁵⁰. Он описывает различие между временем и пространством следующим образом: “Пространство – это взаимная проявленность вовне (*externality*) частично связанных объектов, а время – это внутренняя жизнь (*interior*) самих объектов. Время есть эманация акциденций из интенциональных [т. е. воспринимаемых – прим. А. III.] объектов, а пространство – эманация образов (*images*) из реальных. Разница между объектами и акциденциями дает нам время, а разница между объектами и отношениями дает нам пространство”⁵⁵¹.

С точки зрения Хармана, отношения между двумя объектами возникают внутри – третьего, можно сказать, что они “разворачиваются внутри некоего вакуумоподобного пространства”⁵⁵². Встраивая категорию пространства в

⁵⁴⁹ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 250.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 251.

⁵⁵¹ Harman G. Space, Time, and Essence (e-Book). P. 246.

⁵⁵² Ibid. P. 246.

свою модель четвероякого объекта, Харман определяет его как напряжение между реальным объектом (RO) и воспринимаемыми качествами (SQ): “Когда же мы станем говорить о пространстве, каждый сможет вспомнить старый спор между Лейбницем и Кларком по поводу того, является ли пространство абсолютнымместилищем или же отношением между вещами. Но фактически пространство – это ни то, и ни другое: поскольку оно не просто место отношения, а скорее место отношения и не-отношения. Находясь сейчас в Каире, я не полностью лишен отношения к японскому городу Осака, так как в принципе я мог бы отправиться туда в любой день. Но это отношение никогда не может быть полным, поскольку в данный момент я не соприкасаюсь с городом, и даже если я доберусь до Осаки и встану в самом ее центре, то не исчерпаю ее реальности. Какое бы чувственное очертание не явил мне город – пусть даже с самого близкого расстояния – это очертание будет отличаться от реальной Осаки, навсегда скрытой в тени бытия. Эта взаимная игра отношения и не-отношения в точности есть то, что мы имеем в виду, когда говорим о пространстве, и в этом отношении инструмент-анализ Хайдеггера на самом деле касается пространства, а не времени, как ошибочно утверждает сам Хайдеггер. Пространство – это напряжение между сокрытыми реальными объектами и связанными с ними чувственными качествами”⁵⁵³.

Пример с Осакой служит парадигмальным описанием категории пространства в онтографии четвероякого объекта Хармана. И он, и его критики постоянно к нему возвращаются. Однако, этот пример нельзя признать удачным, поскольку японский мегаполис выступает здесь не просто как объект, а как гиперобъект, который, согласно Мортону, обладает свойством нелокальности, что запутывает критиков Хармана. Так, непримиримый Вульфиндейл возражает: “Тот факт, что Харман не находится в Осаке, но потенциально может поехать в Осаку, не является «не-отношением» в смысле Лейбница, а представляет собой пространственно-

⁵⁵³ Харман Г. Четвероякий объект. С. 101–102.

временные отношения”⁵⁵⁴. Но для Хармана время в этом примере не играет никакой существенной роли, речь идет о том, что как вне Осаки, так и внутри нее у него нет прямого доступа к реальности города. Далее Вульфиндейл не приводит никаких значимых аргументов против теории пространства Хармана, но делает ничем не обоснованный вывод, что “ее не следует воспринимать всерьез”⁵⁵⁵.

Гораздо содержательнее получилась дискуссия о категории пространства в ООО между Харманом и архитектором Лоренсом Холмом, почетным профессором Университета Данди (Шотландия), исследующим теорию архитектуры в Лаканианской перспективе. Эта дискуссия зафиксирована в сборнике “Существует ли объектно-ориентированная архитектура?” (2020) под редакцией Дж. Бедфорда и выглядит как статья Холма о принципах ООО в архитектуре, ответ на неё Хармана, а также интервью редактора с архитектором с комментариями философа поверх текста.

Холм отмечает, что “его [Хармана] четвероякая диаграмма – это матрица, отношения в которой уже пространственны... и его метафоры также пространственны”, – и ставит вопросом следующим образом: “Как теория защищает себя от собственных метафор, контролирует их и сопротивляется смешиванию [теории с метафорами]”⁵⁵⁶. Он справедливо отмечает, что ключевые понятия ООО описываются в пространственных терминах: объекты оказываются “изъяты”, “погружены”, “инкрустированы” качествами, за каждым воспринимаемым объектом “стоит” – реальный и т. д. К сожалению, задав этот вопрос, Холм дальше никак не развивает эту тему. Для него самого пространство – это “предпосылка для репрезентации объектов субъектам”⁵⁵⁷.

В интервью с Джозефом Бедфордом Холм тоже обращается к примеру Хармана с Осакой⁵⁵⁸:

⁵⁵⁴ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy. P. 194.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 194.

⁵⁵⁶ Holm L. Lorens Holm, Architecture and Its Objects // Is There an Object-Oriented Architecture? Engaging Graham Harman / ed. by J. Bedford. London : Bloomsbury, 2020. P. 71.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 74.

⁵⁵⁸ Формат интервью Бедфорда и Холма содержит комментарии Хармана, данные поверх уже состоявшегося разговора:

“Лоренс Холм: Дело не в том, что вам нужен контейнер, чтобы поместить в него ваши объекты, а в том, что вам нужен какой-то способ учёта отношения между ними, чтобы у вас было больше одного объекта. Вот тут-то и вступает в игру пространство. Его анекдот об Осаке подтверждает, в моем понимании, неизбежную пространственность мира. Мир не может быть комком мозаичных объектов, все края которых соприкасаются и неподвижны. Я не согласен с его идеей, что отношение к объекту – это всего лишь внутреннее отношение объекта...

Один из вопросов, который у меня возникает по поводу его философии... как можно понимать отношение между двумя объектами исключительно как внутреннее отношение внутри объекта?

Джозеф Бедфорд: Харман где-то говорил, что отношения между двумя объектами – это отношения внутри еще одного объекта.

Грэм Харман: Верно. Именно так.

Джозеф Бедфорд: Они, скажем так, находятся внутри объекта. Муж и жена находятся внутри объекта, которым является “их брак”, поэтому само отношение становится мета-объектом, внутри которого находятся любые два объекта. Так что да, всё это объекты.

Лоренс Холм: Отношение между мужем и женой может быть внутренним по отношению к их браку, но оно не является внутренним по отношению к ним самим. Когда брак может быть объектом, содержащим отношение между мужем и женой, тогда Харман готов рассматривать вещи как объекты просто в силу того, что они занимают объектную позицию в грамматической структуре.

Грэм Харман: Дело не в грамматической структуре. Дело в том, что брак является реальным объектом, выходящим за рамки

двух людей, которые в нём состоят. Он влияет на них так же, как и они влияют на него, и вполне могут его покинуть”⁵⁵⁹.

Последний комментарий Хармана подсвечивает проблему различия пространства и метафоры пространства. Пространство брака для супругов – это метафора, а не характеристика, связанная с местом расположения, протяженностью, объемом или перспективой. Это ставит вопрос о том, что подразумевается под интерьером (внутренним пространством) третьего объекта, внутри которого должны разворачиваться отношения между двумя объектами? А главное, по отношению к какому объекту определяется напряжение RO–SQ?

Приведем еще одну характерную цитату: “Тем не менее мое более общее название для напряжения RO–ЧК [RO–SQ] – это не «эстетика» и не «инструмент», а *пространство*. Причина этого заключается в том, что пространство означает как близость, так и дистанцию, что верно и для случая RO–ЧК [RO–SQ]. Все, что находится в пространстве, от нас удалено и скрыто в своем собственном приватном месте, но в то же время принадлежит к той же пространственной области, что и мы сами, и расположено от нас на определенном расстоянии, которое можно преодолеть, если потратить достаточное количество энергии. Например, мне потребуется немало усилий для поездки из моего дома в Дубьюке (штате Айова) в Гонконг, тем не менее физически это возможно при наличии определенных финансовых ресурсов. Подобным же образом чувственные качества реального объекта остаются как привязанными к нему, так и отделенными от него, как показывает случай со сломанным молотком. Помятая ударная часть или поврежденная деревянная рукоятка не выражают весь молоток, навсегда изъятый из поля зрения, однако некоторым образом они действительно относятся к молотку”⁵⁶⁰.

Здесь вновь появляется некая внешняя по отношению к наблюдателю пространственная область. Однако, пространство как автономное от объектов

⁵⁵⁹ Bedford J., Holm L., Harman G. Lorens Holm Interview: Real Objects and Space // Is There an Object-Oriented Architecture? P. 79–80.

⁵⁶⁰ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 153.

вместилище Харман прямо отрицает в своем подходе. Значит речь вновь идет о некоем третьем, по отношению к наблюдателю, объекте, внутри которого разворачиваются его отношения с наблюдаемым (вторым) объектом. Но о таком пространстве можно говорить только метафорически.

Удивительно, что никто из критиков не обращает внимания на тот факт, что категория пространства в онтографии Хармана совпадает со структурой метафоры – оба представляют собой напряжение RO–SQ (см. § 2.3.3). К тому же примеру с Осакой следовало бы задать вопрос: если реальный город остается скрыт, что переживается в опыте как пространство? Ведь качества не воспринимаются сами по себе, а только в соединении с объектом. В последней из приведенных выше цитат Харман неаккуратно формулирует свою мысль, говоря про амбивалентность привязки воспринимаемых качеств к реальному объекту: они “остаются как привязанными к нему, так и отделенными от него”. Но качества отделяются от объекта аналитически, а не в восприятии, где они переживаются благодаря аллюру как поглощенность воспринимаемых качеств объектом восприятия.

В случае соединения воспринимаемых качеств с реальным объектом следовало бы говорить о театральности переживания пространства, в котором происходит подмена Осаки самим наблюдателем. Опыт пространственного восприятия в таком случае всегда был бы эстетическим опытом, то есть опытом поглощенности. Так и происходит, когда пространство подменяется метафорой пространства. Но не в случае, когда наблюдатель просто фиксирует пространственное расположение объектов в своем опыте.

Можно привести еще один аргумент в пользу метафоризации Харманом категории пространства. У реального объекта, вступающего в отношения с другим объектом, нет прямого доступа к – третьему, внутри которого разворачивается пространство этой встречи. Пространство относится к внутренней жизни (*interior*) третьего объекта, чью реальность можно пережить только метафорически, то есть через театральную подмену. Чтобы говорить о категории пространства в неметафорическом смысле, объект наблюдения сам

должен быть тем третьим объектом, в восприятии которого разворачивается пространство. В этом смысле он становится средой взаимодействия, что отсылает нас, конечно же, к концепции гиперобъектов Мортон.

Харман находит отличие ООО от теории Лейбница в том, что пространство – это одновременно место отношения и не-отношения⁵⁶¹, тогда как у Лейбница, по мнению Хармана, всё находится в отношении. Для Лейбница отношение объектов в пространстве – это их взаимное расположение⁵⁶². Однако, сами по себе объекты не обладают собственным пространством, значит это расположение относится к сфере восприятия наблюдателя. Именно он устанавливает пространственные отношения.

Взаимная игра отношения и не-отношения объектов, дающая восприятие пространства, на самом деле относится к участвующим в ней воспринимаемым объектам, т. е. происходит в сфере восприятия “наблюдающего” за этой игрой реального объекта. Этот “наблюдатель” находится в отношении с воспринимаемыми объектами, в то время как смежные воспринимаемые объекты находятся в не-отношениях друг с другом (принцип смежности). Пространство возникает как напряжение между всей совокупностью смежных воспринимаемых объектов и их качеств, которую в свою очередь можно рассматривать как отдельный воспринимаемый объект.

Воспринимаемые качества указывают не только на изменчивость объекта во времени, но и в пространстве. Постепенный подъем в гору меняет пространственные характеристики наблюдаемых в процессе движения объектов. Учитывая всё вышесказанное, можно соотнести категорию пространства в онтографии Хармана с разновидностью напряжения SO–SQ, в котором объект и качества будут относиться ко всей совокупности воспринимаемых объектов.

Как и в случае с временем, для пространства справедливы примеры глубокой сенсорной депривации или сна без сновидений, в которых пропадает

⁵⁶¹ Питер Граттон видит в этом отсылку к Левинасу: Gratton P. *Speculative Realism*. P. 97; Левинас Э. *Тотальность и бесконечное*. С. 196–197.

⁵⁶² Лейбниц Г. В. Пятое письмо Лейбница. С. 478.

представление о пространстве, когда из сферы восприятия исчезают все объекты. Если бы пространство представляло собой напряжение RO–SQ, то добиться исчезновения опыта переживания пространства было бы невозможно. Тот же ответ можно дать и в отношении пространственных иллюзий. Разница между переживанием времени и переживанием пространства заключается в том, что последнее требует, как минимум, двух воспринимаемых объектов (или одного, который можно в опыте восприятия разделить на части, сделав их отдельными объектами). Светящаяся в темноте с разной интенсивностью и меняющая цвет точка может дать переживание времени, но не пространства.

Метафоризация пространства возникает в логике Хармана на достаточно раннем этапе, когда метафора частных вакуумов, окружающих реальные объекты (указание на их трансцендентность), начинает мыслиться буквально как пустое пространство. Она запускает цепочку логических рассуждений, в которых метафора пространства, будучи тождественна самой категории пространства, приводит к ошибочным выводам. Если принять предложенную поправку, окажется, что онтография пространства и времени в модели четвероякого объекта Хармана гораздо ближе теории Лейбница, чем американский философ хотел бы думать.

2.2.7. Интерпретация напряжения RO–SQ как энергии

Вернемся к мысли Хармана о том, что перемещение в пространстве требует затраты *энергии*⁵⁶³. В ней содержится важная интуиция, с помощью которой мы постараемся найти решение проблемы напряжения RO–SQ. Хотя Харман и не концептуализирует в своих работах категорию энергии, однако, само понятие все же фигурирует в его подходе, когда он говорит о различии между реальным и воспринимаемым объектами:

⁵⁶³ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 153.

“Любое конкретное воплощение инструмента [реального объекта] оказывается лишь своего рода призрачной энергией, высасываемой из этого инструмента в его скрытой среди всех других сущих реальности”⁵⁶⁴.

“Что такое объекты в партизанской метафизике: загадочные пустоты скрытой (*withdrawn*) энергии, которые каким-то образом все еще испускают ароматы и радиосигналы посредством мет (*notes*),⁵⁶⁵ которые должны были бы полностью схлопнуться в своих тёмных и однородных ядрах, но не сделали этого”⁵⁶⁶.

“Термин “изъятие” не обозначает никакого беспричинного мистического исчезновения вещей из имманентного пространства, это просто еще один способ сказать, что форма может существовать только в одном месте; она не может быть перемещена – в сознание или куда-то еще – не будучи переведенной (*translated*) во что-то, совершенно отличающееся от того, чем она была”⁵⁶⁷.

“Не существует перевода чего-либо без потерь энергии”⁵⁶⁸, и потому ничто не может быть постигнуто совершенным образом”⁵⁶⁹.

Вновь отметим, что изъятость реальных объектов описывается Харманом пространственными метафорами. Он связывает энергию с переводом формы реального объекта в форму – воспринимаемого. Она становится категорией, которая отвечает за проявление в сфере восприятия скрытой реальности.

Подобно тому, как обращение к теологии окказионализма поспособствовало разработке Харманом теории замещающей причинности, другой теологический подход поможет нам продвинуться в объяснении напряжения RO–SQ. Речь идет о *паламизме* – богословской теории, предложенной в XIV в. византийским богословом Григорием Паламой (ок. 1296–1357) и развитой его учениками. Теология паламизма возникла в

⁵⁶⁴ Harman G. Tool-Being. P. 220.

⁵⁶⁵ Méta, или метка – термин, который Харман заимствует из философии Х. Сублири (см. Глава 1).

⁵⁶⁶ Harman G. Guerilla Metaphysics. P. 184.

⁵⁶⁷ Харман Г. Спекулятивный реализм. С. 190.

⁵⁶⁸ По признанию Хармана, этой мысли он обязан “Ирредукциям” Бруно Латура: Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf (e-Book). P. 68–69.

⁵⁶⁹ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 249.

результате позднесредневековых споров о характере божественного света, созерцаемого монахами-исихастами, жившими на Святой горе Афон. Палама защищал позицию, что этот свет, также называемый Фаворским, – нетварный, т. е. фиксирующий некое присутствие Божества. Противники Паламы – Варлаам Калабрийский, Григорий Акиндин, Никифор Григора и др. – считали свет тварным. Богословский спор, сопровождавшийся драматическими событиями, в которые была вплетена гражданская война между претендентами на императорский престол, завершился провозглашением догмата о различении в Боге божественной сущности и божественных энергий.

Согласно паламитскому богословию, легшему в основу вероучительного определения (*томоса*) Константинопольского собора 1351 г., Бог по своей сущности непознаваем, но познаваем в своих действиях (энергиях). Различение между сущностью и энергиями – исключительно мысленное (т. е. аналитическое), в том смысле, что и то, и другое всецело принадлежит Богу. В божественных энергиях (действиях) присутствует сам Бог, так как именно он совершает эти действия. Однако, энергию неверно понимать как эманацию, обладающую собственной автономной от Бога сущностью, или как некую безличную силу, исходящую от Бога, но действующую уже без его участия. Божественные энергии указывают на то, как Бог проявляет себя в восприятии тех, кто его созерцает, например, в качестве Фаворского света⁵⁷⁰.

Утверждение о непознаваемости Бога по сущности вполне согласуется с ООО, поскольку реальный объект изъят из прямого доступа. Божественную сущность в онтографии Бога можно проинтерпретировать как напряжение RO–RQ. Познаваемость энергий в свою очередь указывает на то, как скрытый реальный объект проявляется в опыте восприятия – через воспринимаемые

⁵⁷⁰ Подробнее о богословии Григория Паламы и паламитском богословии см.: Мейендорф, И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение / пер. Г. Н. Начинкина; под ред. И. П. Медведева, В. М. Лурье; 2-е изд. СПб : Византинороссика, 1997; Бирюков, Д. С. Причастность и универсалии в восточно-христианской традиции: от отцов-каппадокийцев до Григория Паламы. СПб : Издательство РХГА, 2016; Russell, N. Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age. Oxford : Oxford University Press, 2019.

качества, такие как световые эффекты. Однако, переживаемый опыт отличается от буквального феноменального, по своему типу он ближе к эстетическому, который переживается как поглощенность. Поэтому божественные энергии можно назвать напряжением RO–SQ. Через созерцание божественного света мистик переживает соединение с Богом, которое можно назвать опытом поглощенности.

Как и в случае с окказионализмом, паламизм здесь скорее задает направление для дальнейшего развития интуиции, нежели становится основанием теории. Паламитские богословы заимствовали понятие *энергия* из философии Аристотеля. Харман и его последователи не раз отмечали древнегреческого философа как своеобразного философского союзника ООО⁵⁷¹. Тем удивительнее, что они совершенно проигнорировали одну из ключевых категорий его философии.

Авторитетный исследователь эволюции аристотелевского понятия “*energeia*” в античном и средневековом богословии (в том числе в паламизме), Дэвид Брэдшоу, отмечает, что у самого Аристотеля, это слово первоначально означало “реализацию способности”. Но также “энергию” в разных трактатах философа можно перевести как “деятельность”, “действие”, “действительность”, “актуальность”. Оно находилось в корреляции со словом “*dynamis*” – “обладанием способностью”, “силой” – и противопоставлялось “*kinesis*” – “движению”⁵⁷².

Брэдшоу пишет, что одним из примеров энергии у Аристотеля является удовольствие⁵⁷³. На нем он показывает, как Аристотель отличает энергию (*energeia*) от движения (*kinesis*). Самым примечательным и одновременно озадачивающим здесь оказывается отношение ко времени: движение

⁵⁷¹ См.: Harman G. *Waves and Stones*. P. 28–30; Morton T. *Realist Magic*. P. 226; Брайант Л. Демократия объектов. С. 72–77.

⁵⁷² Об истоках понятия “*energeia*” и его возможных первоначальных значениях см.: Bradshaw D. *Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. Перевод на русский язык: Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и Западе: метафизика и разделение христианского мира / пер. А. И. Кырлежева и А. Р. Фокина. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 23–31.

⁵⁷³ Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и Западе. С. 32.

разворачивается во времени, тогда как энергия – в настоящем⁵⁷⁴: “Движение – “во времени”, потому что оно обнаруживает неоднородность; отсюда, как замечает Аристотель, само существование чего-либо, находящегося “во времени”, предполагает, что время существует ([Физика] 221a24-25). Поэтому утверждение, что удовольствие имеет место “теперь”, должно означать отрицание того, что оно предполагает временную неоднородность, или существование времени. (Для Аристотеля “теперь” – это вообще не часть времени, как и точка не является частью линии.) Без сомнения, удовольствие, переживаемое человеческой душой, не имеет временной длительности, но Аристотель утверждает, что ничто в природе удовольствия как такового не требует этого”⁵⁷⁵.

Учитывая, что вневременность в ООО – это характеристика реального, состояние удовольствия при восприятии будет указывать на скрытый реальный объект, с одной стороны, и переживание его качеств в сфере восприятия – с другой. Похожим образом работает эстетический опыт, который характеризуется Харманом поглощенностью. Другими словами, энергия указывает на отношения сокрытого и проявленного – реализацию способности к восприятию.

Пример с удовольствием как энергией у Аристотеля можно связать с наслаждением (*enjoyment*) в философии Э. Левинаса, из которой Харман берет понятие среды и переименовывает ее в эфир, дополняя теорией уровней А. Лингиса. Эфир опосредует изъятые из всех отношений реальные объекты через бесформенные и бессущностные воспринимаемые качества. Если попытаться найти аналогию между подходами Левинаса и Лингиса к восприятию, то на ум приходит метафора с двумя моделями атома в физике начала XX вв. Подход Левинаса можно сравнить с моделью Дж. Дж. Томпсона, известной как “пудинг с изюмом”, в ней электроны (изюм) равномерно распределены по облаку (пудинг), представляющем собой среду с

⁵⁷⁴ Там же. С. 34–35.

⁵⁷⁵ Там же. С. 35.

зарядом суммарно равным заряду всех электронов. Тогда как подход Лингиса становится в этом сравнении планетарной моделью Резерфорда–Бора, в которой электроны занимают различные орбиты, перемещение между которыми осуществляется скачками и требует квантов энергии, необходимой для их совершения величины. Наслаждение одним и тем же объектом может происходить на разных энергетических/эстетических уровнях восприятия: хорошее вино профессиональным сомелье, алкоголиком и человеком, впервые его попробовавшим, будет восприниматься по-разному.

В парадигмальном примере с Осакой, который Харман приводит для объяснения напряжения RO–SQ мы сталкиваемся не с банальным переживанием места расположения, а с ощущением энергетики ускользающей реальности мегаполиса. Проявленность скрытой реальности в сфере восприятия часто описывается в человеческом опыте в энергетических терминах: ощутил энергию, исходящую от места, вещи, живого существа; почувствовал харизму человека и т. д. Этот опыт отличается от простого наблюдения воспринимаемого объекта своей “заряженностью”. Учитывая театральный характер переживания встречи с реальным объектом в подобного рода опыте, можно предположить, что на его подмену другим реальным объектом (тем, кто переживает опыт) затрачивается энергия. Другими словами, реальный объект проделывает определенную работу по восприятию.

Энергия как напряжение RO–SQ является инвариантом, то есть она не зависит от системы отсчета. В этом плане сказать, что реальный объект “действует” или “излучает энергию” в сферу восприятия другого объекта, то же самое, что сказать, что воспринимающий объект “затрачивает энергию” на восприятие.

Разновидностью энергии является имя, символ, или статус – они формируют особенности восприятия. В дискуссии о пространстве в архитектуре Грэм Харман и Лоренс Холм обсуждают пример алтарного камня. Холм утверждает, что: “Алтарь – это одновременно и символический, и реальный объект. Есть тот освященный камень, который завершает неф и

является центром литургии, наполняющей его смыслом и обещающей мне спасение; а есть тот камень, который сам по себе не излучает тепла и который, к сожалению, всего лишь камень. Этот реальный объект не является чем-то более глубоким; это поверхностная, высохшая оболочка символического. Именно символический объект, а не реальный, глубже нашего восприятия, он изъят, его никогда полностью не постигают наши мысли, слова и действия”⁵⁷⁶.

С точки зрения Холма, модель четвероякого объекта не может объяснить алтарь, как и любой другой символический объект. Это справедливо в отношении той версии этой модели, которую предлагает Харман. Его собственный ответ звучит так: “Я бы сказал, что моя встреча с алтарем порождает новый реальный объект, и этот реальный объект выходит за рамки моего доступа к нему. То, что мне нужно присутствовать при создании этого куска камня, чтобы он стал алтарем, не означает, что алтарь полностью определяется моим доступом к нему”⁵⁷⁷.

Логика, которую предлагает здесь Харман, совпадает с его объяснением пространства как напряжения RO–SQ. Здесь вновь появляется третий (новый) реальный объект, сфера восприятия которого становится пространством для взаимодействия двух объектов. Этот третий объект – алтарь, который становится священным, при встрече с человеком, считающим его святыней. Однако, священный статус алтаря не зависит от категории пространства. Чувство священного не связано ни с расстоянием до него, ни даже с местоположением его в храме (алтарь – это любой камень или деревянный стол, который освящен для совершения литургии). Кроме того, получается, что вокруг реального алтаря возникает огромное количество других реальных объектов, состоящих из алтаря в отношении с другим(и). Как мы увидели в предыдущем параграфе, речь здесь идет не о пространстве, а о пространственной метафоре. Всё это напоминает переусложненную систему Птолемея с ее эпициклами. На проблематичность введения “третьего объекта”

⁵⁷⁶ Holm L. Lorens Holm, *Architecture and Its Objects*. P. 66.

⁵⁷⁷ Harman G. Graham Harman’s Response to Lorens Holm // *Is There an Object-Oriented Architecture?* P. 74.

во взаимодействие двух реальных объектов указывают также Дж. Когбёрн и Н. Янг. Они справедливо отмечают, что третий объект тоже должен вступать в отношения с этими двумя РО, что приводит к бесконечному регрессу, но не предлагают никакого решения⁵⁷⁸.

Харман интуитивно прав в том, что объяснение символических объектов нужно искать в напряжении RO–SQ, то есть в том, как реальный объект по-разному реализуется в восприятии. Однако, ошибается, применяя к этому логику пространства. В качестве коперниканского ответа на птолемеевский подход Хармана, мы предлагаем обратиться к категории энергии. Вместо того, чтобы считать алтарь включенным в огромное количество симбиотических объектов, можно сказать, что он “излучает” энергию, а воспринимающий – “принимает” ее и продлевает работу по восприятию.

Алтарь как символический объект не совпадает с буквальным воспринимаемым объектом, поскольку в нем, как верно замечает Холм, переживается недоступная до конца восприятию глубина. Но он не совпадает и с реальным объектом, поскольку его священный статус не составляет его сущности. Для одного человека он будет святыней, для другого – просто камнем, для третьего – символом архаического мракобесия. Для стоящего на нем потира – подставкой, для храма – объектом внутри, для церковной крысы – подобием горы, с которой лучше видно окрестности.

Символ – это реализация определенного способа восприятия – энергия реального объекта. Его можно представить как линию в энергетическом спектре. Один и тот же объект может символизировать разные вещи, а значит в его спектре будет несколько линий. Даже для того, чтобы увидеть в алтаре “просто камень”, необходимо проделать соответствующую работу восприятия (потратить энергию), в которой он будет представлен как камень. Энергия возвращает нас к метафоре чёрного шума, с помощью которой Харман пытается описать как изъятые из всех отношений реальные объекты передают

⁵⁷⁸ Cogburn J, Young N. Revisiting the Notion of Vicarious Cause: Allure, Metaphor, and Realism in Object-Oriented Ontology // Open Philosophy. 2024. №7. P. 1–14.

информацию о себе. Особенность чёрного шума заключается в том, что его энергетический спектр имеет узкие пики, между которыми близкий к нулю уровень энергии. Эти пики можно проинтерпретировать как устойчивые формы, которые принимает информация о реальном объекте. А уровни Лингиса – как множественность линий в спектре. Дальше их можно соотнести с интеробъективными резонансами в теории Тимоти Мортон.

Выводы из § 2.2

Теория объектов в объектно-ориентированной онтологии выстраивается вокруг двух фундаментальных онтологических “разломов”, определяющих существование любых объектов в реальности: воспринимаемое/реальное и объект/качества. Сочетая эти аспекты, Грэм Харман создал аналитическую схему структуры существования любого объекта, представленную в форме квадратной матрицы и получившую название четвероякий объект. Она состоит из четырех полюсов – реального объекта (RO), реальных качеств (RQ), воспринимаемого объекта (SO) и воспринимаемых качеств (SQ) – и их десяти сочетаний (напряжений, юнкций и излучений). Анализ любого объекта по четвероякой схеме Харман называет онтографией.

При разработке теории воспринимаемых объектов и их качеств Харман обратился к идеям феноменологии Эдмунда Гуссерля, а также теории восприятия Эммануэля Левинаса и Альфонсо Лингиса. Воспринимаемые объекты всегда находятся в прямом доступе и “инкрустированы” постоянно меняющимися воспринимаемыми качествами. В лице Гуссерля Харман находит союзника в критике эмпиризма (Дж. Локк, Дж. Беркли), сводящего объекты к пучкам качеств. Его теория интенциональных объектов позволяет Харману отстоять целостность объекта. Он обращается к феноменологической и эйдетической редукции Гуссерля, чтобы описать напряжения между SO и SQ, а также SO и RQ.

Однако, стоит отметить, что под воспринимаемыми качествами Харман понимает скорее атрибуты и акциденции объектов, тогда как Гуссерль относит их к интенциональным актам. Первое скорее восходит к теории восприятия Левинаса, чье влияние на формирование теории воспринимаемых объектов оказывается гораздо шире, чем понимание качеств. Харман обращается к понятию среда или стихия, которое означает содержание без формы, качества или свойства без сущности, и вслед за своим учителем Альфонсо Лингисом называет ее чувственным эфиром. Этот эфир качеств становится опосредующим звеном между двумя изъятыми из прямых отношений друг с другом объектов. У Лингиса Харман заимствует идею многоуровневой структуры эфира и императивную структуру восприятия вещей: вещи отдают приказы, как их правильно воспринимать. Также он вводит понятие чёрного шума, которым описывает объектоподобную структуру окружающих объекты облаков качеств, которые при восприятии становятся эфиром.

Теория реальных объектов и их качеств восходит к понятию подручного (*Zuhandenheit*) Мартина Хайдеггера, теории сущности Хавьера Субири и монадологии Г. В. Лейбница. Главная характеристика реального объекта – его изъятость (*withdraw*) из прямого доступа других реальных объектов, из-за чего он не вступает с ними в прямые отношения. Реальный объект также представляет собой автономную единицу, которая не сводится к пучку качеств. К пониманию реальных качеств Харман приходит с двух сторон: со стороны SO через эйдетическую вариацию Гуссерля, в которой они постигаются путем аллюзии, и со стороны RO – благодаря монадологии Лейбница, в которой монады отличаются друг от друга по набору качеств. Существенное отличие ООО от монадологии заключается в том, что для Лейбница монады представляют собой простые субстанции, тогда как помимо них существуют еще и – сложные. Харман отвергает идею сложных или составных (композиционных) субстанций, агрегатов или машин, которые в равной мере являются объектами.

Изъятость реального объекта как его главная характеристика породила целый ряд сравнений с ноуменом или вещью-в-себе Канта. Однако, он появляется в теории Хармана без отсылки к Канту. И хотя в более поздних работах он принимает это сравнение, но с оговоркой: у Канта различие ноумена и феномена производится чистым разумом, в ООО на него способны не только разумные существа, но и любые объекты.

Онтография Хармана выстраивается вокруг анализа трех типов связей между полюсами четвероякого объекта. Он называет напряжением связь между объектом и качествами, их насчитывается четыре: SO–SQ – время, SO–RQ – эйдос, RO–SQ – пространство, RO–RQ – сущность. Мы оспариваем корректность именованного напряжения RO–SQ пространством и настаиваем на понятии энергии. Поскольку качества неотделимы от объектов, аналитически их надо расщеплять. В отношении SO–SQ Харман называет расщепление конфронтацией, оно указывает на единство воспринимаемого объекта в ситуации меняющихся качеств. Поскольку реальные полюса изъяты из прямого доступа, в перекрестных напряжениях SO–RQ и RO–SQ реальное оказывается “вплавлено” в воспринимаемое и, чтобы обнаружить напряжение полюсов, необходимо произвести расщепление. В случае SO–RQ способом расщепления становится *теория*; RO–SQ – *аллюр*. RO и RQ полностью изъяты из сферы восприятия и их отношение никогда не становится частью опыта. Они тоже оказываются сплавлены между собой и способом их расщепления оказывается *причинность*.

Второй тип связей относится к сочетаниям объектов и называется юнкция. Харман выделяет три юнкции: RO–RO – изъятость, RO–SO – искренность, SO–SO – смежность. RO–RO указывает на изъятость реальных объектов из прямых отношений. SO–SO – на формат отношений воспринимаемых объектов, которые, не обладая собственной автономией просто соседствуют друг с другом, не вступая в самостоятельные взаимодействия. Юнкцию RO–SO Харман называет искренность, но она относится к связи, которая возникает между воспринимаемым объектом и

реальным объектом-наблюдателем (RO*), тогда как в онтографической схеме речь должна идти о связи между RO и SO наблюдаемого объекта. Мы предлагаем назвать такую связь уверенностью.

Третий тип связей – излучения – представляют собой сочетания качеств. Но поскольку качества всегда соединены с объектом, рассуждение об их сочетаниях без объектов, представляется достаточно искусственной попыткой полностью заполнить аналитическую схему четвероякого объекта.

Значительным вкладом в теорию объектов ООО является концепция гиперобъектов Тимоти Мортон. Она впервые появляется до его присоединения к объектно-ориентированной философии в работе “Экологическое мышление” (2010). Гиперобъектами Мортон называет особый тип объектов, которые широко распространены во времени и пространстве и не поддаются целостному восприятию. Он вписывает свою концепцию в контекст модели четвероякого объекта, принимая фундаментальный “разлом” между реальным и воспринимаемым. Гиперобъекты относятся к классу воспринимаемых объектов, за которыми скрываются реальные объекты. Описываемые Мортоном свойства гиперобъектов также относятся к особенностям их восприятия.

С помощью своей концепции он критикует феноменологическое понятие мира как возможности места позиции и “пустого пространства”, населенного объектами. С точки зрения Мортон, феноменология мира не замечает обусловленность восприятия средой гиперобъекта, в которую неизбежно погружен наблюдатель. Погруженность воспринимающего в гиперобъект он описывает свойствами вязкости и нелокальности. Ощущение “приклеенности” к гиперобъекту обеспечивается интеробъективной системой – сеткой, которую можно назвать аналогом эфира у Хармана. Мортон филигранно вводит в свою теорию термины буддийской философии – *бардо* и *карма*. Бардо представляет собой условное пространство или зазор между изъятым реальным объектом и сеткой или эфиром. Термином бардоподобное состояние (сон наяву) он описывает осознание нереальности воспринимаемых объектов. Карма

описывает то, из чего собирается опыт восприятия; это – узор или спектр чёрного шума.

Одной из самых уязвимых для критики тем объектно-ориентированной онтологии является проблема времени и пространства, которые в онтографии Хармана соответствуют напряжениям SO–SQ и RO–SQ. Он рассматривает тему времени и пространства в контексте спор между Г.В. Лейбницем и С. Кларком. Харман отвергает представление Кларка–Ньютона о времени и пространстве как вместилищах объектов, потому что оно противоречит одному из основных принципов ООО – онтологической первичности объектов. Он склоняется на сторону Лейбница в отношении реляционности времени, а в отношении пространства говорит, что абсолютная реляционность противоречит принципу изъятости реальных объектов, с которыми оно связано как напряжение RO–SQ.

Теория времени встретила критику со стороны Питера Граттона, Питера Вульфиндейла и Арьена Кляйнхеренбринка. Возражения всех троих касались основного вопроса: как возможны изменения в реальных объектах, если они находятся, согласно ООО, вне времени, ведь время принадлежит сфере восприятия (SO–SQ). Граттон пришел к мысли, что реальные объекты Хармана должны в таком случае быть вечными как платоновские идеи, а Вульфиндейл и Кляйнхеренбринк предположили существование некоего глубинного времени, которое описывало бы трансформацию реальных объектов. Харман отверг оба тезиса, раскритиковав, в частности, идею глубинного времени как разновидность вместилища. Основной тезис теории времени Харман звучит как “время порождается объектами”. Изменения в реальных объектах, с точки зрения ООО, происходят благодаря механизму замещающей причинности, т. е. посредством воспринимаемого объекта и его качеств. В своем подходе ко времени Харман совпадает с Муртоном, который считает, что время – результат эмиссии, осуществляемой воспринимаемыми объектами.

Теория пространства встретила меньше критики, однако оказалась более проблематичной. С точки зрения Хармана, отношения между двумя объектами возникают внутри пространства – третьего. Он определяет его как место отношения и не-отношения. Архитектор Лоренс Холм задается справедливым вопросом: как теория защищает себя от собственных метафор? Никто из критиков не обращает внимания на тот факт, что категория пространства в онтографии Хармана совпадает со структурой метафоры – оба представляют собой напряжение RO–SQ. И пространство третьего объекта, в котором разворачиваются отношения и не-отношения двух других – это метафорическое пространство, потому что ни у одного из них нет прямого доступа к внутреннему пространству третьего. Он становится средой взаимодействия, что отсылает нас к гиперобъектам Мортонa, реальность которых не доступна напрямую, а воспринимается эстетически. Мы предлагаем понимать категорию пространства в онтографии ООО как разновидность напряжения SO–SQ, в котором объект и качества будут относиться ко всей совокупности воспринимаемых объектов. Мортон тоже рассматривает пространство в связке со временем, т. е. как принадлежащее к сфере восприятия.

Мы предлагаем интерпретировать напряжение RO–SQ как категорию *энергии*. Понятие энергии появляется в работах Хармана, когда он говорит о переводе формы реального объекта в форму – воспринимаемого: он сопровождается затратой энергии. При этом он никак не концептуализирует энергию в контексте онтографии. Мы предлагаем обратиться к понятию энергия у Аристотеля как действию и реализации способности. Анализ различия энергии (*energeia*) и движения (*kinesis*), проведенный Дэвидом Брэдшоу, показывает, что движение разворачивается во времени, а энергия – в настоящем, что является характеристикой реального объекта. В нашей интерпретации энергия указывает на отношения сокровытого и проявленного – реализацию способности к восприятию. Добавляя к этому идею Лингиса о

многоуровневости эфира чувственных качеств, мы формулируем концепцию энергетического спектра восприятия.

§ 2.3. Теория причинности и познание

2.3.1. Замещающая причинность Грэма Хармана

Теория причинности, которую предлагает Грэм Харман, представляет собой попытку ответить на вопрос: как реальные объекты взаимодействуют друг с другом, если они изъяты из всех отношений между собой. Это кажущийся на первый взгляд парадокс решается в ООО следующим образом: причинность должна иметь непрямой характер и быть связана каким-то образом со сферой восприятия объектов. Этот тезис появляется уже в первой работе Грэма Хармана “Инструмент-сущее” (2002), в которой он делает первые шаги по разработке собственной теории причинности. “Оказывается, что даже грубая причинность принадлежит к сфере наличного”⁵⁷⁹, – пишет он.

Первый вариант термина, описывающего непрямой характер причинности, окказиональная причина (*occasional cause*), Харман впоследствии отверг как слишком сильно ассоциирующийся с теологией окказионализма. Ему на смену он предложил понятие замещающей причинности (*vicarious causality*), которое впервые появилось в “Партизанской метафизике” (2005), а затем получило развитие в парадигмальной статье “О замещающей причинности” (2007) и центральной работе философа “Четвероякий объект” (2011).

Представляя свою теорию причинности, Харман начинает с поиска исторических примеров других теорий, в которых взаимодействие объектов между собой носит опосредованный характер. Он находит их в теологии окказионализма в ее раннемодерном французском варианте (Н. Мальбранш) и – средневековом арабском (школа Ашаритов). А также в перевернутом виде – в эмпиризме и скептицизме (Д. Юм). Любопытно, что Харман лишь вскользь упоминает в этом контексте Лейбница, хотя его монадология играет важную роль в становлении объектно-ориентированной философии. В ней, как и в

⁵⁷⁹ Harman G. Tool-Being. P. 221.

окказионализме, посредником между взаимодействующими объектами выступает Бог. Окказионалистами в широком смысле слова Харман считает также Б. Спинозу, Дж. Беркли и А. Н. Уайтхеда, чьи “вечные объекты” питает Бог⁵⁸⁰.

В “перевернутом окказионализме” Дэвида Юма связующим звеном становится “интенциональный агент”⁵⁸¹, обладающий человеческой привычкой. “Если окказионализм предоставляет существование субстанциям, отрицая, что они могут соотноситься, то эмпиризм совершает обратный маневр: начинает с отношений, поскольку отрицает, что они с необходимостью вовлекают независимые субстанции”⁵⁸², – пишет Харман. В конце концов, по его мнению, окказионалистская схема опосредованной причинности сохраняется в современной философии в форме аналогичной скорее Юму, нежели вышеупомянутым теологам⁵⁸³. Мы не будем разбирать, насколько адекватно Харман понимает тонкости окказионалистской теологии или философии эмпиризма. Эти примеры нужны ему, чтобы показать исторические прецеденты идеи непрямой причинности. Его собственную теорию с этими примерами напрямую ничего не связывает. В ООО место посредника занимает воспринимаемый объект.

Причинность в теории Хармана имеет три характеристики: она – замещающая (*vicarious*), буферизированная (*buffered*) и асимметричная (*asymmetrical*). Замещающий или викарный характер причинности выражается в том, что взаимодействие одного реального объекта с другим происходит через посредника, замещающего последний. Этот объект-посредник (*proxy*) возникает в сфере восприятия первого как активная репрезентация из того облака данных или информации, в котором происходит их буферизация, то есть временное хранение. Харман называет это облако эфиром, а объекто-подобный характер хранения данных – чёрным шумом. В отличие от

⁵⁸⁰ Харман Г. Четвероякий объект. С. 77.

⁵⁸¹ Харман Г. О замещающей причинности.

⁵⁸² Харман Г. Четвероякий объект. С. 77.

⁵⁸³ Там же. С. 78.

хаотического белого шума чёрный – отличается высокой степенью структурированности. Буферизированный характер причинности также отвечает за то, что воспринимаемый объект не сливается с другими воспринимаемыми объектами по соседству, “но все они удерживаются на этой кромке благодаря неведомым нам разделительным стенам, которые и сохраняют частное пространство каждого”⁵⁸⁴. Асимметричность причинности означает, что взаимодействие между двумя реальными объектами происходит не через один и тот же воспринимаемый объект, а через разные: у каждого из реальных объектов – свои.

“Реальные объекты не могут затрагивать реальные объекты... И чувственные объекты не затрагивают другие чувственные объекты, но существуют лишь как смежные в единичном опыте, который связывает их. Поэтому единственно возможный вид прямого контакта асимметричен: реальные объекты затрагивают данные им в опыте чувственные объекты. <...> Существует только один реальный объект, вовлеченный в любое взаимодействие. Если я воспринимаю дерево, оно, вероятно, может в свою очередь воспринимать меня. Но происходить это должно как часть другого отношения, а не как обратная сторона того же самого”⁵⁸⁵, – пишет Харман. Асимметричность причинных отношений указывает на то, что не существует никакого общего пространства восприятия, в котором они могли бы осуществляться. И в этом теория замещающей причинности Хармана отличается от любых версий теологического окказионализма, в которых посредником оказывается один и тот же для всех объектов Бог.

Однако, декларировать замещающий характер причинности еще недостаточно для полноценной теории, необходимо показать, как осуществляется эта непрямая связь между двумя реальными объектами. В статье “О замещающей причинности” Харман называет пять способов отношений между объектами: смежность (*contiguity*), искренность (*sincerity*),

⁵⁸⁴ Харман Г. О замещающей причинности.

⁵⁸⁵ Харман Г. Четвероякий объект. С. 80–81.

отсутствие всякого отношения (*no relation at all*), содержательность (*containment*), связь (*connection*). Первые три уже известны нам по онтографии как отношения SO–SO, RO–SO и RO–RO. Содержательность Харман определяет следующим образом: “Интенция как целое содержит и реального меня, и чувственно воспринимаемое дерево”⁵⁸⁶. Фактически, она представляет собой внутреннее пространство опыта восприятия. В своей онтографии Харман не возвращается к этому понятию, и для нашей цели показать работу непрямой причинности оно не понадобится, поэтому мы не будем дальше его обсуждать. Отметим лишь, что в модифицированной нами онтографии ООО содержательность можно проинтерпретировать как категорию пространства, представляющую собой один из вариантов напряжения SO–SQ (см. подробнее § 2.2.6).

К теме замещающей причинности напрямую относится пятый вид отношений: “Связь. Интенция как целое должна возникать из реальной связи реальных объектов, даже если эта связь косвенная. В конце концов, другие возможные сочетания дают и совершенно другие результаты. Два чувственных объекта просто расположились друг подле друга. А моя искренняя поглощенность деревьями и ветряными мельницами — это просто внутреннее содержание интенции, а не общая интенция как таковая. Итак, реальный объект сам по себе рождается из связи других реальных объектов, посредством какого-то неведомого замещения”⁵⁸⁷. Связь существует только между реальными объектами, она носит замещающий характер, и с учетом последнего ее работа состоит в сцепке и расцепке реального и воспринимаемого объектов, которую можно представить через динамику искренности (SO–RO) и аллюра (RO–SQ). Стоит признать, что в статье “О замещающей причинности” тема аллюра подается слишком путанно, в частности, Харман определяет его как “разрыв между чувственно воспринимаемым объектом и его качеством”⁵⁸⁸, что противоречит более

⁵⁸⁶ Харман Г. О замещающей причинности.

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ Там же.

поздней онтографии (расщепление RO–SQ). Одновременно с этим он говорит, что “аллур просто создает аллюзию на объект”⁵⁸⁹, что указывает на его связь с реальным объектом так, как он представлен в онтографии. Чтобы избежать путаницы мы предложим собственную реконструкцию работы замещающей причинности, которая в модели четвероякого объекта будет соответствовать схеме RO–SO/SQ–RO*, где RO* – это наблюдатель, а RO – наблюдаемый объект.

Воспринимаемый объект, или информация, возникает в эфире бесформенных воспринимаемых качеств, чье напряжение со скрытым реальным объектом (SQ–RO) соответствует категории *энергии*, а расщепление между ними – понятию *аллюра*. Харман пишет, что “в случае реальных объектов единственный способ соприкоснуться, не соприкасаясь, – это аллур”⁵⁹⁰. Однако, этого недостаточно: аллур указывает на связь реального объекта с воспринимаемыми качествами. Но качества инкрустируют воспринимаемый объект, чье отношение с реальным – тоже необходимо учитывать. В предыдущей главе мы обратили внимание на то, что отношение между реальным и воспринимаемым объектом, которое Харман называет искренностью (*sincerity*), распадается на два варианта: искренность (в нашем случае – RO*–SO) и уверенность (SO–RO). Уверенность позволяет различать скрытый от восприятия реальный объект и его воспринимаемую репрезентацию. Искренность передает отношение прямого доступа к воспринимаемому объекту, которое также означает прямое воздействие этого объекта (или иначе – информации) на того, кто его переживает в опыте. За энергию этого воздействия отвечает переживание аллюра (поглощенности, очарования) и убежденности в реальности того, что стоит за информацией. Так осуществляется замещающая причинность.

Учитывая, что напряжение SQ–RO также совпадает со структурой метафоры, мы часто видим, что причинно-следственная связь принимает

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Там же.

метафорическую форму. Например, когда мы нажимаем кнопку выключателя света, чтобы зажечь лампочку, то создаем в уме эстетический образ причинно-следственных связей. Из курса школьной физики мы знаем, что нажатие кнопки замкнет цепочку проводника и электроны как маленькие шарики побегут по проводу, перенося заряд. Однако, картинка из учебника в нашей голове – это метафора, потому что электроны – не шарики, и они никуда не бегут. Мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, как выглядит электрон, во всяком случае квантовая теория нам это прямо запрещает. В стандартной модели современной физики он представляет собой матрицу математических параметров.

Представим себе, что перед кнопкой стоит человек, ничего не знающий об электричестве, но в чьей культуре есть представление о том, что связь между кнопкой и лампочкой обеспечивается некими духами. В этом случае духи тоже будут лишь метафорой, иллюстрирующей связь между нажатием и включением света. Причинность кажется нам механической только потому, что мы не задумываемся о том, что реально происходит между двумя связанными моментами, мы осуществляем ее на автомате. За этим привычным автоматизмом восприятия скрывается тот факт, что мы на самом деле не знаем, что в реальности происходит, подменяя объяснение метафорами – микроскопическими шариками, текущими в металлическом проводнике, или духами, пробужденными нажатием кнопки и в ярости поджигающими лампу.

2.3.2. Магическая причинность Тимоти Мортон

Тимоти Мортон развивает концепцию непрямой причинности в работах “Реалистская магия” (2013), “Тёмная экология” (2016), “Стать экологичным” (2018), а также в статье “Что, если искусство – разновидность магии?” (2015), в которой причинность рассматривается в связи с понятием харизмы. Он, как и Харман, тоже прибегает к историческим аналогиям, дополняя список предшественников арабским философом-перипатетиком аль-Кинди (801–873)

и индийским буддийским философом Нагарджуной (II–III вв.). Впрочем, эти примеры также не имеют решающего значения. При этом он находит в Дэвиде Юме гораздо большего союзника, чем Харман.

Мы не будем подробно останавливаться на том, в чем Мортон по-своему, но повторяет вслед за Харманом. Они совпадают в объяснении непрямого характера причинности: если реальные объекты изъяты из прямого доступа друг к другу, то их связь не может быть прямой. Мортон признает наличие “разлома” (*rift*) между реальным и воспринимаемым. Причинность у него разворачивается на той стороне “разлома”, которая соответствует воспринимаемому: “Если объекты неизменно скрыты, то причинность должна находиться где-то в области отношений между объектами, наряду с такими вещами, как число, [воспринимаемые] качества, время, пространство и так далее”⁵⁹¹. И точно так же, как и Харман, он придает ей эстетический характер: “Когда речь заходит о причинности, реальность сама по себе оказывается не механистической или линейной... Я утверждаю, что причинность – целиком и полностью *эстетический* феномен”⁵⁹². В этом параграфе нас будут интересовать идеи, которыми Мортон дополняет теорию Хармана.

Теорию не прямой причинности Мортон невозможно рассматривать в отрыве от его буддийского бэкграунда. И первое, с чего следует начать – с оригинальной интерпретации *кармы* – понятия индо-буддийской теории причинности. В предыдущей главе мы уже упоминали его в связи с другим понятием буддийского происхождения в его философии – *бардо*. Философ освобождает это понятие от его морально-религиозного значения как космического воздаяния за дела, речи и мысли. По Мортону, карма – это “накопленные склонности и привычки, в которые вливаются вещи”⁵⁹³. “Ветра кармы” подпитывают бардо – тот самый разлом между скрытым реальным объектом и воспринимаемым эфиром бесформенных качеств, из которых формируются воспринимаемые объекты.

⁵⁹¹ Morton T. Realist Magic. P. 30.

⁵⁹² Ibid. P. 17, 19.

⁵⁹³ Мортон Т. Гиперобъекты. С. 72.

Можно сказать, что карма – это устойчивые паттерны, циклы или петли (*loops*) формирования воспринимаемых объектов. Они носят статистический характер в том же смысле, в каком говорится о привычке в философии Д. Юма. Кармические паттерны возникают из обобщения накопленного опыта, ставшего привычным. При одних и тех же условиях мячик отскакивает от стены одинаковым образом. Но стоит подменить материал поверхности или самого мяча при сохранении внешнего вида – отскок уже будет непредсказуемым, и он покажется странным (*weird*). Мортон обращается к этимологии слова “*weird*”, чтобы связать его с темой судьбы и причинности. В старонорвежском языке слово *urth*, от которого происходит английское – *weird*, означает скрученное в петлю. Урд (*Urðr*) – одна из норн, скандинавских богинь судьбы, отвечающая за прошлое.

Мортон пишет: “*Weird*: поворот, твист, петля, поворот событий. Молоко скисло (*turned sour*). У неё приступ покалывания (*funny turn*⁵⁹⁴). Что за погода! (*That weather was a strange turn-up for the book*⁵⁹⁵). В то же время *weird* может означать и странный вид. Эта грозовая туча выглядит так странно. Она ведет себя странно. Молоко пахнет странно. Глобальная странность”⁵⁹⁶. Петля странного (*weird*) “связывает” сущность и явленность вещи, но эта связь подобна двум сторонам ленты Мёбиуса. Ощущение странного порождает тёмное познание (*dark cognition*) – осознание принципиальной конечности и хрупкости нашего знания об объектах, которые, по словам Мортон, “покрыты и окруженными таинственными герменевтическими облаками неведения”^{597, 598}. Он выделяет три аспекта тёмного познания⁵⁹⁹. Во-первых, оно тёмно-депрессивное (*dark-depressing*), или скорее тёмно-

⁵⁹⁴ Прим. А. III.: бывает перед insultом или эпилептическим припадком.

⁵⁹⁵ Прим. А. III.: that’s turn up for the books – идиома, которую можно перевести как “кто бы мог подумать!”, “во дела!”.

⁵⁹⁶ Morton T. Dark Ecology. P. 5.

⁵⁹⁷ Здесь Мортон делает сознательную отсылку к средневековому трактату “Облако неведения” (XIV в.), наследующему христианской традиции апофатического богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита. Согласно анонимному автору трактата, в облаке неведения скрывается Бог, Мортон распространяет этот принцип на все изъятые из прямого доступа объекты.

⁵⁹⁸ Morton T. Dark Ecology. P. 6.

⁵⁹⁹ Ibid. P. 5.

меланхолическое⁶⁰⁰. Меланхолия возникает при осознании того, что мы имеем дело не с реальностью, а с хрупкими и неустойчивыми образами. Во-вторых, такое познание – тёмно-жуткое (*dark-uncanny*), ведь всё, что мы не можем контролировать нас пугает. И, в-третьих, оно – странным образом тёмно-сладостное (*dark-sweet*) – притягательное как вязкость или аллюр.

Мы уже обсуждали в предыдущей главе, что Мортон описывает реалистическое мышление или точнее – реалистическую осознанность (тёмное познание) как бардоподобное состояние, сон наяву. Он добавляет, что понятие странного указывает на “мерцание тёмного пути между причинностью и эстетическим измерением, между действием и явленностью”⁶⁰¹. Ощущение странного возникает при обнаружении зазора между ожидаемым результатом действия, основанного на кармическом паттерне или привычке, и явленным несовпадением с ним. В нем происходит слом механистической причинно-следственной схемы и проявляется эстетическое измерение причинности. Или еще точнее можно сказать, что *странное* разоблачает иллюзорный (сконструированный мышлением) характер механистической причинности. “Мысль о том, что я тянусь к выключателю на расстоянии, которое я могу игнорировать, – это иллюзия. На самом деле выключатель уже появился некомфортно близко ко мне, ухмыляясь, как цирковой клоун, без какой-либо дистанции. Мое намерение включить его и последующее за ним механическое действие подразумевает уже существующее взаимопроникновение между мной и выключателем, подобное силовому полю”⁶⁰², – пишет Мортон. В этом плане переживание странного можно сравнить с буддийским опытом пробуждения как обнаружения иллюзорного характера воспринимаемой реальности. Переплетение причинности и иллюзии Мортон также называет словом “магия”⁶⁰³.

⁶⁰⁰ См. также: Morton T. Realist Magic. P. 159–160.

⁶⁰¹ Morton T. Dark Ecology. P. 5.

⁶⁰² Morton T. Realist Magic. P. 65

⁶⁰³ Morton T. What If Art Were a Kind of Magic? // ArtReview. 2015. 10 Dec. URL: <https://artreview.com/november-2015-feature-timothy-morton-charisma-causality/> (дата обращения 20.06.2026).

Непрямая магическая причинность, несмотря на свой иллюзорный характер, передает воздействие одного объекта на другой. В целом схема этого воздействия может быть описана точно так же, как у Хармана как RO*–SO/SQ–RO с поправкой, что Мортон не следует эксплицитно четвероякой схеме. Скрытый реальный объект создает в сфере восприятия другого объекта образ (иллюзию), на который тот реагирует. Однако, образы обладают разной силой влияния. В отличие от Хармана, Мортон обнаруживает энергетический характер этого эстетического воздействия. Он описывает его понятием *харизма*, которое заимствует из словаря Макса Вебера и определяет как “мощную энергию, излучаемую отдельными индивидами, которая подпитывает менее иерархически организованные социальные формы”⁶⁰⁴. У Мортонa этими индивидами становятся не только люди, но и любые объекты. В качестве примера он приводит причину, по которой, с его точки зрения, синие киты избежали полного истребления: “Этого не произошло, потому что люди в середине 1970-х годов были очарованы записями звуков китов. Очарованы. Что это значит? С точки зрения харизмы, это означает, что некоторые из нас подчинились энергетическому полю, излучаемому звуками китов”⁶⁰⁵. Очарованность (*enchantment*) людей песнями китов – то же самое, что аллюр. А поскольку его переживание, как мы увидим дальше, носит перформативный (театральный) характер, воспринимая песни китов как искусство, люди ставят себя на их место и в итоге спасают в них себя. По мнению философа, этот эстетический опыт части людей оказался достаточно сильным, чтобы остановить истребление целого вида живых существ.

Магия искусства (в широком смысле слова), с точки зрения Мортонa, заключается в том, что его воздействие через эстетический опыт не поддается контролю со стороны воспринимающего, а значит оно выходит за пределы сферы восприятия. В этом ему вторит другой спекулятивный реалист, Стивен Шавиро, утверждающий, что чувство красоты нельзя в себе вызвать волевым

⁶⁰⁴ Ibid.

⁶⁰⁵ Ibid.

усилием, им можно быть только захваченным: “Цветок не является прекрасным сам по себе; скорее красота случается, когда я встречаюсь с цветком. Красота мимолетна и всегда пронизана инаковостью. Ведь несмотря на то, что чувствование красоты является “субъективным”, я не способен испытывать его по своей воле. Обнаружить прекрасное я могу только тогда, когда сам объект подстрекает меня к этому или некоторым способом пробуждает во мне чувство прекрасного. К тому же красота не переживает момента встречи, в котором она была создана. После того, как она минула, ее невозможно вернуть”⁶⁰⁶. В этом смысле красота оказывается объективной, или точнее – объектно-ориентированной.

2.3.3. Метафора, театральность, игра

Обсуждая механизм осуществления не прямой причинности, необходимо подробнее остановиться на том ее элементе, который соответствует напряжению RO–SQ. В предыдущей главе мы показали, что это напряжение соответствует категории энергии и выражает энергетический характер восприятия. Его можно описать такими словами как “заряженность”, “магнетизм”, “харизма”. За аналитическое расщепление RO–SQ отвечает понятие аллюра, которое описывается как опыт поглощенности и загнипотизированности, которые по своему смыслу скорее относятся к сплавлению. В качестве примера Харман приводит опыт переживания красоты. И ранее мы отмечали некоторую противоречивость в описании аллюра. В этом параграфе мы проясним, что именно расщепляется в аллуре и почему это не противоречит опыту поглощенности при его переживании. Для этого мы обратимся к теории метафоры Хармана, поскольку ее структура в четвероякой схеме соответствует исследуемому нами RO–SQ.

Философ раскрывает работу метафоры на примере “кипарис подобен пламени”, которую он находит в одной из ранних работ Х. Ортеги-и-Гассета:

⁶⁰⁶ Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 21.

“По определению кипарис в метафоре – это не кипарис из повседневного опыта, но кипарис в своей осуществляющейся внутренней сути: недоступный кипарис-в-себе. Однако этот кипарис *en soi* не может присутствовать в метафоре больше, нежели в мышлении или восприятии. Даже самая большая армия прекрасных метафор не смогла бы представить исчерпывающее число аллюзий на кипарис в его внутренней жизни. Тем не менее, поскольку объекты и качества для ООО всегда идут вместе, метафора работает только потому, что пламя-качества каким-то образом сплелись с объектом, а не просто с непостижимой пустотой, в которой ранее находился кипарис. Таким образом, остается только один вариант, который нам предстоит принять, даже если последствия на первый взгляд кажутся странными. Ведь если реальный кипарис так же отсутствует в метафоре, как и в мышлении и восприятии, то все же есть один реальный объект, который никогда не исчезает из нашего художественного опыта: это мы сами. Да, именно мы сами замещаем отсутствующий кипарис, поддерживая его свежеприобретенные пламя-качества... Как бы странно это ни звучало, но существует одна профессиональная сфера, где все это уже стало давно привычным делом. Это актерское мастерство, где знаменитая система Константина Станиславского исходит из того, что нужно постараться стать изображаемым объектом настолько полно, насколько это вообще возможно”⁶⁰⁷.

Метафора оказывается “вариантом перформативного искусства”⁶⁰⁸. В ее основе лежит подмена одного реального объекта другим – единственно доступным. Впрочем, любой другой род искусства и эстетического опыта в целом, по Харману, тоже становится перформативным: “Подобный перформанс не исполняется в случаях буквального знания, поскольку тогда объект не исчезает со сцены, а потому и нет потребности в замещении. Эстетические феномены отличаются от другого опыта тем, что зрителя призывают – если только он слышит зов, то есть если мы хотя бы частично

⁶⁰⁷ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 82–83.

⁶⁰⁸ Харман Г. Искусство и объекты. С. 169.

убеждены произведением искусства – занять место отсутствующего объекта и поддержать качества, которые были приписаны ему лишь с некоторой долей убедительности”⁶⁰⁹. Харман не поясняет, как устроена механика “актерской игры” в театральности эстетического познания. Чтобы это прояснить обратимся к философу, представляющему другое направление современной спекулятивной мысли, канадскому пост-делёзианскому философу Брайану Массуми.

Массуми рассматривает игру как возникновение делёзианской “зоны неразличимости” – ситуации, в которой, по его словам, не работает закон исключенного третьего: “Модус абстракции, производимый в игре, не уважает закон исключённого третьего. Его логика – это логика взаимного включения. Две разные логики задействованы в этой ситуации; обе присутствуют в их различии и соучаствуют в перформативной зоне неразличимости. Бой и игра⁶¹⁰ сходятся вместе, и их схождение порождает третий элемент. Есть одно, второе – и включённое третье их взаимного влияния”⁶¹¹. Ребенок, играющий в охотящегося тигра, – это все еще человеческий ребенок, но в рамках игры он уже тигр. Мы понимаем, что он не настоящий тигр, но его игровая “природа” – уже звериная, и, если мы хотим, чтобы игра продолжалась, мы должны принимать это превращение как реальное. Реальность игры поддерживает единство действия.

Игру от не-игры отличает *стиль* жестов: “В игре ты не кусаешь, а покусываешь”⁶¹². Если игрок не вовлекается в игру, иронически отделяет себя от своей роли в ней, расщепляя тем самым единство действия, он выпадает из игры. Если, напротив, он полностью отождествляет себя с игровой ролью, принимает ее буквально, стирая различия между игровым и неигровым, он заигрывается. В обоих случаях игра заканчивается, потому что зона

⁶⁰⁹ Там же. С. 169.

⁶¹⁰ Массуми обсуждает ситуацию игровой драки, в которой животные, получают навыки реального боя, но не вступают в настоящий бой.

⁶¹¹ Массуми Б. Чему животные учат нас в политике? / пер. А. Морозова и Д. Хамис. Пермь : Гиле Пресс, 2019. С. 15.

⁶¹² Там же. С. 14.

неразличимости разрушается. В первом случае участник игры отказывается кусать вообще, во втором – кусает по-настоящему, а не понарошку.

Игра имеет ту же структуру, что и метафора. В ней один реальный объект исполняет роль другого реального объекта, переживая его воспринимаемые качества. Причем, важно подчеркнуть, что речь идет именно о воспринимаемых качествах, а не о сущностных. Ребенок-тигр исходит из своего представления тигриных качеств. Окончание игры и разрушение зоны неразличимости соответствует буквальному пониманию, в котором не происходит замещения реального объекта. В случае метафоры игра происходит в воображении, использующего ее. Она не работает, если воспринимаемые качества не позволяют сформировать роль. Например, метафора из Гомера винноцветное море, которую любит приводить Харман, вряд ли будет действенна, если сталкивающийся с ней человек не знает, что такое вино.

Харман говорит про эстетический опыт, что поглощенность, переживаемая в нем, позволяет зрителю и произведению искусства оставаться “разными и отделяемыми друг от друга”⁶¹³. При этом поглощенность у него является синонимом театральности, которую в свою очередь можно сопоставить с игровой зоной неразличимости. Искренняя поглощенность игрой требует различения и одновременного удержания играющим себя и своей роли, в противном случае происходит выпадение из игры в одну из сторон – остался не вовлечен или заигрался. Различение происходит благодаря стилю жестов. Этот стилистический разрыв, когда играющий покусывает, а не кусает, и есть искомое в аллюре расщепление.

Предложенное Массуми понимание игры ценно для ООО еще и тем, что оно не ограничивается человеком. Он убедительно показывает, что игра оказывается важным эпистемологическим инструментом и для нечеловеческих живых существ. Тимоти Мортон тоже обращается к теме игры: “Игра является структурной составляющей реальности, потому что

⁶¹³ Харман Г. Искусство и объекты. С. 166.

вещи мерцают <...> Играть значит быть структурно неполным, поскольку игра находится в подвешенном состоянии между присутствием и отсутствием так, что играющий просто не присутствует постоянно”⁶¹⁴. Возвращаясь к теме непрямой причинности, можно проинтерпретировать театральность и игру в контексте петлевой структуры паттернов восприятия (*кармы*).

2.3.4. Проблема антропоморфизма

Одно из наиболее распространенных критических замечаний по отношению ко всем философским подходам, которые разделяют вместе с ООО не-антропоцентрическую перспективу звучит так: “Разве не человек формулирует философию нечеловеческого?” В частности, этот вопрос ставит Джейн Беннетт, которую Грэм Харман считает “попутчицей” ООО⁶¹⁵. Отвечая на него, она предлагает различать антропоцентризм и антропоморфизм.

Антропоморфизация – один из распространенных способов познания человеком нечеловеческих других. Люди издревле антропоморфизируют других живых существ, вещи, строения, механизмы, стихии, природные объекты и божественные сущности. Чтобы познать нечеловеческих других, человеку нужно сначала представить и описать их в виде людей. Особенно ярко это проявляется там, где нет сложных форм абстрактного мышления. Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру описывает как индейцы Амазонии видят нечеловеческих других как своего рода людей: “Животные используют те же “категории” и “ценности”, что и люди: их миры крутятся вокруг охоты и рыбалки, кухни и перебродивших напитков, кросскузин и войны, ритуалов инициации, шаманов, вождей, духов...”⁶¹⁶. Другими словами, в представлении индейцев, для человека ягуар – это ягуар, но для ягуара другой ягуар – это человек. Такая антропоморфизация может

⁶¹⁴ Morton T. Dark Ecology. P. 115, 116.

⁶¹⁵ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: политическая экология вещей / пер. А. Саркисянца. Пермь : Гиле Пресс, 2018. С. 154.

⁶¹⁶ Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. Д. Кралечкина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 28.

показаться наивным способом описания реальности и даже может вызывать совершенно недопустимые мысли об интеллектуальных способностях коренных жителей Амазонии, однако мы сами прибегаем к тем же самым способам, когда представляем себе игры наших питомцев на собачьей площадке или взаимодействие электронных приборов в экосистеме умного дома. Многочисленные сюжеты из массовой культуры, где животные или вещи ведут себя как люди, только подкрепляют этот тезис.

Возникает вопрос: надо ли считать антропоморфизацию нечеловеческих других ошибкой мышления и как на нее реагирует философия, чья основная установка связана с отказом от антропоцентрической перспективы? Парадоксальным, на первый взгляд, образом, ООО и близкие к ней философские подходы принимают антропоморфизм как адекватный способ познания нечеловеческих других, отличая его от антропоцентризма. Джейн Беннетт заявляет: “Возможно, стоило бы пойти на риск антропоморфизма (предрассудки, обожествление природы, романтизм), ведь, как бы странно это ни прозвучало, он работает против антропоцентризма: он напоминает мне о сходстве людей и вещей, он не позволяет мне считать себя чем-то, что стоит над нечеловеческой “окружающей средой” или вне ее. Философское неприятие антропоморфизма слишком часто связано с высокомерным допущением, будто только человек и Бог отмечены творческой агентностью. Суметь укротить в себе и ослабить это стремление к исключительности – значит дать себе шанс научиться распознавать жизнь, несводимую к деятельности людей и богов”⁶¹⁷. Роберт Джексон, обсуждая связь эстетики ООО с работами Майкла Фрида (см. подробнее § 3.1.1), тоже приходит к выводу: “Все, что нам нужно, – это отказаться от антропоцентризма и поддержать антропоморфизм”⁶¹⁸.

Однако, в такой формулировке антропоморфизм выглядит всего лишь как уловка, с помощью которой мы якобы ослабляем антропоцентрическую

⁶¹⁷ Беннетт Дж. Пульсирующая материя. С. 153.

⁶¹⁸ Jackson R. The Anxiousness of Objects and Artworks 2 // Speculations V. Brooklyn, NY : Punctum Books, 2014. P. 346.

перспективу, придавая другим онтологический статус равный человеческому. Но, возвращаясь к вопросу в начале этой статьи, поставленному той же Беннетт: разве не человек формулирует эту не-антропоцентрическую философию? Не расширяем ли мы, наоборот, антропоцентрическую перспективу, антропоморфизуя не-людей?

Антропоморфизм становится ошибкой мышления и расширением антропоцентрического взгляда на мир, если мы понимаем его буквально. Владелец собаки, который коммуницирует со своим питомцем, приписывая ему человеческие качества (эмоции, мышление, перспективу восприятия), ошибается, когда воспринимает эти приписанные качества буквально, потому что реальные эмоции и мысли собаки остаются для него недоступными.

Однако, эстетический подход к антропоморфизму (в том смысле, в каком эстетика понимается в ООО) избавляет нас от этой проблемы. В эстетике ООО наделение нечеловеческого объекта человеческими качествами – это путь метафоры, к которой необходимо применить принцип театральности. В ней человек примеряет на себя роль нечеловеческого объекта, проживая его человеческие качества. И в этой игре он налаживает непрямую коммуникацию с нечеловеческим объектом. Владелец собаки может по аналогии сравнить себя со своим питомцем и догадаться о том, чего тот от него хочет. Такое сравнение – эстетический опыт.

Кроме того, эстетическая, игровая антропоморфизация не-людей спасает нас от удручающей перспективы, в которой изъятость реальных объектов из любых отношений, воспринимается как невозможность сказать о них хотя бы что-то. Водитель, который разговаривает со своим автомобилем как с человеком, не воспринимает эту антропоморфизацию буквально. Но наделяя его в игровой, метафорической форме человеческими качествами, он углубляет свое познание. Наделяя вещи историей, наподобие человеческой жизни, люди увеличивают их ценность.

Эстетическая антропоморфизация имеет важные следствия для политической экологии и т. н. прав природы, некоторые примеры реализации

которых изложены в самом начале статьи. Обсуждая эту тему Тимоти Мортон пишет: “В 2007–2008 годах Эквадор переписал конституцию страны, включив в неё “права природы”. Итак, у нечеловеческого мира есть право существовать и восстанавливаться. если вы считаете, что это страшно антропоморфно, ничего не поделаешь. Проблема в том, что у нас, людей, нет другого способа включить нелюдёй в язык прав, кроме как подвести под человеческий зонтик, под которым мы и сами прячемся”⁶¹⁹. Наделение природных объектов правами человека – это элемент политической игры и даже политического театра, благодаря которым появляется понимание, что не только человек обладает ценностью на этой планете.

Выводы из § 2.3

Теория непрямой причинности ООО отвечает на вопрос о том, как реальные объекты взаимодействуют друг с другом, если они изъяты из всех отношений между собой. Грэм Харман называет ее замещающей причинностью, а Тимоти Мортон – магической. В качестве исторических референсов непрямой причинности они обращаются к идеям христианских (Н. Мальбранш) и мусульманских (школа Ашаритов, аль-Кинди) теологов-окказионалистов, эмпиризму Д. Юма, акторно-сетевой теории Б. Латура, буддийской философии Нагарджуны. Во всех этих подходах взаимодействие реальных сущих происходит опосредовано. В ООО таким посредником становится воспринимаемый объект, который замещает – реальный в восприятии другого реального объекта.

В подходе Хармана замещающая причинность носит также буферизированный и асимметричный характер. Посредник возникает в сфере восприятия как активная репрезентация из того облака данных или информации, в котором происходит их буферизация, то есть временное хранение. Харман называет это облако эфиром, а объектоподобный характер

⁶¹⁹ Мортон Т. Статья экологичным. С. 117–118.

хранения данных – чёрным шумом. Буферизированный характер причинности также отвечает за то, что воспринимаемый объект не сливается с другими воспринимаемыми объектами по соседству. Асимметричность причинности означает, что взаимодействие между двумя реальными объектами происходит не через один и тот же воспринимаемый объект, а через разные: у каждого из реальных объектов – свои.

Тимоти Мортон рассматривает причинность как эстетический феномен. Его подход невозможно рассматривать в отрыве от его буддийского бэкграунда. Он переосмысляет понятие кармы, принадлежащее к индо-буддийской теории причинности. В его интерпретации карма представляет собой устойчивые паттерны, циклы или петли формирования воспринимаемых объектов. Они возникают из обобщения накопленного опыта, ставшего привычным. Будучи объектами в сфере восприятия, они не обладают собственной реальностью, т. е. иллюзорны. Непрямая причинность действует через иллюзию, основанную на кармическом паттерне или привычке.

Осознание иллюзорного характера причинно-следственной связи приводит к переживанию странного (*weird*), которое Мортон также характеризует как тёмное мышление или бардоподобное состояние. Странное разоблачает иллюзорный, сконструированный мышлением, характер механистической причинности. Ощущение странного возникает при обнаружении зазора между ожидаемым результатом действия, основанного на кармическом паттерне или привычке, и явленным несовпадением с ним. В нем происходит слом механистической причинно-следственной схемы и проявляется эстетическое измерение причинности. Это переплетение иллюзии и причинности Мортон называет словом “магия”. В отличие от Хармана, Мортон обнаруживает энергетический характер эстетического воздействия и называет его понятием *харизма*.

Ключевым элементом в механизме работы не прямой причинности оказывает напряжение RO–SQ, которое, согласно нашей интерпретации,

соответствует категории энергии. Ту же структуру в теории Хармана имеет метафора, через объяснение которой он раскрывает особенности непрямого взаимодействия со скрытым реальным объектом. Дело в том, что воспринимаемые качества не могут существовать отдельно от объекта, а реальный объект, в напряжении с которым они находятся, изъят из прямого доступа. Таким образом, они должны прикрепиться к другому – единственно доступному реальному объекту – тому, кто воспринимает. В основе работы метафоры лежит подмена одного реального объекта другим. Харман называет этот эффект театральностью.

Харман не поясняет, как устроена механизм театральности эстетического переживания. Чтобы его прояснить, мы обратились к понятию игры Брайана Массуми. Он рассматривает игру как возникновение делёзианской “зоны неразличимости” – ситуации, в которой в единстве действия объединяются два состояния – игрока и его игровой роли. Игра имеет ту же структуру, что и метафора. В ней один реальный объект исполняет роль другого реального объекта, переживая его воспринимаемые качества. Предложенное Массуми понимание игры ценно для ООО еще и тем, что оно не ограничивается человеком. Он убедительно показывает, что игра оказывается важным инструментом познания и для нечеловеческих живых существ.

Частным случаем познавательной игры можно считать антропоморфизацию. Близкие к ООО философы Джейн Беннетт и Роджер Джексон противопоставляют антропоморфизм и антропоцентризм, считая первый способом нивелировать антропоцентрический взгляд на мир за счет включения в категорию человеческого нечеловеческих сущих. На наш взгляд, антропоморфизм становится ошибкой мышления и усилением антропоцентрического взгляда на мир, если мы понимаем его буквально. Однако, эстетический подход к антропоморфизму избавляет нас от этой проблемы. В эстетике ООО наделение нечеловеческого объекта человеческими качествами – это путь метафоры, к которой необходимо применить принцип театральности.

Глава 3. Применение объектно-ориентированной онтологии

В своей обобщающей работе “Объектно-ориентированная онтология” Грэм Харман поставил перед собой задачу продемонстрировать возможности применения ООО к самым разным разделам философского знания – от онтологии и эпистемологии до эстетики, этики и политической философии, но и к сферам искусства, архитектуры и дизайна, экологии и т. д. Книга вышла с ироничным подзаголовком “Новая «теория всего»”, кавычки в котором можно понимать двояко. С одной стороны, Харман не стремится к построению единой жесткой системы: он рассматривает ООО как достаточно широкое пространство мысли, объединенное минимальным набором фундаментальных принципов (см. § 1.3.1). С другой – Харман ясно дает понять, что под “теорией всего” понимает “теорию с неограниченной областью применения”⁶²⁰. Другими словами, его цель – не “теория всего”, а “теория, применимая ко всему”. ООО сохраняет свою целостность за счет следования фундаментальным онтологическим принципам и подчеркивает свою систематичность через их применение к решению самых разных проблем.

Существующая на сегодняшний день область применения ООО уже довольно обширна. Как пишет Харман: “ООО вызвала бурную реакцию – как позитивную, так и негативную – в таких областях, как афроамериканские исследования, археология, архитектура, хореография, дизайн, экология, образование, феминизм, история, теория литературы, теория медиа, музыка, политическая теория, психоанализ, социальная теория, теология, теория видеоигр и изобразительные искусства, не говоря уже о самой философии”⁶²¹. Пока нельзя сказать, что в каждой из перечисленных дисциплин ООО уже заняла ведущие или хотя бы устойчивые позиции. В этой части мы рассмотрим две области, в которых применение объектно-ориентированной онтологии продвинулось в наибольшей степени – искусство и архитектуру.

⁶²⁰ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. С. 24.

⁶²¹ Там же. С. 14.

§ 3.1. Искусство

3.1.1. Эстетическая теория ООО

Роль эстетики в объектно-ориентированной онтологии выходит далеко за пределы одной из рубрик систематической философии. Для Хармана она – буквально “корень всякой философии”⁶²², то есть начало любого философского исследования и ключевой способ непрямого доступа к реальным объектам. Он начал разрабатывать свою эстетическую теорию еще в “Партизанской метафизике” (2005) с обращения к теории метафоры Хосе Ортеги-и-Гассета. К проблеме парафраза в литературе он обратился в своей работе по Г. Ф. Лавкрафту⁶²³. В 2012 г. для выставки *Documenta 13* (Кассель, Германия) он подготовил эссе “Третий стол”, в котором изложил теорию объектов, избегающую их надрыва и подрыва⁶²⁴. В том же году на страницах журнала *New Literary History* вышла дискуссия о применении ООО к литературной критике. С одной стороны, в ней принимали участие Г. Харман⁶²⁵ и Т. Мортон⁶²⁶, с другой – Дж. Беннетт⁶²⁷.

Джон Когбёрн и Ники Янг различают две версии теории метафоры у Хармана – раннюю и позднюю⁶²⁸. То же самое можно сказать о его эстетике в целом. Новый поворот связан с обращением Хармана к трудам американских арт-критиков Клемента Гринберга (1909–1994) и Майкла Фрида (р. 1939). Наметившиеся в ряде статей 2014 г. подходы получили свое развитие в главах, посвященных эстетике, “Сломанного молотка Данте” (2016) и “Объектно-

⁶²² См.: Глава 2. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология.

⁶²³ Этой тематикой Харман начал заниматься, как минимум, в 2007 г., когда выступил на конференции по Лавкрафту в Голдсмитском колледже, предварявшей знаменитый семинар спекулятивных реалистов. Наиболее развернутое исследование Лавкрафта Харман предпринял в работе: Harman G. *Weird-Realism*.

⁶²⁴ Harman G. *The Third Table*.

⁶²⁵ Harman G. *The Well-Wrought Broken Hammer: Object-Oriented Literary Criticism* // *New Literary History*. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 183–203.

⁶²⁶ Morton T. *An Object-Oriented Defense of Poetry* // *New Literary History*. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 205–224.

⁶²⁷ Bennett J. *Systems and Things: A Response to Graham Harman and Timothy Morton* // *New Literary History*. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 225–233.

⁶²⁸ Cogburn J, Young N. *Revisiting the Notion of Vicarious Cause*. P. 7–9.

ориентированной онтологии” (2018), а также книге “Искусство и объекты” (2020)⁶²⁹.

Вклад Тимоти в эстетику ООО тесно связан с его работами в области эко-критики, поскольку опыт сосуществования людей и не-людей переживается, с его точки зрения, эстетически⁶³⁰. Наиболее полно его подход изложен работах “Гиперобъекты” (2013), “Реалистская магия” (2013), “Тёмная экология” (2016) и обобщающей все предыдущие – “Всё искусство экологично” (2021). Но в гораздо большей степени вклад Мортон в эстетику ООО состоял не в разработке теории, а в практической реализации ее основных принципов – коллаборациях с различными художниками (см. § 3.1.3).

Харман понимает под эстетикой ООО “общую теорию того, как объекты отличаются от своих собственных качеств”⁶³¹. Речь, конечно, идет о различии объектов и качеств в сфере восприятия, поэтому он не рассматривает отношение RO–RQ как недоступное для него. Три оставшихся соотношения интерпретируются им в следующих категориях: SO–SQ – привлекательность, SO–RQ – теория, RO–SQ – красота⁶³². Из них к эстетике относится только последнее. Он пишет: “Эстетика – это первая философия, поскольку эстетика опирается на небуквальный характер своих объектов, под которым я имею в виду то, что они не могут быть парафразированы в виде своих качеств. Знание всегда сводится к парафразу, направленному вверх или вниз, тогда как искусство – как и сократическая философия – не является формой знания. Вот почему между ООО и искусством столь крепкие отношения, и этим же, вероятно, объясняется, почему художники и архитекторы отнеслись к ООО с большей теплотой, чем другие дисциплины. Ведь в обоих случаях речь идет об изъятых или непознаваемых объектах, к которым надо приближаться сбоку, а не прямым”⁶³³.

⁶²⁹ Harman G. Art and Objects. Cambridge, UK : Polity, 2020. Русскоязычное издание в переводе Д. Кралечкина: Харман Г. Искусство и объекты.

⁶³⁰ См.: Мортон Т. Статья экологичным. С. 127.

⁶³¹ Харман Г. Искусство и объекты. С. 71.

⁶³² Там же. С. 71.

⁶³³ Там же. С. 86.

Под буквальным знанием Харман понимает отношения, в которые включены воспринимаемые объекты. А искусство для него – “когнитивная деятельность, не являющаяся той или иной формой знания”⁶³⁴. Впрочем, некоторое знание из произведений искусства извлекать всё же можно, но это, по мнению Хармана, – побочный эффект. В то время как эстетика имеет дело с реальными объектами, изъятыми из прямого доступа. Поэтому другое определение эстетики, которое дает Харман: “с объектно-ориентированной точки зрения эстетику можно определить негативно как антибуквализм и позитивно как напряжение между объектом и его собственными качествами, которыми он обладает и в то же время не обладает”⁶³⁵.

Пытаясь сформулировать свою теорию эстетики, Харман сначала пошел путем поиска исторических аналогов, близких к принципам объектно-ориентированного подхода. Мы уже не раз встречались с этим методом при рассмотрении других тем. Его суть – в том, чтобы показать общую базовую схему размышления и раскритиковать несовпадающие детали. Попутно можно подтвердить свои интуиции и даже получить некоторые инсайты от чужих теорий. В области критики искусства он находит союзников в лице Клемента Гринберга, Майкла Фрида и течения “Новая критика”, доминировавшего в американской литературной критике в 1940-50-х гг., в частности, – одного из ее основоположников, Клинта Брукса (1906–1994). В глазах Хармана их, прежде всего, объединяют две вещи: непримиримая борьба с буквализмом и эстетический формализм, под которым он понимает автономию произведения искусства от своего биографического, экономического, культурного и социально-политического контекста⁶³⁶. Можно сказать, что антибуквализм и дискуссия о формализме – это два из трех основных столпов, на которых стоит эстетика Хармана. Третий столп – театральность восприятия эстетического опыта, о которой мы уже говорили в предыдущей главе.

⁶³⁴ Там же. С. 85.

⁶³⁵ Там же. С. 322.

⁶³⁶ Там же. С. 85.

Объединяя упомянутых критиков общей рамкой формализма, Харман имеет в виду собственную его версию. Тем более, что К. Брукс, к примеру, прямо отклонял обвинения в формализме⁶³⁷, также как и Гринберг с Фридом не слишком любили этот термин⁶³⁸. Для Хармана главная черта формализма заключается в предоставлении произведению искусства автономии от контекста, связей или среды⁶³⁹. И в этом аспекте эстетика ООО находится с ним в согласии: “С формализмом мы, однако, соглашаемся в том, что произведение искусства, как и всякий объект, должно, в общем и целом, рассматриваться в качестве автономной единицы, отделенной от своей среды. Оно не раскрывает объятия всем аспектам своего контекста, однако позволяет некоторым проникать в себя, скрупулезно исключая при этом другие”⁶⁴⁰.

Такой подход противостоит, с одной стороны, тенденции отдавать приоритет в критике искусства не самим арт-объектам, а сложному историко-социо-культурному контексту, в котором они находятся, доходящей в некоторых своих проявлениях до холизма. Как, например, сместивший “Новую критику” со своих позиций “Новый историзм”⁶⁴¹. В терминологии Хармана подобный подход можно было бы назвать стратегией надрыва арт-объекта. С другой стороны, – идея автономии произведения искусства противостоит таким версиям формализма, в которых форме отдается приоритет над содержанием. За это, в частности, Гринберг критиковал академическое искусство⁶⁴². Это стратегия – подрыва арт-объекта.

Харман занимает промежуточную позицию, утверждая, что “с точки зрения ООО, нет причин априорно исключать социальное или политическое содержание из произведений искусства, и в этом отношении она не является формалистским учением в традиционном смысле слова”⁶⁴³. Он считает, что учет контекста должен происходить через наделение его аспектов таким же

⁶³⁷ Харман Г. Weird-реализм. С. 229.

⁶³⁸ Harman G. Dante's Broken Hammer (e-Book). P. 384.

⁶³⁹ Харман Г. Искусство и объекты. С. 89.

⁶⁴⁰ Там же. С. 89.

⁶⁴¹ Harman G. The Well-Wrought Broken Hammer. P. 191–195.

⁶⁴² Harman G. Dante's Broken Hammer (e-Book). P. 390.

⁶⁴³ Харман Г. Искусство и объекты. С. 89.

независимым существованием, как и само произведение искусства⁶⁴⁴. Мы действительно можем лучше его понять, погрузившись в изучение исторических и материальных условий его происхождения и существования, но не должны сводить наше познание исключительно к ним. “Любой объект поглощает из своего окружения только некоторые силы и воздействия, при этом оставаясь совершенно нечувствительным ко всем остальным. Воздействие контекста никогда не бывает тотальным”⁶⁴⁵, – пишет он.

Свою интерпретацию формализма как автономии арт-объекта Харман возводит к эстетике И. Канта. Мы не будем вдаваться в подробности эстетической теории кёнигсбергского философа, отметим лишь те сходства и различия, которые выделяет сам Харман. Помимо пункта об автономии объекта искусства (с перечисленными оговорками), он соглашается с Кантом в том, что “красота не имеет никакого отношения к личному интересу”⁶⁴⁶, которое он выводит из различия приятного и прекрасного. В четвероякой модели Хармана прекрасное выходит за пределы только лишь восприятия, поскольку связана с напряжением RO–SQ, в то время как приятное полностью относится к чувственной сфере (SO–SQ). Второй момент, в котором ООО соглашается с Кантом – “эстетические суждения первично не являются по своему характеру интеллектуальными”⁶⁴⁷. С той лишь разницей, что Харман допускает познавательные возможности искусства, но не в смысле процедур знания и понятийной рациональности. Для него знание и рациональность относятся к той стороне онтологического “разлома”, которая связана с воспринимаемым.

Основное расхождение ООО с эстетикой Канта заключается в уже обсуждавшейся нами выше онтоаксономической ошибке: “Наше главное расхождение с кантовским формализмом состоит в следующем. Кант ясно утверждает, что красота не имеет никакого отношения к объекту, что она

⁶⁴⁴ Харман Г. Weird-реализм. С. 228.

⁶⁴⁵ Там же. С. 228.

⁶⁴⁶ Харман Г. Искусство и объекты. С. 113.

⁶⁴⁷ Там же. С. 114.

связана только с трансцендентальной способностью суждения, которая есть у всех людей. В данном случае «субъективная» сторона мира четко отделена от «объективной» в соответствии с базовым таксономическим делением современной философии, которая рассматривает их в качестве опасных друг для друга животных, которых нельзя помещать в одну клетку»⁶⁴⁸. Той же ошибке, с точки зрения Хармана, подвержен и формализм Гринберга с Фридом⁶⁴⁹.

Соглашаясь с Кантом, что эстетика не производит рационального знания, Харман обрушивается на буквализм в критике искусства. В своей работе “Weird-реализм” (2012), посвященной творчеству Г. Ф. Лавкрафта, он разбирает эту проблему на примере парафраза и его применения в литературной критике. Отталкиваясь от Эдмунда Уилсона, парафразировавшего в своих рецензиях произведения Лавкрафта, он показывает абсурдность буквализма в критике произведений искусства. “Любую литературу, даже величайшую, легко унизить таким методом. Сам факт того, что произведение искусства может быть буквализировано таким образом, ничего не говорит о его качестве”⁶⁵⁰, – пишет Харман. В “Искусстве и объектах” он распространяет этот подход уже на все жанры искусства⁶⁵¹.

Союзниками Хармана в критике буквализма оказываются Гринберг, Фрид и, в особенности, К. Брукс с текстом “Ересь буквализма”, представляющим одну из глав его знаменитой работы “Хорошо вылепленная ваза” (1949). С точки зрения Брукса, главное еретическое суждение в литературной критике звучит так: “Стихотворение представляет собой «утверждение», которое может быть истинным или ложным, которое может быть высказано более или менее ясно, выразительно, красиво”⁶⁵². Подобный аналитический способ передать содержание без учета формы, по мнению

⁶⁴⁸ Там же. С. 115.

⁶⁴⁹ Там же. С. 90.

⁶⁵⁰ Харман Г. Weird-реализм. С. 18.

⁶⁵¹ Харман Г. Искусство и объекты. С. 85.

⁶⁵² Цит по: Харман Г. Weird-реализм. С. 230. Оригинал: Brooks C. The Well Wrought Urn. New York : Harcourt, Brace & World, 1947. P. 196.

Брукса, обречен на провал, поскольку буквальное содержание не обладает самодостаточностью и потому не определяет автономию стихотворения. Он обнаруживает в нем иронию и парадокс как “присутствие неуместного”. Ведь одно и то же слово или фраза произнесенные серьезно или иронично полностью меняют эстетическое восприятие, несмотря на совпадение буквального содержания. Харман не соглашается с Бруксом лишь в том, что невозможность парафраза – это прерогатива литературы. Он обращает внимание на то, что в философии и науке не меньше иронии и парадоксов: “корпускулярно-волновой дуализм не менее парадоксален, чем любое произведение Джона Донна”⁶⁵³. В контексте ООО невозможность парафраза означает, что реальный объект не может быть целиком и полностью перемещен в сферу восприятия, или иначе – реальное не тождественно его восприятию. Произведение искусства не может быть переведено в буквальное знание о нем без потерь и искажений.

Вместе с тем Харман обращает внимание на то, что Брукс сам срывается в своеобразный холизм. Хотя он и критикует сведение произведения искусства к внешнему, социально-историческому, контексту, по отношению ко внутреннему контексту он лишает отдельные части произведения автономии. Для него значение и смысл стихотворения может быть выявлен только в его *целостном контексте*⁶⁵⁴. Речь идет о том, что отдельные строки стихотворения можно понимать только в контексте всего текста. Харман оспаривает этот внутренний холизм указывая на то, что изменение, к примеру, отдельных слов в одной из строф на прямо противоположные по значению, никак не влияют на восприятие других строф, которые отстоят от нее с некоторым интервалом. Точно так же, как обнаружение других версий стихотворения в черновиках или его перевод на другие языки не уничтожает его как реальный объект.

⁶⁵³ Харман Г. Weird-реализм. С. 231.

⁶⁵⁴ Там же. С. 232.

Критика внутреннего холизма Брукса натолкнула Хармана на достаточно экстравагантное предложение объектно-ориентированной литературной критики: показать, как каждый текст сопротивляется внутреннему холизму через внесение в литературное произведение изменений, чтобы посмотреть, что произойдет: “Вместо того чтобы просто писать о «Моби Дике», почему бы не попробовать сократить его в разной степени, чтобы обнаружить точку, в которой он перестает звучать как «Моби Дик»? Почему бы не представить его еще более длинным, или рассказанным от третьего лица, а не от лица Измаила, или включающим круиз в обратном направлении вокруг земного шара? Почему бы не рассмотреть сценарий, при котором действие «Гордости и предубеждения» происходит в фешенебельных парижских кварталах, а не в сельской Англии – может ли такой текст правдоподобно оставаться «Гордостью и предубеждением»? Почему бы не представить, что письмо Шелли на самом деле было написано Ницше, и не поразмышлять о вытекающих из этого последствиях и их отсутствии?”⁶⁵⁵ Харман не развивает дальше этот подход и не предлагает примеров, поэтому остается неясным, можно ли, к примеру, считать произведения в постмодернистском жанре *мэшап* по типу “Гордости и предубеждения и зомби” Сета Грэма-Смита вариантом объектно-ориентированной литературной критики.

Третий фундаментальный элемент эстетики Хармана – *театральность* – появляется в его работах не раньше 2014 г. Постепенно *театральная эстетика* вытесняет в его подходе *эстетику аллюра* как обозначение ключевого звена теории. Понятие театральности возникает у Хармана под влиянием работ Майкла Фрида “Поглощенность и театральность” (1980) и “Искусство и объектность” (1967), на которые его внимание обратил Роберт Джексон, написавший статью в двух частях для альманаха *Speculations* (2011, 2014)⁶⁵⁶. Именно Джексон впервые связал аллюр Хармана и поглощенность

⁶⁵⁵ Harman G. The Well-Wrought Broken Hammer. P. 202.

⁶⁵⁶ Jackson R. The Anxiousness of Objects and Artworks // *Speculations II*. Brooklyn, NY : Punctum Books, 2011. P. 135–168; Jackson R. The Anxiousness of Objects and Artworks 2. P. 311–358.

(*absorption*) Фрида⁶⁵⁷. Во второй части он подготавливает почву для переосмысления театральности в позитивном ключе, которое затем будет осуществлено Харманом⁶⁵⁸. Дело в том, что для Фрида театральность – это пейоратив, он соотносит его с буквализмом, против которого выступает, и противопоставляет поглощенности.

Фрид обсуждает театральность искусства в связи с критикой минимализма. Как уже говорилось выше, он признает автономию объекта искусства, и театральность у него означает стремление художника вызвать обязательную реакцию на свое произведение за счет отказа от внутренней сложности через замену его чем-то единым и неделимым. В минималистском искусстве невозможна поглощенность, под которой он понимает эффект нейтрализации зрителя, который оказывается настолько поглощен, что “забывает” себя, или “когда фигуры на картине обращают внимание на то, что делают они сами, а не на зрителя”⁶⁵⁹. В минималистском искусстве нет внутренней сложности частей, незаинтересованным взаимодействием которых можно быть поглощенным. Джексон удачно переосмысляет поглощенность как аналог аллюра: когда зритель замечает “нечто неприсутствующее” (т. е. скрытый реальный объект), что становится причиной его погруженности в произведение искусства⁶⁶⁰.

Театральность, по Фриду, напротив, не нейтрализует, а активизирует зрителя, к ней даже можно применить устаревшее старорусское или церковнославянское слово “позор”, которое соответствует греческому слову *theatron*. Произведение искусства оказывается выставленным “на позор”, работа художника в таком случае носит манипулятивный характер и подрывает автономию арт-объекта. В этом выражается, в частности, его буквализм.

⁶⁵⁷ Jackson R. The Anxiousness of Objects and Artworks. P. 166–168.

⁶⁵⁸ Харман признает вклад Р. Джексона: “Он первым как раз и побудил меня вернуться к работам Фрида”: Харман Г. Искусство и объекты. С. 164–165.

⁶⁵⁹ Там же. С. 165.

⁶⁶⁰ Jackson R. The Anxiousness of Objects and Artworks. P. 161.

Мы не ставим перед собой целью вникнуть в тонкости арт-критики Фрида, наша задача – показать генезис переосмысленного понятия театральности у Хармана. Уже в “Сломанном молотке Данте” (2016) он использует его в значении отличном от Фрида в отношении метафоры как указание на подмену одного реального объекта другим⁶⁶¹. Он не соглашается с американским арт-критиком в том, что театральность напрямую связана с буквализмом. Для него буквализм относится исключительно к сфере восприятия, тогда как театральность имеет онтографическую структуру, совпадающую с метафорой, то есть по определению не может быть буквальной. А учитывая определенную связь между аллюром и поглощенностью, Харман увязывает последнюю с театральностью: “Театральное отношение между произведением искусства и зрителем – это просто поглощенность иными [чем у Фрида] средствами”⁶⁶². В предыдущей главе мы показали, как именно связаны поглощенность и аллюр: искренняя поглощенность игрой требует различения и одновременного удержания играющим себя и своей роли.

Таким образом, один из ключевых тезисов эстетики Хармана можно сформулировать следующим образом: “Всё искусство – театрально”. Это означает, что объект искусства (в том числе литературная метафора) как реальный объект изъят из прямого доступа и зритель/слушатель/читатель должен занять его место и его исполнить (*perform*), что значит “быть этим чем-то в том скрытом и существенном смысле, какой не может быть исчерпан никаким внешним пониманием”⁶⁶³.

Тим Мортон выразил хармановскую театральность по-своему. Для него всё искусство – экологично, потому что “художественный опыт служит моделью того сосуществования, которого хочет добиться экологическая этика и политика в отношениях между людьми и нелюдьми”⁶⁶⁴. Эстетика у Мортонна

⁶⁶¹ Harman G. Dante's Brocken Hammer (e-Book). P. 347.

⁶⁶² Харман Г. Искусство и объекты. С. 186.

⁶⁶³ Там же. С. 325.

⁶⁶⁴ Morton T. All Art Is Ecological (e-Book). P. 10–11.

является способом настройки экологического сосуществования, которая представляет собой разновидность игры: “Я играю мелодию, которую называю *собой* (*myself*), на которую вы настраиваетесь, а она, в свою очередь, настроена на вас, так что между возникает ассиметричный хиазм между мной и собой, между мной и вами”⁶⁶⁵.

3.1.2. Теория и критика искусства в ООО

“Не все красивые вещи являются искусством, и остается вопрос – что представляет собой искусство в сравнении с остальным прекрасным”⁶⁶⁶, – пишет Харман. Он переносит основные принципы эстетики ООО на собственную теорию искусства, в которой выделяет две основные тенденции – борьбу с модернизмом и буквализмом.

В первом случае Харман следует собственному, а не принятому в искусствоведении пониманию модернистского искусства. У него модернизм связан в первую очередь с онто-таксономической ошибкой: “Под модернизмом в философском смысле я имею в виду таксономический стиль философии, которая разбивает весь универсум на два типа вещей: (1) людей, и (2) все остальное... ООО отвечает на эстетический модернизм Канта, указывая, что последний не прав, когда он относит красоту к человеческой стороне водораздела, тогда как Гринберг и Фрид точно так же ошибаются, когда относят ее к стороне объекта. Наш не-модернизм – если позаимствовать еще один термин у Латура – предполагает, что любое взаимодействие человека и объекта само является особым новым объектом, так же как любое химическое соединение является новой уникальной вещью, отделенной от элементов, которые ее составляют”⁶⁶⁷.

В своей борьбе против модернизма в искусстве Харман старается отстоять автономию арт-объекта. Но это не приводит его к идее “искусства без

⁶⁶⁵ Ibid. P. 117.

⁶⁶⁶ Харман Г. Искусство и объекты. С. 323.

⁶⁶⁷ Там же. С. 324.

человека”, он прямо отрицает подобный радикальный подход. В интервью Кьяре Принчипе он говорит, отвечая на эту идею: “ООО – не про мир без людей, а про мир, в котором человеческое взаимодействие с вещами имеет второстепенное значение”⁶⁶⁸. Харман разграничивает человека как составляющую этих взаимодействий и человека как наблюдателя и критикует лишь примат последнего. В том же интервью он определяет произведение искусства как гибрид арт-объекта и зрителя⁶⁶⁹, тем самым включая в него человеческую составляющую.

Можно сказать, что, в понимании Хармана, произведение искусства становится своеобразным симбиозом человека и арт-объекта. Симбиоз как отдельный “организм” становится объектом, в котором у зрителя нет главенствующей позиции. Такой подход также выводит арт-объект из зависимости от человеческого наблюдателя, ведь симбиотические отношения хрупки и далеко не в каждом взаимодействии зрителя с арт-объектом возникает симбиоз. За рамками обсуждения остается вопрос о возможности симбиотических отношений нечеловеческих существ с арт-объектами. В целом не-модернистская тенденция как преодоление онто-таксономической ошибки в теории искусства ООО еще требует дальнейшей разработки, в которую можно было бы добавить предложенное нами понятие “энергетических уровней” для объяснения условий установки симбиотических отношений между зрителем и арт-объектом.

Гораздо больше внимания Харман уделяет борьбе с буквализмом, делая главным объектом своей критики Марселя Дюшана (1887–1968) и дадаизм и противопоставляя им сюрреализм. В первом случае он отчасти следует за критикой К. Гринберга, во втором – оспаривает его тезисы. С одной стороны, Харман считает, что Дюшану удастся отстоять автономию своих редимейдов за счет изъятия их из повседневных контекстов и перемещения в инфраструктуру институтов искусства, где они попадают в автономную

⁶⁶⁸ Harman G. Interview with Chiara Principe // The Graham Harman Reader (e-Book). P. 1431–1432.

⁶⁶⁹ Ibid. P. 1417.

изоляцию⁶⁷⁰. Правда, ни сама инфраструктура (пространство галереи, например), ни заключение институтов искусства не гарантируют повседневному объекту (редимейду), с точки зрения Хармана, автоматического статуса произведения искусства⁶⁷¹. Редимейд добивается автономии за счет сохранения своих качеств независимо от контекста. Писсуар, расческа или велосипедное колесо не перестают быть собой и в галерее, и в повседневном контексте.

С другой стороны, Харман критикует Дюшана и редимейды за буквализм. Объясняя свою позицию, он пишет: “В моем понимании, с редимейдами происходит следующее: писсуар или расческа играют роль, аналогичную роли чувственных качеств в метафоре, но без какого-либо очевидного и реального термина-объекта. Говоря иначе, неявная метафора, задействованная в случае редимейдов, такова: “искусство похоже на писсуар” или “искусство похоже на расческу”, и именно эту метафору исполняет зритель. Контекст галереи, конечно, готовит нас в некоем бытовом смысле к исполнению такого перформанса, но поступи Дюшан иначе, он мог бы начать свое упражнение с “найденных” на улице произведений, приглашая случайных прохожих увидеть в них произведения искусства. <...> Хотя редимейды могут показаться повседневными объектами, произвольно засунутыми в контекст изящного искусства, с точки зрения ООО они являются вообще не объектами, а просто пучками буквальных качеств... В действительности, редимейды вообще не указывают на реальные объекты, если только кому-то не удастся пережить их в своем опыте эстетически”⁶⁷².

В последней фразе Харман, конечно же, не имеет в виду, что за чувственной редимейд-расческой не скрывается реальная расческа. Речь идет именно об указательной функции метафоры или произведения искусства,

⁶⁷⁰ Харман Г. Искусство и объекты. С. 355–356.

⁶⁷¹ “Вердикт институтов на самом деле ничего не гарантирует: они регулярно выставляют работы, которые критики отвергают, признавая их не-искусством, иногда с полным основанием, но при этом исключают популярные или эксцентричные феномены, которые позже могут быть признаны важным для своего времени искусством”: Там же. С. 356.

⁶⁷² Там же. С. 356–357; 369.

связанной с понятием аллюра. Буквальное переживание чувственных качеств редимейда не вызывает театральной поглощенности эстетического опыта. При этом, как мы видим, Харман оставляет возможность пережить опыт редимейда эстетически, однако в данном случае необходимо прояснить, не работают ли на его появление элементы его экспонирования, которые суммарно становятся произведением искусства. Редимейд в своей автономной изоляции, созданной его помещением в инфраструктуру искусства, сопротивляется симбиозу с человеком, к которому он открыт в статусе инструмента в человеческой повседневности.

Чтобы показать тонкое различие между редимейдом и произведением искусства, Харман вспоминает свое знакомство с работой Джеффри Фармера «Листья травы» на выставке *Documenta* в Касселе (2012): «Когда я посетил *Documenta* в 2012 году... меня особенно заворожили две работы, которые затащили меня в свой мир и полностью захватили мое внимание. Одна из них – «Листья травы» Джеффри Фармера, 38-метровая инсталляция из людей и предметов, вырезанных из журнала *Life* и размещенных на деревянных палочках. Ее успех был обусловлен исключительно масштабом и энциклопедическим характером. Она не просто говорила: «Даже журнал *Life* можно было бы принять за произведение искусства, если бы мы выставили его в галерее!» Вместо этого Фармер понял, что с журналом нужно что-то сделать, чтобы добиться подлинного эстетического эффекта»⁶⁷³. Опыт погружения в «Листья травы» Фармера указывал на скрытый реальный арт-объект, отличающийся от банальной повседневной подборки журналов *Life*.

Противоположностью дадаизму как буквализму в искусстве для Хармана становится исторически тесно связанный с ним сюрреализм. Одним из первых на совместимость ОО и сюрреализма указал Роджер Ротман в своей статье «Объектно-ориентированный сюрреализм»⁶⁷⁴. Впрочем, речь у него идет не о любом сюрреализме, а только – таком, который оставляет «поэтическую

⁶⁷³ Harman G. Interview with Chiara Principe (e-Book). P. 1419–1420.

⁶⁷⁴ Rothman R. Object-Oriented Surrealism: Salvador Dalí and the Poetic Autonomy of Things // Culture, Theory and Critique. 2016. Vol. 57, No. 2, P. 176–196.

автономию вещей”⁶⁷⁵. Этот термин предложил всемирно известный художник-сюрреалист Сальвадор Дали, чьи работы Ротман считает “настоящему объектно-ориентированными”⁶⁷⁶ в противоположность другим сюрреалистам, Андре Бретону и Жоржу Батаю, чьи стратегии он определяет в терминах ООО как надрыв (*overmining*) и подрыв (*undermining*), соответственно⁶⁷⁷. Дали понимал эту автономию как “освобождение вещей от конвенциональных идей, которым [человеческий] интеллект их подчинил”, чтобы “маленькие вещи [смогли] начать действовать в соответствии со своим собственным способом бытия”⁶⁷⁸. Ротман утверждает, что объективность была художественным методом Дали, в то время как Бретон настаивал на автоматизме, а Батай – на погружении⁶⁷⁹.

Сюрреализм борется с буквализмом не через целостность произведения искусства, а через его элементы или детали, которые вкрапляются как отклонения от в целом буквального содержания: “На картине Дали наше внимание привлекается к конечному числу необычных изобразительных элементов, а не к картине в целом”⁶⁸⁰. Эти детали позволяют пережить опыт странного (*weird*) как нарушения линейно-механистической причинности, который, как мы видели в предыдущей главе, имеет эстетическую природу (см. § 2.3.2). Однако, Харман обращает внимание, что сюрреалистические элементы “работают” на борьбу с буквализмом только при наличии “убедительного буквального окружения”⁶⁸¹. Именно поэтому, по его мнению, “Дали делает неверный шаг всякий раз, когда его картины оказываются слишком загроможденными или сложными”⁶⁸². Можно сказать, что странное в таком случае становится абстрактным, или, в терминах ООО, эстетическое – эйдетическим.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 187.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 184.

⁶⁷⁷ Ibid. P. 182–183.

⁶⁷⁸ Цит. по: Ibid. P. 187.

⁶⁷⁹ Ibid. P. 191.

⁶⁸⁰ Харман Г. Искусство и объекты. С. 361.

⁶⁸¹ Там же. С. 368.

⁶⁸² Там же. С. 368.

В вопросе сдвига к эйдетическому невозможно обойти тему отношения Хармана к концептуальному искусству. Рассмотрим его на примере работы “Один и три стула” (1965) одного из основоположников концептуализма, Джозефа Кошута (р. 1945). Харману неоднократно задавали вопросы об отношении именно к этой работе, в том числе – на предмет пересечения его идеи “Третьего стола”⁶⁸³ и “Трех стульев”. Работа Кошута представляет собой три разных репрезентации идеи стула: физический стул, фотографию того же стула и табличку с его текстовым описанием. “Третий стол” Хармана говорит о неадекватности стратегий подрыва и надрыва реального объекта и его изъятости из прямого доступа.

В интервью К. Принчипе Харман называет все три элемента произведения стратегией надрыва. Далее он говорит: “Я не думаю, что Кошут предлагает здесь большое онтологическое разнообразие, несмотря на его утверждение о троичной множественности. Мы могли бы бесконечно расширять эту работу, включая другие жесты надрыва: голографическую проекцию стула; приглашение людей использовать стул, сев на него; плакат, описывающий социально-политическое влияние производства стульев, и так далее. В этом отношении число три в его работе совершенно произвольно и не указывает на три исчерпывающих измерения «стулообразности». Здесь даже не предпринимается попытка подрыва стула через описание его составных частей, не говоря уже о его представлении в неискаженном смысле: физический стул в работе Кошута – это ... по сути, дюшановский редимейд с парой добавленных отвлекающих элементов (фотография и словарное определение), поэтому я не уверен, что это ведет нас куда-то новому. Не хочу показаться резким в отношении работы, которую многие с восторгом представляли как нечто, что мне очень близко, но, кажется, она имеет гораздо больше общего с Деррида (чье философское становление было современно работе Кошута 1965 г.), чем с ОО”⁶⁸⁴.

⁶⁸³ См. подробнее в § 2.1.2.

⁶⁸⁴ Harman G. Interview with Chiara Principe (e-Book). P. 1422–1423.

Действительно, работа Кошута никак идейно не пересекается с “Третьим столом” Хармана. Пример последнего со столом указывает на категорию сущности объекта, работа первого со стульями – на эйдос. Для соответствия идее “Третьего стола” Харман требует от искусства парадоксальности: “Подобно аристотелевской субстанции, искусство должно быть парадоксальным в том смысле, что оно способно выдерживать и поддерживать большое количество интерпретаций”⁶⁸⁵.

На наш взгляд, оценка Харманом работы Кошута в данном случае слишком поверхностна. Физический стул, конечно, можно сравнить с дюшановским редимейдом, также фотография и словарное определение могут быть проинтерпретированы как пример буквализма, поскольку они по отдельности не отсылают к идее стула. Но произведение целиком указывает на нее. К тому же Харман, очевидно, не опознает здесь отсылку к парадоксальной христианской идее триединства Бога, которая в богословии отцов церкви выражалась различными метафорами: например, Солнца (солнечный диск, солнечное тепло, солнечный свет).

Насколько сдвиг от эстетического к эйдетическому в искусстве проблематичен для объектно-ориентированной теории, на наш взгляд, зависит от целей, которые ставят перед собой объектно-ориентированные авторы (не только философы, но и художники). Харман скромно описывает задачу философов по отношению к искусству следующим образом: “Что они могут сделать, так это прояснить некоторые пункты, в которых увязли дискуссии в теории искусства, превратившись в окопные войны, утратившие всякое философское значение. Также они могут предложить новые идеи, способные пригодиться художникам, или указать на некоторые традиционные идеи, которые могут оказаться не такими архаичными, как кажется”⁶⁸⁶. Однако, это не объясняет, зачем он с таким упорством отстаивает формализм и борется с модернизмом и буквализмом. Ведь формалистское искусство, как его

⁶⁸⁵ Ibid. P. 1424.

⁶⁸⁶ Харман Г. Искусство и объекты. С. 376.

понимает Харман, – это не один из вариантов, а, с точки зрения объектно-ориентированной философии, искусство *per se*. Хотя он этого и не утверждает эксплицитно.

Далее мы попытаемся представить собственную интерпретацию целей и задач объектно-ориентированной теории искусства, которые не проговариваются ее авторами явным образом, в том числе – в специально посвященной этому книге “Искусство и объекты”. Мы уже видели в предыдущих главах, что объектно-ориентированные философы, в первую очередь Г. Харман и Т. Мортон, наделяют эстетику приоритетом перед эпистемологией. Эстетический опыт указывает на скрытую реальность объектов, в то время как различные стратегии получения эксплицитного знания имеют дело исключительно со сферой восприятия. Именно эстетика становится способом получить не прямой, но более глубокий доступ к реальности объектов. Ведь, как пишет Харман, реалистическая философия завязана на эстетическую ось⁶⁸⁷. И искусство, соответственно, становится более глубоким способом осознать окружающую реальность, состоящую из объектов. В этом плане объектно-ориентированные философы заинтересованы в том, чтобы искусство давало такую возможность. Оно должно вызывать эстетическое переживание и становиться средством освоения (в) реальности.

Другими словами, Харман борется против антиформалистских, буквалистских и модернистских тенденций в искусстве, потому что он реалист. А для его версии реализма различные контекстуализмы “долгих 1960-х гг.”, продолжающихся, по его словам, в области искусства по сей день (критическая теория, деконструкция, новый историзм и т. д.), кажутся ему бесполезными для дальнейшего применения. В его понимании сведение искусства к социокультурному контексту, политической провокации, психологизации и даже концептуализации не дают эстетического переживания. Он пишет: “Я твердо уверен в том, что значительное новое

⁶⁸⁷ Там же. С. 376.

искусство вряд ли возникнет, если продолжить бить в антиформалистский политический/этнографический барабан, то есть вряд ли оно возникнет из упорного отвержения эстетики или даже красоты”⁶⁸⁸.

Однако, помимо напряжения RO–SQ в модели четвероякого объекта есть еще одно напряжение, связанное со сферой реального: SQ–RQ – эйдос. И можно предположить, что концептуальное искусство также способно предложить более глубокий, но всё еще не прямой, доступ к реальному. В данном случае – в области эйдетических качеств. Пример “Одного и трех стульев” Дж. Кошута показывает, что концептуальное искусство выходит за рамки банального буквализма за счет возможности категориального созерцания, которое в ООО, впрочем, отличается от созерцания эстетического. Но тот же Мортон, как человек в большей степени вовлеченный в различные арт-проекты, более благосклонен к концептуальному искусству.

Произведение искусства, по Харману, представляет собой симбиоз (третий объект) арт-объекта и зрителя. И эстетическое созерцание устанавливает симбиотические отношения за счет театральности и поглощенности. Харман пишет: “Мы можем по праву требовать от произведений искусства, чтобы они каким-то образом нас завораживали, а не вызывали незаинтересованное созерцание”⁶⁸⁹. Вопрос в том, способно ли категориальное созерцание стать основой такого симбиоза. На наш взгляд, в концептуальном искусстве арт-объектом служит не конкретное воплощение, а именно лежащая в его основе идея, с которой в свою очередь возможно театральное взаимодействие. Таким образом, симбиоз между зрителем и арт-объектом в случае концептуального искусства устанавливается в два этапа, где между конкретным воплощенным арт-объектом и зрителем находится еще и идея арт-объекта. Первый этап предполагает категориальное созерцание идеи арт-объекта, второй – эстетическое переживание идеи как реального объекта.

⁶⁸⁸ Там же. С. 376.

⁶⁸⁹ Harman G. Interview with Chiara Principe (e-Book). P. 1424.

3.1.3. Влияние объектно-ориентированной онтологии на искусство

Объектно-ориентированная онтология стала источником идей для многих художников и акционистов. Одной из первых на связь своей работы с ООО указала польская художница Йоанна Малиновская, назвав её “Время партизанской метафизики” (2009). В интервью Дэвиду Коггинсу она рассказала: “Я познакомилась с книгой Грэма Хармана. В ней рассматривается идея о том, что объект может обладать какой-то силой самостоятельно, без помощи человека. В некотором смысле, моя выставка – это попытка проверить это предположение – кто знает, может быть [из-за этого], произойдёт космическое столкновение. Некоторые из этих объектов считаются опасными... Меня интересует возможность скрытой в объекте силы”⁶⁹⁰. Другая работа Малиновской, о которой она рассказала в том же интервью, напротив, повлияла на мысль Хармана, став примером, к которому он неоднократно возвращался.

Малиновская так описывала свою инсталляцию: “У меня был магнитофон, работающий от солнечной батареи, на котором воспроизводилась запись знаменитых «Гольдбергских вариаций» [в исполнении Гленна Гульда]. Я установила его посреди абсолютной арктической глуши, и он будет продолжать играть, пока не сломается”⁶⁹¹. Этот пример отражает одну из тенденций влияния идей ООО на часть художников, которые рассматривали ее в качестве одной из версий теории “мира без человека”, продвигаемой некоторыми спекулятивными реалистами (Р. Брасье, К. Мейясу, Ю. Такер и др.), которая обосновывает “искусство без человека”. Объектно-ориентированные философы не поддерживали эту тенденцию. По мнению Хармана такой подход расходится с пониманием искусства в ООО. Требование к автономии арт-объекта заключается не в изъятии человеческого вообще, а в ослаблении роли человеческого наблюдателя в пользу их

⁶⁹⁰ Coggins D. Secret Powers: An Interview with Joanna Malinowska // Artnet. 2010. Jan 15. URL: <https://www.artnet.com/magazineus/features/coggins/joanna-malinowska1-15-10.asp> (дата обращения 17.08.2026).

⁶⁹¹ Ibid.

симбиоза. “«Искусство без людей» было бы просто кусками холста, пигментов или бронзы в постапокалиптическом ландшафте, где никого нет, чтобы их увидеть”⁶⁹², – говорит он. И оно уже не было бы искусством. Кроме того, с точки зрения Хармана, эта работа Малиновской слишком буквально понимает фразу “без человека”, что лишает ее эстетической силы⁶⁹³.

Инспирированное ООО искусство попало на крупные арт-форумы: аргентинский художник Эдуардо Наваро представил свой перформанс “Timeless Alex” на *New Museum* триеннале в Нью-Йорке (2015), Памела Розенкранц подготовила работу “Our Product” для Швейцарского павильона Венецианского биеннале (2015)⁶⁹⁴.

Коллаборации Тимоти Мортонa с разными художниками связаны в первую очередь с реализацией в искусстве его концепции гиперобъектов. Мы уже писали выше, что гиперобъект неверно понимать, как “мир без нас”, поскольку он представляет собой особый случай человеческого восприятия (воспринимаемый объект, см. подробнее § 2.2.4). Поэтому все произведения искусства, инспирированные этой концепцией рассчитаны именно на человеческое восприятие, в котором происходит переживание странного (*weird*). К таковым можно отнести “Ледяные часы” датско-исландского художника Олафура Эллиасона и гренландского геолога Миника Розинга, экспонировавшиеся на площадях Копенгагена (2014), Парижа (2015) и Лондона (2018). Работа представляла собой расставленные по кругу в виде циферблата двенадцать (в Лондоне – тридцать) огромных блоков многовекового льда, изготовленных из отколовшихся от Гренландского ледяного шельфа айсбергов. Мортон участвовал в парижской инсталляции как приглашенный философ.

Он так описывал свое понимание происходившего: “В определенной мере суть «Ледяных часов» сводилась к очевидному визуальному приколу:

⁶⁹² Harman G. Interview with Chiara Principe (e-Book). P. 1432–1433.

⁶⁹³ Harman G. The Only Exit from Modern Philosophy // The Graham Harman Reader (e-Book). P. 134.

⁶⁹⁴ URL: https://www.artspace.com/magazine/interviews_features/the_big_idea/a-guide-to-object-oriented-ontology-art-53690

смотрите, лед тает, время истекает. Но это была просто приманка. На самом деле происходящее было намного интереснее, так что заранее заготовленные понятия едва не лопались от натуги, а может, даже приходилось выйти за их пределы – выйти в простом и дружелюбном, но всё же глубоком смысле. Часы – вещи, читаемые людьми. Но также это вещи, на которые приземляются мухи, которые игнорируют ящерицы, от которых отражается солнце. Пыль оседает на стеклянном корпусе часов, защищающем циферблат. Пылевой клещ совершает огромный переход и находит себе убежище на обратной стороне часов, между ними и моим запястьем. Но вернемся к тому, что я только что сказал о «Ледяных часах»: их топят солнце. Солнце тоже получает доступ ко льду. Как и мостовая. Климат Парижа тоже пробивается ко льду.

Лед, в свою очередь, получал доступ к нам. Казалось, он посылает нам волны холода или засасывает наше тепло – как посмотреть. Этот способ доступа и представлял то, как всё видел сам Элиассон: встреча с «Ледяными часами» – в определенном смысле диалог с глыбами льда, а не односторонняя человеческая беседа с зеркалом, которое случайно оказалось изо льда. Разговор такого рода идет у нас с нечеловеческими существами вот уже тысячи лет”⁶⁹⁵.

Похожую цель преследовали и работы художника Джастина Брайса, в которых Мортон поучаствовал уже как соавтор (автор текста). Самая известная из них – арт-объект под названием “We Are the Asteroid” (2019). Он представлял собой передвижное табло экстренного оповещения, которое используется для предупреждений об опасности торнадо на Среднем Западе США. Табло сообщало гиперобъекте: “Мы – Астероид”. Фразу “Мы – Астероид” можно понять в духе Карла Сагана, который писал о Земле как куске камня, летящем в огромном космическом пространстве⁶⁹⁶. Однако, такая интерпретация была бы слишком буквальной. Для Мортон “Астероид” – это

⁶⁹⁵ Мортон Т. Статья экологичным. С. 125–126.

⁶⁹⁶ “В масштабе планет – не говоря уже о звездных или галактических масштабах – люди суть всего лишь незначительная тонкая живая пленка на поверхности тусклого одинокого каменно-металлического шарика”: Саган К. Голубая точка. Космическое будущее человечества. М. : Альпина-нон-фикшн, 2016. С. 23.

метафора произошедшего 65 млн лет назад пятого массового вымирания видов, которое уничтожило около 75% всех видов на планете, включая большую часть динозавров. Причиной массового вымирания стало падение астероида. Теперь, в эпоху шестого массового вымирания видов, роль астероида выполняем “мы” – человечество. Брайс и Мортон использовали и другие тексты в своей инсталляции, помещая ее в другие пространства: “Goodbye Arctic Ice”, “Human-kind-ness”, “Petro-speak”.

В рамках сотрудничества с композитором и исследователем искусственного интеллекта и машинного обучения в области музыки, Дженнифер Уолш, Мортон написал либрето для оперы “Time Time Time” (2019). Премьера состоялась 24 февраля 2019 г. на *Sonic Acts Festival* в Амстердаме, в декабре оперу показывали на престижном *London Contemporary Music Festival*. Работа исследовала тему времени через обращение к эстетике различных гиперобъектов: “стремительное цифровое время М.С. Schmidt и Уолш, глубокие геологические ритмы Ли Паттерсона, лиминальные вечные дреуны Айн О’Двайер. Сдвигающиеся тектонические плиты Streifenjunko и Vilde&Inga. Зрители, энтропия которых свидетельствует о том, что время действительно идет”⁶⁹⁷. Мортон сыграл одну из ролей – безмолвно медитирующую фигуру в правом углу сцены.

В 2018 г. под редакцией Мортон и кураторов Лоры Копелин и Пейтон Гарднер (обе представляли галерею *Ballroom Marfa*, штат Техас) вышел сборник “Гиперобъекты для художников”. В нем приняли участие Олафур Элиассон, Дженифер Уолш, а также писательница Урсула Ле Гуин, поэтесса Бренда Хиллман и др. Выход сборника был приурочен к выставке “Гиперобъект” (2018), организованной *Ballroom Marfa*.

Наверное, самым масштабным примером влияния идей Мортон на искусство и массовую культуру стоит признать работы американского режиссёра, продюсера и сценариста Адама Маккея, который вдохновившись

⁶⁹⁷ Из анонса выступления на *London Contemporary Music Festival*: Jennifer Walshe & Timothy Morton: Time Time Time // Serpentine Gallery, 2019. URL: <https://www.serpentinegalleries.org/whats-on/jennifer-walshe-timothy-morton-time-time-time/> (дата обращения 17.08.2026).

концепцией гиперобъектов создал в 2019 г. одноименную студию *Hyperobject Industries*. В интервью *The Hollywood Reporter* Маккей назвал Мортонa “нашим тотемным животным”⁶⁹⁸. Первым проектом студии стала сатирическая комедия “Не смотрите наверх” (реж. А. Маккей, 2021) с Леонардо Ди Каприо в главной роли. На идею фильма режиссера натолкнул арт-проект “We Are the Asteroid”⁶⁹⁹.

Сначала Маккей хотел снять фильм о глобальном потеплении, но позже отказался от этой идеи в пользу более понятного массовому зрителю гиперобъекта – кометы, приближающейся к Земле. Помимо нее в фильме, по словам автора, представлено еще около пятнадцати гиперобъектов, включая систему власти, медиа и др. Идея сделать картину сатирической чёрной комедией также принадлежала Мортону⁷⁰⁰.

Выводы из § 3.1

Объектно-ориентированная онтология придает важное значение эстетике, рассматривая ее как способ непрямого доступа к реальным объектам. Грэм Харман прямо называет ее “корнем всякой философии”. Развитие эстетической теории ООО можно поделить на два этапа. Первый связан с разработкой понятия аллюр и ранних версий теории метафоры, второй – с обращением к понятию театральности. Разделяющей чертой стало знакомство Хармана с работами арт-критиков Клемента Гринберга и Майкла Фрида.

Эстетическая теория Хармана строится на трех столпах: антибуквализм, формализм и театральность. Буквальное или рациональное знание он относит к сфере восприятия, в то время как эстетический опыт он понимает, как

⁶⁹⁸ McClintock P. Adam McKay on His Enduring Love for Will Ferrell and the “Insane” State of the World: “I’m Fully Freaked Out” // *The Hollywood Reporter*. 2021, Dec. 8. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/adam-mckay-interview-dont-look-up-will-ferrell-1235058377/> (дата обращения 17.08.2026).

⁶⁹⁹ Goldfarb B. How do you make a movie about a hyperobject? // *High Country News*. 2021, Dec 31. URL: <https://www.hcn.org/issues/54-2/climate-change-how-do-you-make-a-movie-about-a-hyperobject/> (дата обращения 17.08.2026).

⁷⁰⁰ Ibid.

соответствующий напряжению RO–SQ. Соответственно под буквализмом в искусстве и эстетике он имеет в виду перевод произведения искусства в форму буквального знания. В качестве примера он приводит аналитические рецензии Э. Уилсона, парафразировавшие произведения Г.Ф. Лавкрафта. Харман демонстрирует абсурдность буквализма в применении к произведениям искусства, в борьбе с которым он находит союзника в лице представителя школы “Новой критики” Клинта Брукса. Формализм Харман понимает, как предоставление произведению искусства автономии от контекста, связей и среды. И в этом он отчасти следует за Гринбергом и Фридом. Свою интерпретацию формализма он возводит к эстетике И. Канта, однако критикует его за корреляционизм.

Понятие театральности он заимствует у Фрида, но придает ему противоположное значение. Если Фрид использует театральность как негативный термин, противопоставляя его поглощенности произведением искусства, то Харман объединяет, фактически, оба понятия в одно. Для него поглощенность – это аналог аллюра, а театральность – подмена в эстетическом опыте переживания воспринимаемых качеств одного реального объекта другим, что также соотносится с аллюром, как мы видели это в предыдущих главах. Один из ключевых тезисов эстетики Хармана звучит следующим образом: “Всё искусство – театрально”. Тимоти Мортон переосмыслил эту театральность по-своему: “Всё искусство – экологично”, потому что опыт сосуществования людей и нелюдей для него носит эстетический характер.

В своей критике искусства Харман борется с двумя тенденциями: модернизмом и буквализмом. Под модернизмом он имеет в виду следование онто-таксономической ошибке, которая проводит онтологический “разлом” по линии человек/мир. В своей борьбе с модернизмом он стремится отстоять автономию арт-объекта. Однако, он не придерживается радикального тезиса “искусство без человека”, считая, что любое произведение искусства представляет собой гибрид или симбиоз арт-объекта и человека-зрителя. Гораздо больше внимания Харман уделяет борьбе с буквализмом, где одним

из главных объектов его критики становится Марсель Дюшан и дадаизм, а примером противоположного подхода – близкий к нему сюрреализм.

Отдельно в Главе рассматривается отношение Хармана к концептуальному искусству, которое, на наш взгляд, он слишком поспешно отвергает. Опираясь на другой тип онтографического напряжения – SO–RQ – концептуализм тоже указывает на скрытую реальность объектов, в области их качеств, и не сводится к буквальному знанию. Концептуальное искусство выходит за рамки банального буквализма за счет возможности категориального созерцания, которое в ООО, впрочем, отличается от созерцания эстетического. Оно может удовлетворять условиям формализма, сохраняя автономию за арт-объектом, а также создавать устойчивый симбиоз со зрителем за счет театральности, которая в случае концептуализма устроено несколько сложнее: первый этап предполагает категориальное созерцание идеи арт-объекта, второй – эстетическое переживание идеи как реального объекта.

Объектно-ориентированная онтология стала источником идей для многих художников и акционистов. Философия Г. Хармана вдохновила польскую художницу Йоанну Малиновскую на создание работы “Время партизанской метафизики” (2009). К идеям ООО также обращались Эдуардо Наваро, Памела Розенкранц, Пьер Юиг, Олафур Эллиасон и др. Тимоти Мортон стал участником и соавтором ряда художественных проектов: инсталляция “We Are the Asteroid” (Дж. Брайс, 2019), опера “Time Time Time” (реж. Дж. Уолш, 2019). Американский режиссёр, продюсер и сценарист Адам Маккей, вдохновившись концепцией гиперобъектов Мортон, создал студию “Hyperobject Industries”. На идею первого фильма студии “Не смотрите вверх” (реж. А. Маккей, 2021) режиссера натолкнул проект “We Are the Asteroid”.

§ 3.2. Архитектура и дизайн

3.2.1. Теория архитектуры Грэма Хармана

Применение объектно-ориентированной онтологии к области архитектуры и дизайна в первую очередь связана с работой Грэма Хармана в Южно-Калифорнийском институте архитектуры в Лос-Анджелесе (Sci Arc), куда он переехал из Египта в 2016 г. Однако, его первое соприкосновение с этой областью теоретического знания и практической деятельности произошло намного раньше. Уже в ноябре 2007 г., спустя полгода после семинара по спекулятивному реализму в Голдсмитсе, Харман получил приглашение выступить с лекцией в Школе архитектуры Технического университета Делфта (Нидерланды). В 2009 и 2010 гг. последовали лекции об ООО для архитекторов в Лондоне и Бейруте. Главным проводником Хармана в мире архитектуры стал его однокурсник по Колледжу Св. Иоанна Дэвид Руй. В 2012 г. группа известных бразильских архитекторов, Педро Душенес, Жулиано Монтейро и Густаво Утрадо, пригласила Хармана с лекцией в Куритибу. В январе 2013 состоялось знакомство и дискуссия с архитектором Патриком Шумахером (р. 1961), автором концепции параметризма в архитектуре (2008) и директором студии *Zaha Hadid Architects*. В том же году Харман впервые побывал с лекцией в Sci Arc.

В июне 2013 г. в рамках серии, проводимой платформой *The Architecture Exchange*, в штаб-квартире Сведеборгианского общества в Лондоне прошел семинар под названием “Существует ли объектно-ориентированная архитектура?” Дискуссию организовали директор платформы Джозеф Бедфорд и со-основатель архитектурного бюро *vPRR Architects* Джессика Рейнольдс. Помимо Хармана, в ней приняли участие теоретики архитектуры Адам Шэпп, Лоренс Холм, Джонатан Хейл, Пег Роус, Патрик Линч и Питер Карл. В 2020 г. по следам дискуссии вышла в свет книга “Существует ли

объектно-ориентированная архитектура? Дискутируя с Грэмом Харманом”⁷⁰¹ под редакцией Дж. Бедфорда. Каждая глава этого сборника была выстроена по следующей схеме: статья теоретика с реакцией на идеи ООО – ответ Хармана – интервью теоретика с реакцией на ответ.

Дискуссия о применении ООО в архитектуре и дизайне продолжилась на страницах архитектурного журнала *Log* (№33, Winter 2015) и на симпозиуме “Тайная жизнь строений”, организованном Центром американской архитектуры и дизайна Университета Техаса в Остине в октябре 2016 г. В форуме приняла участие вся четверка объектно-ориентированных философов (Г. Харман, Т. Мортон, Л. Брайант, И. Богост), а также Альбена Янева, которая одной из первых применила к архитектуре акторно-сетевую теорию. В 2018 г. вышел одноименный сборник статей под редакцией организаторов симпозиума, Майкла Бенедикта и Кори Бига⁷⁰². Центральной для сборника стала полемика между Харманом и Шумахером. Обобщением продолжающейся многие годы дискуссии о применении ООО к архитектуре и своеобразным ответом критикам стала монография Хармана “Архитектура и объекты” (2022)⁷⁰³, вышедшая в серии “Искусство после Природы” издательства Университета Миннесоты.

Работа Хармана в Sci-Arc в Лос-Анджелесе придала импульс применению ООО в архитектуре и дизайне. Одним из ярких примеров стала деятельность Тома Уискомба, основателя и директора *Tom Wiscombe Architecture*. Помимо, архитектурных проектов Уискомб инициировал несколько изданий, в которых обсуждалось применение ООО к архитектуре: “Объекты модели мира” (2021)⁷⁰⁴ и “Разговоры об архитектуре и объектах” (2021)⁷⁰⁵ с участием Г. Хармана, Т. Мортон и др.

⁷⁰¹ Is There an Object-Oriented Architecture? Engaging Graham Harman / ed. by J. Bedford. London ; New York ; Oxford : Bloomsbury Academics, 2020.

⁷⁰² The Secret Life of Buildings / ed. by M. Benedikt, K. Beig. Austin : Center for American Architecture and Design, 2018.

⁷⁰³ Harman G. Architecture and Objects. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2022.

⁷⁰⁴ Wiscombe T. Objects Models Worlds. AADCU, 2021.

⁷⁰⁵ Wiscombe T. Conversations about Architecture and Objects. Los Angeles : Tom Wiscombe, 2021.

Объектно-ориентированный подход к архитектуре и дизайну во многом совпадает с аналогичным подходом к искусству, поскольку опирается на одни и те же принципы эстетической теории ООО. Однако, Харман выделяет архитектуру (и дизайн⁷⁰⁶) в отдельную область, помещая их в одну из вершин треугольника, в котором две другие – занимают философия и искусство. Специфика этой области связана с тем, что объекты архитектуры и дизайна имеют более прикладной характер *для человека*, чем произведения искусства, они имеют функцию, а значит здесь сложнее говорить об автономии объектов. Ответ на вопрос, способна ли архитектура (и, если способна, то как) к автономии от своего окружения, – вызов для объектно-ориентированной философии. Поэтому, с точки зрения Хармана, архитектура сегодня должна выйти на первый план философского осмысления, как когда-то поэзия, трагедия и кинематограф⁷⁰⁷.

Отдельный вопрос: зачем архитектуре отстаивать автономию своих объектов. Его Харман рассматривает в контексте влияния философской мысли на эту сферу. Он отмечает интерес архитекторов к философии как источнику новых идей и вдохновения и разбирает три волны философского влияния на архитектуру за последние шестьдесят лет, связанные с фигурами М. Хайдеггера, Ж. Деррида и Ж. Делёза. В качестве менее влиятельных фигур он выделяет также Б. Латура, П. Слотердайка, Л. Иригарея, М. Фуко⁷⁰⁸. Этот интерес к философии со стороны архитекторов он объясняет тягой к инновациям и экспериментам. Не претендуя на лавры теоретика архитектуры, Харман в свою очередь показывает, что может предложить ей ООО, всегда оговариваясь, что конкретное воплощение предложенных принципов должно оставаться за профессиональными архитекторами. А поскольку его философская теория утверждает онтологическую первичность и автономию

⁷⁰⁶ Харман не говорит напрямую о дизайне, как о дополняющем архитектуру элементе, но учитывая прикладной характер дизайна, отличающий его от искусства, для него справедливы все те же вызовы и выводы, что и для архитектуры. В конце концов, в каких-то моментах архитектура и дизайн неотличимы друг от друга как прикладные дисциплины.

⁷⁰⁷ Harman G. Architecture and Objects. P. xiv.

⁷⁰⁸ Философским влияниям на архитектуру посвящена Глава 1 “Архитектуры и объектов”: Ibid. P. 1–39.

объектов, те же принципы должны быть применены и к архитектуре. Мы не будем подробно останавливаться на тех принципах, которые в объектно-ориентированном подходе к архитектуре совпадают с эстетической теорией ООО: антибуквализм, формализм и театральность. В этом параграфе мы разберем те положения, которые отличают (а может и дополняют) эти пересекающиеся, но не совпадающие сферы.

В центре философского рассмотрения Хармана лежит традиционное для теорий архитектуры представление об отношении между формой и функцией, два крайних полюса которого можно описать так: следует ли форма строения за функцией или функция определяется формой. В первом случае речь идет о функционализме в архитектуре, во втором – о формализме. С точки зрения Хармана, именно функция отличает архитектурный объект от объекта искусства. Архитектура без функции превращается в скульптуру. Второе отличие касается категории времени. Наблюдателю требуется гораздо больше времени для восприятия архитектурного объекта, чем в случае с произведением искусства (только если последнее не содержит архитектурных элементов).

Харман дает собственную интерпретацию отношению форма/функция. Форма для него означает “реальность вещи вне зависимости от любых отношений, в которые она вступает”⁷⁰⁹. Такое определение не только исключает, по его словам, любую отсылку к утилитарной функции, но и – внешний вид вещи, “хотя именно это многие подразумевают под эстетической «формой»”⁷¹⁰. В ООО эстетический опыт связан с реальным, а не воспринимаемым объектом. Можно сказать, что речь идет о некой скрытой сущностной форме вещи, ее фундаментальной реальности. Функция, напротив, отсылает “не только к сугубо практическим результатам чего-либо, но и любым взаимосвязям, даже если они кажутся чисто косметическими или концептуальными”⁷¹¹. Харман пишет, что для него пара форма/функция, по

⁷⁰⁹ Ibid. P. 44.

⁷¹⁰ Ibid. P. 44.

⁷¹¹ Ibid. P. 44–45.

сути, оказывается синонимичной паре реальность/отношение. Нетрудно увидеть в этом различии фундаментальный онтологический разлом между реальным и воспринимаемым, лежащий в основе ООО.

Как и в случае с искусством, философская проблема автономии архитектурных объектов вовсе не означает обсуждение “архитектуры без людей”. Речь идет про “архитектуру без человеческих наблюдателей”, а не про отсутствие человеческого вообще⁷¹². Чтобы описать человеческое присутствие без наблюдения, Харман обращается к своему понятию *zero-person* (от нулевого лица). Ранее мы уже обсуждали его как синоним любого реального объекта, изъятого из прямых отношений с другими объектами. Ключевую роль в нем играет телесность. Он пишет: “По аналогии нам также необходим подход к архитектуре от нулевого лица, в котором форма и функция удаляются от своей связи с человеком”⁷¹³. Для этого он вводит понятия нулевая форма (*zero-form*) и нулевая функция (*zero-function*). Зануление (*zeroing*) чего-либо в терминологии Хармана означает изъятие из отношений⁷¹⁴. “Нулевую форму несложно схватить в понимании, если отойти от привычного визуального восприятия формы и обратить внимание на нечто, больше похожее на субстанциальные формы аристотелевской философии. Нулевая функция кажется более сложной для понимания, поскольку под «функцией» я подразумеваю любые, а не только технические отношения. Задаваться вопросом о нулевой функции – значит спрашивать об отношениях, вычтенных из реляционности, и это парадокс, с которым сталкивается только архитектура”⁷¹⁵, – пишет он.

В противостоянии формализма и функционализма в архитектуре Харман склоняется к формалистскому полюсу, однако, как и в случае с искусством, он не стремится полностью исключать архитектурный объект из контекста его отношений. И в этом он, к примеру, расходится с формалистской критикой

⁷¹² Ibid. P. 66.

⁷¹³ Ibid. P. 66.

⁷¹⁴ Ibid. P. 68.

⁷¹⁵ Ibid. P. 68.

“наивного функционализма” итальянского архитектора-метафизика Альдо Росси (1931–1997) в его работе “Архитектура города” (1966), которую Харман считает близкой к объектно-ориентированному подходу (в той же мере, в какой приближается к ООО арт-критика К. Гринберга и М. Фрида).

Для Росси форма в плане фундаментальности лежит глубже, чем функция. Монументальность архитектуры связана с устойчивостью ее формы, тогда как функция того или иного строения на протяжении времени может меняться. Одно и то же здание может за одну только сотню лет выполнять функцию монастыря, тюрьмы, музея, туристического объекта и т. д. Его форма не зависит от меняющегося исторического и социо-политического контекста, который определяет его функции⁷¹⁶. По словам Хармана, “Росси, кажется, полностью исключает функции из общей картины... как будто он полагает, что функция никогда не может быть монументально увековечена”⁷¹⁷. Здесь находится точка расхождения между ними. Харман считает, что можно учесть контекст и говорить о монументальности функции, если ее занулить. Именно для этого он вводит понятие “нулевая функция”.

Чтобы объяснить логику зануления, необходимо обратиться к ключевым эстетическим принципам ООО – антибуквализму и театральности. Как уже говорилось выше, функция для Хармана – синоним отношения (*relation*), которое, в свою очередь, может восприниматься буквально или небуквально. В первом случае функция архитектурного объекта полностью принадлежит к сфере восприятия наблюдателя. В нем нет никакого отношения к реальности, поскольку буквальное знание об объекте – это прямой доступ к воспринимаемому объекту и его качествам. Зануление функции, цель которого – в придании ей большей автономии от наблюдателя, может быть только через небуквальное отношение⁷¹⁸. В ООО оно описывается через

⁷¹⁶ Хотя здесь напрашивается контрпример с советским перепрофилированием объектов религиозного культа (церквей, мечетей и т. д.) в нерелигиозные (планетарии, дворцы культуры, склады и т. д.), в ходе которого форма иногда претерпевала существенное изменение. В этом плане стремление Хармана не отвергать априорно влияние контекста – вполне оправдано.

⁷¹⁷ Harman G. *Architecture and Objects*. P. 70.

⁷¹⁸ *Ibid.* P. 152.

напряжение RO–SQ, которое, как мы видели в предыдущих главах, представляет собой одно из звеньев в цепочке не прямой (замещающей) причинности, а также является структурным элементом эстетического опыта, переживаемого театрально.

Зануление функции в теории архитектуры Хармана происходит через ее эстетизацию (например, через использование метафоры), которая, в логике ООО, должна переживаться театрально. Философ описывает зануление через свою “птолемеевскую” пространственную схему, в которой оно достигается благодаря переносу отношений между наблюдателем и произведением внутрь нового объекта⁷¹⁹. Это возвращает нас к дискуссии Хармана с архитектором Лоренсом Холмом о символическом статусе алтаря, которую мы разбирали в § 2.2.7. На наш взгляд, ошибочная пространственная интерпретация напряжения RO–SQ уводит нас на ложный путь поиска чисто пространственных решений для архитектуры, тогда как эстетический опыт зависит скорее не от буквального пространственного расположения архитектурных элементов, а от энергетического эффекта, который Мортон называет “харизмой”.

В нашей интерпретации символ, как и метафора, представляет собой один из энергетических/ эстетических уровней, на котором реализуется способность к восприятию скрытого реального объекта. И подлинное зануление функции, то есть ее дебуквализация заключается в перформативном превращении в нечто другое. К примеру, крыша-трансформер “Мерседес-Бенц Стэдиум” в Атланте (США) буквально должна защищать стадион от непогоды или палящего солнца, но архитектурное решение – лепестковое закрытие – превращает арену в подобие римского Пантеона при частичном закрытии, или панцирь броненосца – при полном. Это позволяет переживать в игровой форме эстетический опыт храма футбола (Пантеон) или неприступной крепости, защищающей от стихии (панцирь). В данном случае этот эффект достигается благодаря пространственному расположению элементов, но само по себе

⁷¹⁹ Ibid. P. 156.

пространство не несет метафорического смысла, а только сравнение с присутствующими в опыте объектами – римским храмом и панцирем. На стадионах, где закрытие крыши происходит банальным образом, такой опыт получить сложнее.

Но энергетический эффект может достигаться не только пространственным расположением, и это та область, которая попадает в слепую зону подхода самого Хармана, в отличие от нашего. Например, выбор материала может сделать архитектурный объект более “харизматичным” и энергетически “заряженным”. Использование дерева в современной городской застройке, или наоборот – стекла в лесной полосе, может дать такой энергетический эффект. Монументальная мощь или парящая воздушность – всё это может быть проинтерпретировано в энергетических терминах.

3.2.2. Дискуссия об объектно-ориентированной архитектуре

Дискуссия об объектно-ориентированной архитектуре продолжается уже больше десяти лет, если ее отправной точкой считать семинар в штаб-квартире Сведеборгианского общества в Лондоне (2013). Идеи Грэма Хармана довольно быстро захватили умы ряда влиятельных архитекторов и дизайнеров, таких как Марк Фостер Гейдж, Дэвид Руй (пропоненты) и Патрик Шумахер (оппонент). Этот интерес связан с амбициозной претензией ООО на то, чтобы стать теоретической основой для новой парадигмы в архитектуре⁷²⁰. Дискуссия вращается вокруг двух больших тем: 1) роль философии в архитектурной теории, 2) возможность применения основных принципов ООО к архитектуре, а также адекватность предложенных проектов этим принципам. Первая тема связана с актуальностью объектно-ориентированного подхода для архитекторов, вторая – с его реализацией.

Марк Фостер Гейдж, ассоциированный профессор архитектуры Йельского университета и руководитель фирмы *Mark Foster Gage Architects*,

⁷²⁰ Bedford J. Is There an Object-Oriented Architecture? // Is There an Object-Oriented Architecture. P. 1.

считает, что архитектурная теория переживает кризис, который связан с засильем функционального подхода, продолжающего влиять как на архитекторов, так и на публику⁷²¹. Коротко он формулируется как “форма должна следовать за функцией”. Этот подход до сих пор, как утверждает Гейдж, остается способом легитимации здания: “Сегодня здание будет демонстрировать свою функцию экологической ответственности с помощью высаженных зеленых стен или несущих скрытое послание отделочных материалов типа бамбука”⁷²². Проблема заключается в том, что в процессе такой функционализации и инструментализации “архитектурная форма сделалась невидимой для сознания ее потребителей”⁷²³. Гейдж уверен, что современной архитектуре нужны не новые стили и шаблоны форм (*shapes*), а “философская перезагрузка... глубокое и осмысленное исследование природы профессии”⁷²⁴. В объектно-ориентированной философии он видит свежий взгляд на то, как сделать архитектурную форму “снова видимой”, т. е. вывести форму из зависимости от функции⁷²⁵.

Противоположной точки зрения на роль философии в архитектуре придерживается Патрик Шумахер, создатель теории параметризма и директор бюро *Zaha Hadid Architects*, остающийся главным оппонентом объектно-ориентированной архитектуры. Параметризм претендует на роль “нового великого стиля” в архитектурной теории, преодолевающего модернизм и рассматривающего постмодернизм и деконструктивизм в архитектуре как переходные стадии⁷²⁶. Хотя в работах Шумахера можно увидеть влияние теории систем Никласа Лумана и философии складки Жюль Делёза, он остается сторонником “архитектурного аутопоэзиса” – идеи, что

⁷²¹ Gage M. F. Killing Simplicity: Object-Oriented Philosophy in Architecture // Log. 2015. № 33, Winter. P. 97.

⁷²² Ibid. P. 97.

⁷²³ Ibid. P. 97–98.

⁷²⁴ Ibid. P. 106.

⁷²⁵ Избранные работы *Mark Foster Gage Architects*: URL: <https://www.mfga.com/projects-grid> (дата обращения 28.08.2026).

⁷²⁶ См. знаменитый манифест П. Шумахера “Параметризм как стиль”: Schumacher P. Parametricism as Style – Parametricist Manifesto // Patrick Schumacher official site. 2008. URL: <https://patrikschumacher.com/parametricism-as-style-parametricist-manifesto/> (дата обращения 21.08.2026).

архитектурная теория должна формулировать собственный дискурс, “не боясь никаких господствующих философских теорий”⁷²⁷.

В очной дискуссии с Грэмом Харманом, состоявшейся в Университете Техаса в Остине в октябре 2016 г., он сразу обозначил основной фокус своей критики как противостояние абстрактной философской теории в пользу конкретных архитектурных решений: “Я не думаю, что дискуссия об абстрактном реализме против реляционизма [Б. Латура] (или корреляционизма) имеет большой смысл с точки зрения архитектуры... Архитекторы и теоретики архитектуры (включая философов, превращающихся в теоретиков архитектуры внутри архитектурных школ) не должны себе позволять быть ослепленными философской риторикой шока и трепета, а также втягиваться в мелкие хитросплетения абстрактных алгебр профессиональных философов. Вместо этого мы должны сосредоточиться на современных архитектурных применениях этих «концептуальных алгебр», постоянно проверяя их на предмет того, как они могут «окупиться» с точки зрения ощутимых архитектурных результатов”⁷²⁸. Шумахер не отрицает плодотворного обмена идеями со стороны философии и архитектуры, но настаивает на том, что именно архитекторы должны контролировать дискурс архитектурной теории. С ним согласен теоретик архитектуры Тодд Гэннон, который в другой дискуссии с Харманом заявил, что философия не должна выступать в роли мастер-дисциплины для архитектуры⁷²⁹.

На первый взгляд подходы Гейджа и Шумахера кажутся не противоречащими друг другу. Ведь “философская перезагрузка” может происходить под контролем архитекторов. Однако, Шумахер говорит о смене “великого стиля” (*great style*), а Гейдж о более глубоком переосмыслении онтологии архитектурных решений. Не случайно он относит параметризм к всё той же функционалистской парадигме, которую стремится преодолеть⁷³⁰.

⁷²⁷ Schumacher P. A Critique of Object-Oriented Architecture // *The Secret Life of Buildings*. P. 70.

⁷²⁸ Ibid. P. 72.

⁷²⁹ Gannon T. Harman G., Ruy D., Wiscombe T. The Object Turn: A Conversation // *Log*. 2015. № 33, Winter. P. 81.

⁷³⁰ Gage M. F. Killing Simplicity. P. 97.

Позиция Хармана в этом заочном споре двух архитекторов может удовлетворить обоих: с одной стороны, он считает, что архитектурной теории действительно нужна перезагрузка ее философского аппарата, с другой – последнее слово в ее реализации остается всё-таки за архитекторами.

Брайан Норвуд отмечает, что главной тенденцией в применении ООО к современной архитектурной теории можно назвать “сдвиг мышления в понятиях непрерывных потоков и полей (ассоциирующихся с Делёзом⁷³¹) к мышлению через дискретные объекты”⁷³². Дискуссионным здесь остается вопрос о том, как должен быть воплощен объектно-ориентированный лексикон в виде конкретных архитектурных решений. Существует соблазн, который отчасти был реализован в некоторых проектах, перенести философские понятия, образы и метафоры напрямую в архитектурные или дизайнерские решения. Изъятость реального объекта представить через герметичные формы, нереляционность воплотить в виде прерванных коммуникаций, а идею зануления оформить цокольным этажом. Джозеф Бедфорд усматривает в этом опасность для объектно-ориентированной архитектуры: “Сама непосредственность и открытость начинания Хармана, в сочетании с быстрым и широким распространением его рассуждений, также чреваты тем, что он слишком скоро может присоединиться к ряду философов прошлого, чье взаимодействие с архитектурой было (хотя и продуктивно) “превратно истолковано” (*misread*), когда их идеи были [слишком] быстро переведены в метафоры для архитектурных форм”⁷³³. И это в гораздо большей степени относится к проponentам объектно-ориентированной архитектуры, чем к ее оппонентам.

Харман предостерегает архитекторов от буквального понимания философских метафор: “беспорядочного использования кривых окон для прославления дерридианского *différance* или чрезмерного использования

⁷³¹ Например, в теории параметризма Патрика Шумахера.

⁷³² Norwood B. E. Metaphors for Nothing // Log. 2015. №33, Winter. P. 114.

⁷³³ Bedford J. Is There an Object-Oriented Architecture? P. 2.

складчатых форм в честь Делёза”⁷³⁴. Более того, он выступает против прямого переноса философских понятий в архитектурную форму: “Я никогда не смогу посмотреть на архитектурный проект и сказать: «Ага, вот так ООО переносится в архитектуру!» Всегда будут различные степени резонанса и разные возможные пути”⁷³⁵, – говорит он.

Вместе с тем, Харман не предлагает никаких примеров архитектурных решений на основе своих идей, поскольку считает, что они “должны быть открыты и реализованы самими архитекторами”⁷³⁶. Вот почему мы так и не находим в его работах представления о том, как должно выглядеть зануление функции. С одной стороны, такой подход можно назвать вполне адекватным, поскольку конкретные предложения форм требуют специализированной архитектурной подготовки, которой у философа нет. С другой – в отсутствии образца открывают дорогу к ошибочному толкованию основных принципов ООО применительно к архитектуре. И в этом случае на философа ложится задача критики проектов своих архитектурных пропонентов. Можно предположить, что в SCI-Arc Харман выполняет ее на этапе подготовки будущих архитекторов, однако за его пределами его критика может быть недостаточной.

На “буквалистское недопонимание” в применении принципов ООО справедливо указывает Патрик Шумахер. Он отмечает, что главной характеристикой архитектурных проектов, вдохновленных ООО, является “их очевидное качество как дискретных и четко идентифицируемых объектов, то есть их безошибочная объектность в отличие от антиобъектного подхода параметризма, который вплетает проекты в городскую среду”⁷³⁷. Эта нарочитая объектность принимает форму “полемиического отрывания этих проектов от их контекста”⁷³⁸. Шумахер говорит: “[Эти проекты] резко подчеркивают свою обособленность [от окружающей среды] как широко

⁷³⁴ Harman G. *Architecture and Objects*. P. xi.

⁷³⁵ Gannon T. Harman G., Ruy D., Wiscombe T. *The Object Turn*. P. 86.

⁷³⁶ Harman G. *Architecture and Objects*. P. 172.

⁷³⁷ Schumacher P. *A Critique of Object-Oriented Architecture*. P. 77.

⁷³⁸ *Ibid.* P. 78.

выпуклые, герметичные объекты. Они выглядят как космические корабли или метеориты, едва соприкасающиеся с землей... Я подозреваю, что дискретная объектность и функционально ущербное стремление к резкой прерывистости по отношению к земле и застроенному контексту обусловлены желанием проиллюстрировать или выразить то, что Харман называет «изъятием» объекта»⁷³⁹. Шумахер видит в этом наивное и буквалистское перенесение философских идей в архитектуру⁷⁴⁰. Он верно указывает на то, что, с точки зрения теории Хармана, объект, резко контрастирующий со средой, и объект, встроенный в среду, одинаково изъяты в том смысле, что не сводятся к текущим отношениям с нами и другими объектами, сохраняя недоступный излишек⁷⁴¹.

Вслед за Шумахером можно добавить, что, к примеру, зануление архитектурной функции вовсе не предполагает архитектурных решений, приводящих к дисфункциональности в угоду буквальному пониманию объектно-ориентированных метафор. Идея нулевой функции заключается в ее эстетизации, то есть игровой подмене опыта буквального восприятия функции эстетическим опытом. Но для реальных тел (перспектива от нулевого лица) функциональность сохраняется. На железнодорожном вокзале, реализующем идею нулевой функции, можно через эстетическую поглощенность забыть о том, что ты на вокзале, но функция посадить реальное тело в реальный вагон в нем остается.

Вместо того, чтобы буквалистски переносить в архитектуру дискретность и изъятость реальных объектов, Марк Фостер Гейдж в своих рассуждениях о применении ООО к архитектуре предлагает обратиться к фундаментальным принципам, воплощенным в модели четвероякого объекта. Он считает, что задачей архитекторов должно стать продумывание дизайна воспринимаемых качеств, которые “намекают (*allude*) на существование более глубоких

⁷³⁹ Ibid. P. 78.

⁷⁴⁰ Ibid. P. 78.

⁷⁴¹ Ibid. P. 78–79.

реальностей, скрывающихся под воспринимаемыми поверхностями”⁷⁴². Другими словами, Гейдж предлагает обратиться к понятию *аллюра*, и спроектировать воспринимаемые качества архитектурного объекта таким образом, чтобы именно они указывали на его скрытую реальность. К этому можно добавить, что аллюр может переживаться как странное (*weird*) или бардоподобное (*bardo-like*) – сон наяву, если пользоваться терминами Тимоти Мортон. В этом плане противостояние объектно-ориентированной архитектуры Гейджа-Хармана и параметризма Шумахера может быть переосмыслено в более позитивном ключе, поскольку опыт встречи с параметристской архитектурой (к примеру, Центр Гейдара Алиева в Баку, арх. Заха Хадид) может быть хорошим примером зануления архитектурной функции.

В заключении главы о применении ООО к архитектуре приведем довольно выразительную цитату Грэма Хармана, которая, как нам кажется, хорошо выражает его понимание: “Архитектура в любом случае должна обращаться к воображению, а не только к интеллекту. Меня не особенно интересует интеллектуальный процесс, породивший вашу архитектурную логику с мириадами граней. Я хочу увидеть результат этой логики, и он, черт возьми, должен быть достаточно простым, чтобы человеческий мозг мог удержать его в фокусе и впоследствии восстановить в памяти. Поэтому самый большой комплимент, который я могу сделать студентам на просмотрах их проектов, звучит так: если через 24 часа меня попросят набросать этот проект, я смогу это сделать. Это означает, что проект затронул новое пространство моего воображения”⁷⁴³.

⁷⁴² Gage M. F. Killing Simplicity. P. 103.

⁷⁴³ Harman G., Wiscombe T. On Flat Ontology: Harman + Wiscombe // Tom Wiscombe Architecture. 2021. URL: <https://tomwiscombe.com/On-Flat-Ontology-Harman-Wiscombe-1> (дата обращения 22.08.2026).

Выводы из § 3.2

Интерес среди архитекторов к объектно-ориентированной онтологии появился почти сразу после семинара спекулятивных реалистов в Голдсмитсе (2007). Начиная с этого момента Грэм Харман стал получать приглашения от архитектурных школ и групп архитекторов выступить с лекциями. В 2013 г. в Лондоне состоялась дискуссия Хармана о возможности объектно-ориентированной архитектуры с известными теоретиками архитектуры А. Шэрром, Л. Холмом, Дж. Хейлом, П. Роус, П. Линчем и П. Карлом. Обсуждение применения ООО к этой области продолжилось на страницах журнала *Log* (№ 33, 2015) и симпозиуме “Тайная жизнь строений” в Университете Техаса в Остине (2016). Центральной для последнего стала полемика между Харманом и Патриком Шумахером, создателем теории параметризма в архитектуре. С 2016 г. Харман начал свою работу в Южно-Калифорнийском институте архитектуры (SCI Arc), что придало качественно новый импульс применению ООО в архитектуре и дизайне.

Объектно-ориентированный подход к архитектуре во много совпадает с аналогичным подходом к искусству, однако его специфика связана с прикладным характером архитектуры и дизайна для человека. В отличие от произведений искусства, у архитектурных объектов есть ярко выраженная функция, что сильно затрудняет разговор об их автономии. Однако, по мнению Хармана, снижение роли функции ради повышения автономии объекта вовсе не означает “архитектуры без людей”. Оно достигается через человеческое присутствие без наблюдения. Харман обращается к своему понятию перспектива от нулевого лица, которое он использовал в отношении реальных объектов, изъятых из прямых отношений с другими реальными объектами. Он предлагает произвести зануление (*zeroing*) архитектурной функции, которое он понимает как ее эстетизацию, т. е. применение к функции эстетических принципов антибуквализма и театральности.

Продолжающаяся дискуссия об объектно-ориентированной архитектуре вращается вокруг двух больших тем: 1) роль философии в архитектурной теории, 2) возможность применения основных принципов ООО к архитектуре, а также адекватность предложенных проектов этим принципам. Один из главных пропонентов ООО в архитектуре, Марк Фостер Гейдж, видит в ней источник для переосмысления архитектурной теории, страдающей от засилья функционализма, характерного для современных подходов. Он считает, что архитектуре сегодня нужна философская перезагрузка, а не новые стили и формы. Главный оппонент объектно-ориентированной архитектуры, Патрик Шумахер, настаивает на том, чтобы архитекторы, а не философы формулировали архитектурный дискурс. Он не отрицает возможности философского влияния, но предостерегает от превращения философии в мастер-дисциплину по отношению к архитектуре.

Основной проблемой в применении ООО в виде конкретных архитектурных проектов является буквальный перенос философских идей и метафор в архитектурную форму, от которой предостерегает сам Харман и на которую, критикуя проекты, указывает Шумахер. Объектно-ориентированная архитектура на сегодняшний день остается одной из самых динамичных областей применения ООО.

Заключение

Произведенная в диссертационном исследовании реконструкция истории становления объектно-ориентированной онтологии, ее основных теоретических принципов и их применения позволяет сделать вывод о том, что она из индивидуального проекта ее основателя, Грэма Хармана, превратилась в полноценную школу систематической философии, обладающую общим теоретическим ядром, двумя поколениями последователей, инфраструктурой коммуникации и заметным публичным весом. В исторической реконструкции мы предложили периодизации, выделив три этапа становления ООФ/ООО.

Первый этап (1997–2006) связан с деятельностью Грэма Хармана по разработке основных принципов и философского словаря новой теории. Он начинается с интеллектуального переворота летом 1997 г., когда под влиянием А. Н. Уайтхеда и Х. Сублири, Харман осуществляет метафизическое переосмысление идей той традиции, в которой он сформировался ранее как философ – представленной А. Лингисом американской ветви феноменологии, которая ориентировалась по большей части на французскую феноменологию и хайдеггерианский экзистенциализм. В том же году он формулирует первые принципы будущей объектно-ориентированной философии. Нам удалось показать, что появлению своей теории объектов Харман обязан не кантовскому различению ноумена и феномена, а хайдеггеровскому различию между подручным (*Zuhandenheit*) и наличным (*Vorhandenheit*). Именно эти понятия стали прототипами реального и воспринимаемого, непреодолимый онтологический “разлом” между которыми постулирует объектно-ориентированная философия. Вместе с тем, было бы неверно считать, что Харман следует за Хайдеггером: его довольно вольная интерпретация хайдеггеровского анализа подручного диаметрально противоположна проекту немецкого философа. В этом смысле было бы корректней сказать, что влияние Хайдеггера на Хармана – историко-генетическое, а не содержательное.

На первом этапе Харман предпринимает попытку четкой демаркации ООФ с существующими внутри его материнской традиции подходами – антиметафизической феноменологией (Д. Жанико) и пост-метафизикой (Э. Левинас, М. Анри, Ж.-Л. Марион). В ранних работах Харман выступает уже как самостоятельный философ, имеющий собственное представление о философской теории объектов, но не разработавший еще языка ее описания. С этим связано его стремление опереться на заимствованную, но творчески переработанную терминологию.

Второй этап (2007–2010) связан с осмыслением места ООФ в более широком контексте других философских направлений, принадлежащих к так называемому спекулятивному/онтологическому/нечеловеческому повороту. Его начало знаменует семинар “Спекулятивный реализм” в Голдсмитском колледже Лондонского университета (2007), давший начало одноименному движению. Дискуссия между Грэмом Харманом, Рэем Брасье, Квентином Мейясу и Иеном Хэмилтоном Грантом оказала значительное влияние на ландшафт современной (пост)континентальной философии. Объединяющей идеей и отличительной чертой спекулятивного реализма стала критика корреляционизма – философской установки, которая рассматривает мир в корреляции с человеческим мышлением о нем. Однако, участники движения по-разному понимали суть корреляционизма и не избежали позднее взаимных обвинений в слабом корреляционизме. Группе спекулятивных реалистов не удалось оформиться в школу – у них были слишком разные подходы за рамками общей критики корреляционизма.

Ярко вспыхнув, четверка быстро распалась на отдельные направления. Само название “спекулятивный реализм” закрепилось за направлениями связанными с Харманом и Грантом. Впоследствии ООФ выиграла борьбу за наследие СР, оставшись единственным целостным направлением в его рамках и сформировав позднее собственную школу. На втором этапе Харман продолжил демаркацию ООФ от идейно близких философских подходов – акторно-сетевой теории Бруно Латура, спекулятивного материализма

Квентина Мейясу, реалистической онтологии Мануэля Деланды. Завершился этап формирования классической четверки объектно-ориентированных философов в составе Хармана, Леви Брайанта, Иена Богоста и Тимоти Мортон.

Третий этап (2011–н. в.) связан с оформлением ООО в школу систематической философии. В качестве критериев школы мы выделили следующие: 1) лидерство и последователи, 2) общее теоретическое ядро, 3) институциональное оформление и 4) академическая критика, через которую проявляется устойчивость позиций школы и фиксируются ее границы. Бесспорное лидерство в ООО остается за Грэмом Харманом, который сформулировал фундаментальные принципы и понятийный аппарат ООО, ставшие ее общим теоретическим ядром, и на протяжении всего периода выступал и продолжает выступать ее главным публичным лицом, организатором, популяризатором и наставником для следующего поколения. Вторым по значимости лицом в ООО является Т. Мортон, чья публикационная активность, а также многочисленные проекты с художниками, экологами и др. привлекли к ней публичное внимание. Активность Л. Брайанта и И. Богоста в рамках школы к второй половине 2010-х гг. заметно снизилась. Начиная со второй половины 2010-х– начала 2020-х гг., постепенно сформировалось новое поколение объектно-ориентированных философов (Дж. Когбёрн, Н. Янг, А. Кляйнхеренбринк и др.).

Одной из главных особенностей ее институционального формирования является ее сетевой характер. С самого начала ООО не была связана с каким-либо учебным или научным заведением, а формировала круг своих последователей вокруг сетевых коммуникационных площадок – блогов, интеллектуальных журналов, книжных серий, междисциплинарных проектов на стыке философии, искусства и прикладной деятельности. С 2016 г. в Южно-Калифорнийском институте архитектуры (SCI Arc) в Лос-Анджелесе вокруг Хармана стала формироваться группа учеников, заинтересованных в применении идей ООО к архитектуре.

Ключевым моментом в оформлении ООО в школу философской мысли можно назвать формирование общего для ее участников теоретического ядра – в первую очередь разделяемых всеми участниками фундаментальных принципов: 1) онтологическая первичность объектов; 2) наличие онтологического “разлома” между реальным и воспринимаемым; 3) наличие онтологического “разлома” между объектом и его качествами. Из этих принципов выводятся другие теоретические положения ООО, такие как критика антропоцентризма и корреляционизма, изъятость реальных объектов, замещающая причинность, теория срывов, плоская онтология и др. Дальнейшее развитие теоретических положений ООО в сторону эстетики как первой философии также можно считать общей исследовательской программой, оно воплотилось в работах Хармана, Мортон и Богоста 2010-х гг.

В качестве метафоры напрашивается сравнение этапов становления ООО с периодами человеческой жизни. На первом этапе (1997–2006) Грэм Харман в одиночку делал первые робкие шаги в новом направлении при поддержке своего “крестного отца” Бруно Латура, постепенно обретая самостоятельность от “родительских фигур” – французских феноменологов, Альфонсо Лингиса и, конечно, Мартина Хайдеггера. В короткий, но бурный период “пубертата” (2008–2011) ООФ попыталась бросить вызов “взрослым” – континентальному философскому истеблишменту, эпатируя его скандальностью философских блогов. За это время появилась и распалась “подростковая группа” спекулятивных реалистов, ей на смену пришла дерзкая четверка объектно-ориентированных философов, которая тоже долго не продержалась в полном составе. После наступил период зрелости (с 2011), связанный с оформлением ООО в школу и применением ее принципов к искусству, архитектуре, дизайну, археологии, экологии, религии и т. д. Объектно-ориентированные философы, прежде всего, Г. Харман и Т. Мортон получили заслуженное признание, хотя оно шло в основном не из философских кругов. У ООО появились молодые последователи.

Продолжая сравнение, можно задаться вопросом, наступил ли у ООО “кризис среднего возраста”, связанный с переоценкой ценностей. Некоторые признаки такого кризиса можно выявить. Леви Брайант, переосмыслив свой подход как машинно-ориентированную онтологию, с тех пор так и не предложил никакого существенного развития своих идей. Его блог *Larval Subjects*, который он все эти годы активно вел, застыл на дате 15 сентября 2022. Иен Богост в своей монографии 2016 г. дистанцировался от понятийного аппарата ООО, хотя и сохранил верность фундаментальным принципам. Тим Мортон, пережив в 2023 г. религиозное обращение, в 2025 г. переосмыслил себя как христианского теолога. В апреле 2025 г. он удалил свой блог *Ecology without Nature*, в котором на протяжении полутора десятилетий излагал свои мысли по разным аспектам ООО. Вместе с тем Мортон все еще ассоциирует себя с объектно-ориентированным подходом и даже обещал собрать у себя в Университете Райса четвертый семинар по ООО (последний прошел в Нью-Йорке в 2011). Грэм Харман погрузился в проблематику применения ООО к различным частным сферам – искусству, архитектуре, археологии. Однако, в новой книге “Волны и камни” (2025) он вновь вернулся к систематической философии. Вполне возможно, что книги Мортон (2024) и Хармана (2025) открывают новый, четвертый, этап в развитии объектно-ориентированной онтологии, но эта гипотеза еще далека от своего подтверждения, поскольку прошло слишком мало времени.

Реконструкция и анализ основных теоретических принципов ООО позволила нам показать, что каркас теории держится не только на работах Грэма Хармана. Мортон, ранний Брайант и Богост, а также новое поколение объектно-ориентированных философов (прежде всего – Кляйнхеренбринк, Когбёрн и Янг) внесли значительный вклад в развитие, уточнение и дополнение теоретических положений Хармана. А применение ООО к искусству и архитектуре открыло новые философские проблемы, через решение которых ее понятийный аппарат значительно обогатился. В данном

исследовании мы также постарались внести свои критические предложения в модификацию и дополнение основных понятий ООО.

Теоретические положения ООО выстраиваются вокруг упомянутых трех фундаментальных принципов. Метафизика объектов – вокруг фундаментального принципа онтологической первичности объектов. Ее главная задача – защитить автономию объектов от редукции, с одной стороны, – к человеческому доступу, с другой – к частям, отношениям или глубинным началам. Первое – связано с критикой философии человеческого доступа или корреляционизма. Второй – с критикой эпистемологических стратегий срывов.

Главной проблемой философий доступа становится онто-таксономическая ошибка – заблуждение относительно привилегированного онтологического статуса человека по отношению к другим объектам. Иными словами, Харман считает, что философы, стоящие на этой установке, неверно проводят онтологический “разлом”, внося в онтологию иерархичность и подрывая автономию объектов. Вместо того, чтобы провести его по линии реальное/воспринимаемое, они проводят его по линии человек/мир. Опираясь на исследование Н. Янга мы показали главное различие между критикой философии человеческого доступа Хармана и критикой корреляционизма К. Мейясу. Оно заключается в разном видении проекта спекулятивной философии: в случае Мейясу – эпистемологическом, Хармана – онтологическом. Также нам удалось показать, что, несмотря на стереотипное мнение, принцип плоской онтологии не является первостепенным для ООО и может рассматриваться как факультативный.

Теория объектов в объектно-ориентированной онтологии выстраивается вокруг двух фундаментальных онтологических “разломов”, определяющих существование любых объектов в реальности: воспринимаемое/реальное и объект/качества. Сочетание этих принципов находит свое воплощение в модели четвероякого объекта Хармана – центральном элементе всей теории ООО. Харман создал аналитическую схему в форме квадратной матрицы,

состоящую из четырех полюсов – реального объекта (RO), реальных качеств (RQ), воспринимаемого объекта (SO) и воспринимаемых качеств (SQ) – и их десяти сочетаний (напряжений, юнкций и излучений). Анализ любого объекта по четвероякой схеме Харман называет онтографией – ее можно считать главным методом ООО в применении к исследовательским задачам.

Проведя тщательную реконструкцию модели четвероякого объекта и метода онтографии, а также изучив существующую критику теории времени и пространства, нам удалось критически переосмыслить некоторые их элементы. Онтография Хармана выстраивается вокруг анализа трех типов связей между полюсами четвероякого объекта. Он называет напряжением связь между объектом и качествами, их насчитывается четыре: SO–SQ – время, SO–RQ – эйдос, RO–SQ – пространство, RO–RQ – сущность. Мы оспорили корректность именования напряжения RO–SQ пространством и переосмыслили его как категорию *энергии*. Также мы внесли корректировки в понимание понятий аллюра, искренности и т. д., а также поставили под сомнение адекватность выделения отдельного типа связей для качеств (излучений).

Значительным вкладом в теорию объектов ООО является концепция гиперобъектов Тимоти Мортон. Гиперобъектами Мортон называет особый тип объектов, которые широко распространены во времени и пространстве и не поддаются целостному восприятию. Нам удалось показать, что теория гиперобъектов полностью соответствует фундаментальному различению реального/воспринимаемого. А также обосновать, что гиперобъекты относятся к классу воспринимаемых объектов, за которыми скрываются реальные объекты. Описываемые Мортоном свойства гиперобъектов также относятся к особенностям их восприятия.

С помощью своей концепции Мортон критикует феноменологическое понятие мира как возможности места позиции и “пустого пространства”, населенного объектами. С точки зрения Мортон, феноменология мира не замечает обусловленность восприятия средой гиперобъекта, в которую

неизбежно погружен наблюдатель. Погруженность воспринимающего в гиперобъект он описывает свойствами вязкости и нелокальности. Ощущение “приклеенности” к гиперобъекту обеспечивается интеробъективной системой – сеткой, которую можно назвать аналогом эфира у Хармана. Мортон филигранно вводит в свою теорию термины буддийской философии – *бардо* и *карма*. Бардо представляет собой условное пространство или зазор между изъятым реальным объектом и сеткой или эфиром. Термином бардоподобное состояние (сон наяву) он описывает осознание нереальности воспринимаемых объектов. Карма описывает то, из чего собирается опыт восприятия; это – узор или спектр чёрного шума. Наше исследование устраняет недооценку влияния буддийской философии на Мортонна.

Одной из самых уязвимых для критики тем объектно-ориентированной онтологии является проблема времени и пространства, которые в онтографии Хармана соответствуют напряжениям SO–SQ и RO–SQ. Главный тезис критиков теории времени заключался в вопросе: как возможны изменения в реальных объектах, если они находятся, согласно ООО, вне времени, ведь время принадлежит сфере восприятия (SO–SQ). П. Граттон пришел к мысли, что реальные объекты Хармана должны в таком случае быть вечными как платоновские идеи, а П. Вульфиндейл и А. Кляйнхеренбринк предположили существование некоего глубинного или внутреннего времени, которое описывало бы трансформацию реальных объектов. Ответ Хармана звучал как “время порождается объектами”. Нам удалось реконструировать его логику: изменения в реальных объектах, с точки зрения ООО, происходят благодаря механизму замещающей причинности, т. е. посредством воспринимаемого объекта и его качеств. В своем подходе ко времени Харман совпадает с Мортонном, который считает, что время – результат эмиссии, осуществляемой воспринимаемыми объектами.

Теория пространства встретила меньше критики, однако, на наш взгляд, оказалась более проблематичной. Она не справилась с проблемой защиты теории от ее собственных метафор, на которую указал Л. Холм. С точки зрения

Хармана, отношения между двумя объектами возникают внутри пространства – третьего. Однако, пространство третьего объекта, в котором разворачиваются отношения и не-отношения двух других – это метафорическое пространство, потому что ни у одного из них нет прямого доступа к внутреннему пространству третьего. Ни один из критиков не обратил внимания на тот факт, что категория пространства в онтографии Хармана совпадает со структурой метафоры – оба представляют собой напряжение RO–SQ. Мы предложили понимать категорию пространства в онтографии ООО как разновидность напряжения SO–SQ, в котором объект и качества будут относиться ко всей совокупности воспринимаемых объектов, а напряжение RO–SQ – как категорию *энергии*. Понятие энергии появляется в работах Хармана, когда он говорит о переводе формы реального объекта в форму – воспринимаемого: он сопровождается затратой энергии. При этом он никак не концептуализирует энергию в контексте онтографии. Мы обратились к понятию энергия у Аристотеля как действию и реализации способности. В нашей интерпретации энергия указывает на отношения сокрытого и проявленного – реализацию способности к восприятию. Добавляя к этому идею к этому идею А. Лингиса о многоуровневости эфира чувственных качеств, содержащуюся в ООО, мы формулируем концепцию энергетического спектра восприятия.

Теория непрямой причинности ООО отвечает на вопрос о том, как реальные объекты взаимодействуют друг с другом, если они изъяты из всех отношений между собой. Грэм Харман называет ее замещающей причинностью, а Тимоти Мортон – магической. Она осуществляется через посредника, которым в ООО становится воспринимаемый объект, замещающий – реальный в восприятии другого реального объекта. В подходе Хармана замещающая причинность носит также буферизированный и асимметричный характер. Мортон рассматривает причинность как эстетический феномен. Мы вновь отметили, что его подход невозможно рассматривать в отрыве от буддийского бэкграунда. Он переосмысляет

понятие кармы, принадлежащее к индо-буддийской теории причинности. В его интерпретации карма представляет собой устойчивые паттерны, циклы или петли формирования воспринимаемых объектов. Они возникают из обобщения накопленного опыта, ставшего привычным. Будучи объектами в сфере восприятия, они не обладают собственной реальностью, т. е. иллюзорны. Непрямая причинность действует через иллюзию, основанную на кармическом паттерне или привычке.

Осознание иллюзорного характера причинно-следственной связи приводит к переживанию странного (*weird*), которое Мортон также характеризует как тёмное мышление или бардоподобное состояние. Странное разоблачает иллюзорный, сконструированный мышлением, характер механистической причинности. Ощущение странного возникает при обнаружении зазора между ожидаемым результатом действия, основанного на кармическом паттерне или привычке, и явленным несовпадением с ним. В нем происходит слом механистической причинно-следственной схемы и проявляется эстетическое измерение причинности. Это переплетение иллюзии и причинности Мортон называет словом “магия”. В отличие от Хармана, Мортон обнаруживает энергетический характер эстетического воздействия и называет его понятием *харизма*, что косвенно подтверждает верность нашего предложения о введении категории энергии.

Ключевым элементом в механизме работы непрямой причинности оказывает напряжение RO–SQ, которое, согласно нашей интерпретации, соответствует категории энергии. Ту же структуру в теории Хармана имеет метафора, через объяснение которой он раскрывает особенности непрямого взаимодействия со скрытым реальным объектом. Дело в том, что воспринимаемые качества не могут существовать отдельно от объекта, а реальный объект, в напряжении с которым они находятся, изъят из прямого доступа. Таким образом, они должны прикрепиться к другому – единственно доступному реальному объекту – тому, кто воспринимает. В основе работы

метафоры лежит подмена одного реального объекта другим. Харман называет этот эффект театральностью.

Однако, Харман не поясняет, как устроена механизм театральности эстетического переживания. Чтобы его прояснить, мы обратились к понятию игры Брайана Массуми. Он рассматривает игру как возникновение делёзианской “зоны неразличимости” – ситуации, в которой в единстве действия объединяются два состояния – игрока и его игровой роли. Игра имеет ту же структуру, что и метафора. В ней один реальный объект исполняет роль другого реального объекта, переживая его воспринимаемые качества. Через понятие игры нам удалось уточнить хармановское понятие аллюра.

Частным случаем познавательной игры можно считать антропоморфизацию. Близкие к ООО философы Джейн Беннетт и Роджер Джексон противопоставляют антропоморфизм и антропоцентризм, считая первый способом нивелировать антропоцентрический взгляд на мир за счет включения в категорию человеческого нечеловеческих существ. На наш взгляд, антропоморфизм становится ошибкой мышления и усилением антропоцентрического взгляда на мир, если мы понимаем его буквально. Однако, эстетический подход к антропоморфизму избавляет нас от этой проблемы. В эстетике ООО наделение нечеловеческого объекта человеческими качествами – это путь метафоры, к которой необходимо применить принцип театральности.

Применение ООО к области искусства, архитектуры и дизайна позволило объектно-ориентированным философам сформулировать основные принципы эстетической теории. строится на трех столпах: антибуквализм, формализм и театральность. Для Хармана буквальное или рациональное знание он относит к сфере восприятия, в то время как эстетический опыт он понимает, как имеющий не прямой доступ к реальности (RO–SQ). Соответственно под буквализмом в искусстве и эстетике он имеет в виду перевод произведения искусства в форму буквального знания. Формализм Харман понимает, как предоставление произведению искусства автономии от контекста, связей и

среды. Театральность позволяет создать симбиоз между арт-объектом и зрителем. Один из ключевых тезисов эстетики Хармана звучит следующим образом: “Всё искусство – театрально”, а Мортон – “Всё искусство – экологично”, потому что опыт сосуществования людей и нелюдей для него носит эстетический характер.

В отличие от произведений искусства, у архитектурных объектов есть ярко выраженная функция, что сильно затрудняет разговор об их автономии. Однако, по мнению Хармана, снижение роли функции ради повышения автономии объекта вовсе не означает “архитектуры без людей”. Оно достигается через человеческое присутствие без наблюдения. Харман обращается к своему понятию перспектива от нулевого лица, которое он использовал в отношении реальных объектов, изъятых из прямых отношений с другими реальными объектами. Он предлагает произвести зануление (*zeroing*) архитектурной функции, которое он понимает как ее эстетизацию, т. е. применение к функции эстетических принципов антибуквализма и театральности.

Эстетику можно рассматривать в качестве более универсального подхода в применении к другим областям теории и практики. Инструменты эстетики, с точки зрения ООО, дают более глубокий, но непрямой доступ к реальности объектов, в отличие от рационального знания. Этот подход может найти свое применение в таких области социальных и гуманитарных наук (в особенности, использующих полевые исследования). Концепция зануления функции может быть использована в критике функционалистских подходов. Однако, эта тема еще требует дальнейшей разработки.

Среди проблем, которые остались нерешенными, мы указали бы вопрос о прямом доступе реального объекта к собственной реальности. Этот вопрос никак не поднимался в рамках ООО, однако он имеет важное значение для исследований в области психологии, антропологии религиозного опыта и т. д. На наш взгляд, продуктивным направлением для дальнейших исследований может стать переосмысление понятия чистого опыта (У. Джеймс, Нисида К.)

и растительного мышления (М. Мардер) в терминах ООО и его интеграция в модель четвероякого объекта.

Список литературы

1. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: политическая экология вещей / пер. А. Саркисянца. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 220 с.
2. Бирюков, Д. С. Причастность и универсалии в восточно-христианской традиции: от отцов-каппадокийцев до Григория Паламы. СПб : Издательство РХГА, 2016. 232 с.
3. Богост И. Чужая феноменология, или Каково быть вещью? / пер. Г. Г. Коломийца. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 200 с.
4. Брайант Л. Демократия объектов / пер. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
5. Брассье Р. Понятия и объекты / пер. Cube of Pink // Логос. 2017. Том 27. № 3. С. 227–262.
6. Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и Западе: метафизика и разделение христианского мира / пер. А. И. Кырлежева и А. Р. Фокина. М. : Языки славянских культур, 2012. 384 с.
7. Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. Д. Кралечкина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с. (Новая антропология).
8. Вилейкис А. И целого мира мало: политическое темной экологии // Логос. 2019. Т. 29, №5. С. 103–124.
9. Вилейкис А., Ханова П. Город – гиперобъект. Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 7–16.
10. Воронков А. Тёмная экология между письмом и инаковостью // Логос. 2019. Т. 29. № 5. С. 33–56.
11. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. В. И. Молчанова. М. : Академический проект, 2011. 565 с. (Философские технологии).
12. Девайкин И.А. Преодоление корреляционизма в современной онтологии (на материале работ Г. Хармана, К. Мейясу и Р. Брассье): специальность 5.7.1

“Онтология и теория познания”: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2023.

13. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. №3. С. 33–55.

14. Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. К. С. Майоровой. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.

15. Делёз Ж. Логика смысла / пер. Я.И. Свирского. М. : Академический Проект, 2011. 472 с. (Философские технологии).

16. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. Д. Я. Калугина. СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с. (Прагматический поворот. Вып. 1).

17. Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию / пер. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

18. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. ; СПб : Университетская книга, 2000. 416 с. (Книга света).

19. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / ред. и сост. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. М. : Издательство “Мысль”, 1982. 636 с. (Философское наследие. Т. 85).

20. Массуми Б. Чему животные учат нас в политике? / пер. А. Морозова и Д. Хамис. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 180 с.

21. Мейендорф, И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение / пер. Г. Н. Начинкина; под ред. И. П. Медведева, В. М. Лурье; 2-е изд. – СПб : Византинороссика, 1997. XVI+480 с. (Subsidia Byzantinorossica. Т. 2).

22. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. В. Абраменко. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 284 с.

23. Мортон Т. Поганый гнозис без конца и края, или Апофеоз спекулятивного реализма // Центр политического анализа. 2024. URL:

<https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/poganyj-gnozis-bez-kontsa-i-kraja-ili-apofeoz-spekuljativnogo-realizma> (дата обращения 25.02.2026).

24. Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом / пер. А. Морозова // Логос. 2019. Том 29, № 5. С. 57–70.

25. Мортон Т. Стать экологичным / пер. Д. Кралечкина. М. : Ад Маргинем; Музей современного искусства “Гараж”, 2019. 240 с.

26. Мулин Г. Тибетская книга мертвых (сборник). М.: Издательство АСТ, 2017. 286 с. (Лучшие переводы и комментарии).

27. Писарев А., Морозов А. Speculative Realism: Exit // Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М. : РИПОЛ классик, 2019. С. 7–33.

28. Саган К. Голубая точка. Космическое будущее человечества / пер. О. Сивченко. М. : Альпина-нон-фикшн, 2016. 406 с.

29. Соколовский С. В. К самим вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.21 / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2016. С.9–35.

30. Соколовский С. В. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и “онтологический поворот”. / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2017. С. 3–30.

31. Субири Х. О сущности / пер. Г. В. Вдовиной. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 456 с.

32. Турман Р. Тибетская книга мертвых / пер. О. Альбедия. М. : Открытый Мир, 2005. 352 с.

33. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / сост. И. Т. Касавин; общ. ред. М.А. Кисселя; пер. А. Ф Грязнов и др. М. : Прогресс, 1990. 718 с. (Философская мысль Запада).

34. Уайтхед А. Н. Приключения идей / пер. Л. Б. Тумановой. – М.: ИФРАН, 2009. 383 с. (Философская классика: новый перевод).

35. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М. : Ад Маргинем, 1997. 452 с.

36. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
37. Харман Г. Имматериализм: объекты и социальная теория / пер. А. Писарева. М. : Издательство Института Гайдара, 2018. 152 с. (Библиотека журнала “Логос”).
38. Харман Г. Искусство и объекты / пер. Д. Кралечкина. М. : Издательство Института Гайдара, 2023. 441 с. (Библиотека журнала “Логос”).
39. Харман Г. О замещающей причинности / пер. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения 04.05.2026).
40. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего / пер. М. Фетисова. М. : Ад Маргинем, 2021. 272 с.
41. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / пер. А. Морозова и О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
42. Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. Г. Коломийца и П. Хановой. Пермь : Гиле Пресс, 2020. 258 с.
43. Харман. Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. А. А. Писарева. М. : РИПОЛ классик, 2020. 496 с. (Фигуры Философии).
44. Хаустов Д. Тёмные теории: философия после постмодерна. М. : Издательство Лёд, 2026. 416 с. (Российская академия).
45. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. О. Мышкина. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 210 с.
46. 15 Years of Speculative Realism: 2007–2022 / eds. Johns C., Bensusan H. London ; Washington, DC : Zero Books, 2024. 472 p.
47. After Speculative Realism / eds. Johns C., Bensusan H. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2025. viii, 303 p.
48. Bennett J. Systems and Things: A Response to Graham Harman and Timothy Morton // New Literary History. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 225–233.

49. Bhaskar R. A Realist Theory of Science / 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2008. 304 p.
50. Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2012. viii, 185 p. (Posthumanities. Vol. 20).
51. Bogost I. Play Anything: The Pleasure of Limits, the Uses of Boredom, and the Secret of Games. New York : Basic Books, 2016 (e-Book).
52. Bogost I. Unit Operations: An Approach to Videogame Criticism. Cambridge, MA ; London, UK : The MIT Press, 2006. xv, 244 p.
53. Bradshaw D. Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. xiv, 312 p.
54. Brassier R. Deleveling: Against 'Flat Ontologies' // Under Influence – Philosophical Festival Drift / ed. by C. van Dijk, E. van der Graaf, M. den Haan, R. de Jong, C. Roodenburg, D. Til and D. Waal. Omnia, 2014. P. 64–80.
55. Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. Speculative Realism // Collapse. 2007. Vol. 3. P. 307–449.
56. Brooks C. The Well Wrought Urn. – New York: Harcourt, Brace & World, 1947. xi, 300 p.
57. Bryant L. Onticology – A Manifesto for Object-Oriented Ontology Part I // Larval Subjects. 2010. Jan. 12. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2010/01/12/object-oriented-ontology-a-manifesto-part-i> (дата обращения 12.02.2025).
58. Bryant L. Onticology – A Manifesto for Object-Oriented Ontology Part II // Larval Subjects. 2010. Jan. 19. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2010/01/19/onticology-a-manifesto-for-object-oriented-ontology-part-2> (дата обращения 12.02.2025).
59. Bryant L. Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 312 p. (Speculative Realism).
60. Bryant L. The Democracy of Objects. Ann Arbor : Open Humanity Press, 2011. 302 p. (New Metaphysics).

61. Cogburn J, Young N. Revisiting the Notion of Vicarious Cause: Allure, Metaphor, and Realism in Object-Oriented Ontology // *Open Philosophy*. 2024. №7. P. 1–14.
62. Cogburn J. *Garcian Meditations: The Dialectics of Persistence in Form and Object*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 256 p. (Speculative Realism).
63. Coggins D. Secret Powers: An Interview with Joanna Malinowska // *Artnet*. 2010. Jan 15. URL: <https://www.artnet.com/magazineus/features/coggins/joanna-malinowska1-15-10.asp> (дата обращения 17.08.2026).
64. *Continental Realism and Its Discontents* / ed. by M.-E. Morin. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2017. 190 p. (New Perspectives in Ontology).
65. DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London ; New York : Continuum, 2002. 240 p.
66. DeLanda M., Harman G. *The Rise of Realism*. Cambridge, UK ; Malden, MA, USA : Polity Press, 2017 (e-Book).
67. Eddington A. S. *The Nature of the Physical World*. New York : MacMillan, 1929. xvii, 361 p.
68. Ennis P. *Continental Realism*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011 (e-Book).
69. Ennis P. J. *Post-Continental Voices: Selected Interviews*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2010.
70. Gage M. F. Killing Simplicity: Object-Oriented Philosophy in Architecture // *Log*. 2015. № 33, Winter. P. 95–106.
71. Gannon T. Harman G., Ruy D., Wiscombe T. The Object Turn: A Conversation // *Log*. 2015. № 33, Winter. P. 73–94.
72. Goldfarb B. How do you make a movie about a hyperobject? // *High Country News*. 2021, Dec 31. URL: <https://www.hcn.org/issues/54-2/climate-change-how-do-you-make-a-movie-about-a-hyperobject/> (дата обращения 17.08.2026).
73. Gratton P. *Interviews: Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis* // *Speculations I* (2nd ed.). Brooklyn, NY : Punctum Books, 2020. P. 84–135.

74. Gratton P. *Speculative Realism: Problems and Prospects*. London ; New York: Bloomsbury, 2014. 264 p.
75. Harman G. *Architecture and Objects*. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2022. 232 p. (Art After Nature).
76. Harman G. *Art and Objects*. Cambridge, UK : Polity, 2020. 228 p.
77. Harman G. *Artful Objects: Graham Harman on Art and the Business of Speculative Realism* / ed. by I. Nilson, E. Wikberg. Berlin ; Stockholm : Sternberg Press ; Stockholm School of Economics, 2021. 200 p.
78. Harman G. *Bells and Whistles: More Speculative Realism*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2013 (e-Book).
79. Harman G. *Bruno Latour: Reassembling the Political*. London : Pluto Press, 2014. 208 p.
80. Harman G. *Circus Philosophicus*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2010 (e-Book).
81. Harman G. *Dante's Brocken Hammer: The Ethics, Aesthetics, and Metaphysics of Love*. London : Repeater Books, 2016 (e-Book).
82. Harman G. *DeLanda's Ontology: Assemblage and Realism* // *Continental Philosophy Review*. 2008. Vol. 41 (3). P. 367–383.
83. Harman G. *Guerrilla metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago ; La Salle, IL: Open Court, 2005. x, 284 p.
84. Harman G. *Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing*. Chicago ; La Salle, IL : Open Court, 2007. 193 p. (Ideas Explained. Vol. 4).
85. Harman G. *Immaterialism: Objects and Social Theory*. Malden, MA : Polity, 2016. 152 p.
86. Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New "Theory of Everything"*. London : Pelican, 2018. 320 p.
87. Harman G. *Objects Untimely: Object-Oriented Philosophy and Archaeology*. Cambridge ; Hoboken : Polity Press, 2023 (e-Book).
88. Harman G. *On Vicarious Causation* // *Collapse*. 2007. Vol. II. P. 187–221.

89. Harman G. *Prince of Network: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne : Re.Press, 2009. 258 p.
90. Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. viii, 248 p. (Speculative Realism).
91. Harman G. *Skirmishes: With Friends, Enemies, and Neutrals*. Santa Barbara ; Goleta : Punctum Books, 2020. 466 p.
92. Harman G. *The Current State of Speculative Realism // Speculations IV*. Brooklyn, NY: Punctum Books, 2013. P. 22–28.
93. Harman G. *The Road to Objects // Continent*. 2011. Vol. 3 (1). P.
94. Harman G. *The Third Table*. Ostfildern : Hatje Cantz, 2012.
95. Harman G. *The Well-Wrought Broken Hammer: Object-Oriented Literary Criticism // New Literary History*. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 183–203. 24 p. (100 Notes – 100 Thoughts; № 085).
96. Harman G. *Tool-being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago ; La Salle, IL : Open Court, 2002. viii, 331 p.
97. Harman G. *Towards Speculative Realism*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2010 (e-Book).
98. Harman G. *Waves and Stones: On the Ultimate Nature of Reality*. London : Allen Lane, 2025. 416 p.
99. Harman G. *Zero-person and the psyche // Mind that Abides: Panpsychism in the New Millennium / ed. by D. Skrbina*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 253–282.
100. Harman G., Pinho T. *Interview // Philosophy Now*. 2020. No. 139. URL: https://philosophynow.org/issues/139/Graham_Harman (дата обращения 11.07.2025).
101. Harman G., Wiscombe T. *On Flat Ontology: Harman + Wiscombe // Tom Wiscombe Architecture*. 2021. URL: <https://tomwiscombe.com/On-Flat-Ontology-Harman-Wiscombe-1> (дата обращения 22.08.2026).
102. Harman, G. *Speculative Realism: An Introduction*. Cambridge : Polity, 2018. 208 p.

103. Harman, G. *The Quadruple Object*. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011. 164 p.
104. Heidegger M. *Being and Time* / trans. by J. Macquarrie and E. Robinson. Oxford : Blackwell, 1962. 589 p.
105. Holm L. Lorens Holm, *Architecture and Its Objects // Is There an Object-Oriented Architecture? Engaging Graham Harman* / ed. by J. Bedford. London : Bloomsbury, 2020. P. 61–74.
106. *Hyperobjects for Artisits* / ed. by T. Morton, L. Copelin, P. Gardner. Marfa, TX : Ballroom Marfa, 2018. 128 p.
107. *Is There an Object-Oriented Architecture? Engaging Graham Harman* / ed. by J. Bedford. London ; New York : Bloonsbury Academics, 2020. 202 p.
108. Jackson R. *The Anxiousness of Objects and Artworks // Speculations II*. Brooklyn, NY. Punctum Books, 2011. P. 135–168.
109. Jackson R. *The Anxiousness of Objects and Artworks 2 // Speculations V*. Brooklyn, NY. Punctum Books, 2014. P. 311–358.
110. Jennifer Walshe & Timothy Morton: *Time Time Time // Serpentine Gallery*. – 2019. URL: <https://www.serpentinegalleries.org/whats-on/jennifer-walshe-timothy-morton-time-time-time/> (дата обращения 17.08.2026).
111. Kleinherenbrink A. *Against Continuity: Gilles Deleuze's Speculative Realism*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. 304 p. (Speculative Realism).
112. Kleinherenbrink A. *The Two Times of Objects: A Solution to the Problem of Time in Object-Oriented Ontology // Open Philosophy*. 2019. № 2. P. 539–551.
113. Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2013. 520 p.
114. Latour B. *Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30. P. 225–248.

115. Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011 (e-Book).
116. Lingis A. Imperative. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1998. 240 p.
117. Madden J. D. Unidentified Flying Hyperobject: UFO's Philosophy and the End of the World. Ontocalipse Press, 2023. 234 p.
118. McClintock P. Adam McKay on His Enduring Love for Will Ferrell and the "Insane" State of the World: "I'm Fully Freaked Out" // The Hollywood Reporter. — 2021, Dec. 8. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/adam-mckay-interview-dont-look-up-will-ferrell-1235058377/> (дата обращения 17.08.2026).
119. Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign / unpublished version / trans. R. Mackay // Freie Universität, Berlin. 2012, 20 Apr. URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения 28.08.2026).
120. Morton T. All Art Is Ecological. Penguin Classics, 2021 (e-Book).
121. Morton T. An Object-Oriented Defense of Poetry // New Literary History. 2012. Vol. 43, №. 2. P. 205–224.
122. Morton T. Being Ecological. London : Pelican, 2017. xxxvii, 217 p.
123. Morton T. Byron's Manfred and Ecocriticism: Dark Ecology // Palgrave Advances in Byron Studies / ed. by J. Stabler. London : Palgrave Macmillan, 2007. P. 155–170.
124. Morton T. Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. New York : Columbia University Press, 2016. 208 p. (The Wellek Library Lectures).
125. Morton T. Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2007. viii, 249 p.
126. Morton T. Environmentalism // Romanticism: An Oxford Guide / ed. by N. Roe. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 696–707.

127. Morton T. *Hell: In Search of a Christian Ecology*. New York : Columbia University Press, 2024. liii, 245 p.
128. Morton T. *Here Comes Everything: The Promise of Object-Oriented Ontology* // *Qui Parle*. 2011. 19 (2). С. 163–190.
129. Morton T. *Humankind: Solidarity with Nonhuman People*. London ; New York : Verso, 2017. 224 p.
130. Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2013. 240 p. (Posthumanities. Vol. 27)
131. Morton T. *Nature and Culture* // *The Cambridge Companion to Shelley* / ed. by T. Morton. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 185–207.
132. Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality* / 2nd ed. London : Open Humanity Press, 2025. 226 p. (New Metaphysics).
133. Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. – Ann Arbor : Open Humanity Press, 2013. 222 p. (New Metaphysics).
134. Morton T. *Spacecraft*. New York ; London : Bloomsbury Academic, 2021. 160 p. (Object Lessons).
135. Morton T. *Stuff of Life*. London ; New York: Bloomsbury Academic, 2023. 144 p.
136. Morton T. *The Ecological Thought*. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2010. viii, 163 p.
137. Morton T. *What If Art Were a Kind of Magic?* // *ArtReview*. 2015. 10 Dec. URL: <https://artreview.com/november-2015-feature-timothy-morton-charisma-causality/> (дата обращения 20.06.2026).
138. Nail T. *Theory of the Object*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. 280 p.
139. Nooteboom B. *Objects, Relations, Potential and Change* // *Open Philosophy*. 2020. № 3. P. 53–67.
140. Norwood B. E. *Metaphors for Nothing* // *Log*. 2015. №33, Winter. P. 107–120.

141. Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale // *Insan & Toplum –The Journal of Humanity & Society*. 2019. Vol. 3., №. 9. P. 1–13.
142. Rothman R. Object-Oriented Surrealism: Salvador Dalí and the Poetic Autonomy of Things // *Culture, Theory and Critique*, 2016. Vol. 57, №. 2. P. 176–196.
143. Russell, N. Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age. Oxford : Oxford University Press, 2019. 288 p.
144. Schumacher P. A Critique of Object-Oriented Architecture // *The Secret Life of Buildings* / ed. by M. Benedikt, K. Beig. Austin, TX : Center for American Architecture and Design, 2018. P. 70–87.
145. Schumacher P. Parametricism as Style – Parametricist Manifesto // Patrick Schumacher official site. 2008. URL: <https://patrikschumacher.com/parametricism-as-style-parametricist-manifesto/> (дата обращения 21.08.2026).
146. Shaviro S. The Universe of Things: On Speculative Realism. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2014. 192 p. (Posthumanities. Vol. 30).
147. Sparrow T. The End of Phenomenology: Metaphysics and the New Realism. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. 204 p. (Speculative Realism).
148. The Graham Harman Reader: Including Collected Works and Previously Unpublished Material / ed. by J. Cogburn and N. Young. Winchester, UK ; Washington, USA : John Hunt Publishing, 2023 (e-Book).
149. The Nonhuman Turn / ed. by R. Grusin. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2015. xxix, 282 p. (Center for 21st Century Studies)
150. The Ontological Turn: An Anthropological Exposition / ed. by M. Holbraad, M. A. Pedersen. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. xiv, 352 p. (New Departures in Anthropology).

151. The Secret Life of Buildings / ed. by M. Benedikt, K. Beig. Austin, TX : Center for American Architecture and Design, 2018. 236 p. (Center: Architecture and Design in America. Vol. 21).
152. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / ed. by L. Briant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne : Re.Press, 2011. 440 p.
153. Umbrello S. A Theory of Everything? // Cultural Studies Review. 2018. Vol. 24, №. 2. P. 184–186.
154. Weir S. Living and Nonliving Occasionalism // Open Philosophy. 2020. № 3. P. 147–160.
155. Weir S., Dibbs J. A. The Ontographic Turn: From Cubism to the Surrealist Object // Open Philosophy. 2019. № 2. P. 384–398.
156. Wiscombe T. Conversations about Architecture and Objects. Los Angeles: Tom Wiscombe, 2021. 102 p.
157. Wiscombe T. Objects Models Worlds. – AADCU, 2021. 416 p.
158. Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Falmouth : Urbanomic, 2019. 436 p.
159. Young N. All Objects Are Bound by Time: Temporality and Change in Object-Oriented Philosophy // After Speculative Realism / eds. John C., Bensusan H. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2025. P. 51–64.
160. Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access // Open Philosophy. 2020. № 3. P. 42–52.
161. Žižek S. Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London ; New York : Verso, 2012. 1038 p.